

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА

ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ

г.Бийск

2006 г

**ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
К-875**

**К-875 Л.Козлова.-> Легенда о Беловодье».-Повести -г.Бийск.-
2006 г.- 240 с.**

Козлова Людмила Максимовна – автор поэтических книг «Дикая мальва», «Я вернусь», «Я их любила», «Воробушек, птица моя», «Костёр осеннего разлада», книг прозы «На улице солнечной» т.1-2, «Афганское болеро», «Мой сын – Ангел». Член Союза писателей России, лауреат краевых литературных премий им. В.М. Шукшина, Л.С. Мерзликина, литературной премии Славянского общества, им. Н. М. Черкасова, Премии Алтайского края в номинации «литература» (2010 г), Первого международного конкурса им.Сергея Михалкова (2008 г).

**ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-4
ISBN 5-87643-116-8**

© Козлова Л.М.

Редактор и рецензент Николаев Н.М.

ПОВЕСТИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОВЕСТИ:

ЭНИГМА (Легенда о Беловодье).....	4
АФГАНСКАЯ РАПСОДИЯ.....	39
ПРОСТРАНСТВО ЗЛА.....	94
ПОТЕРЯВШАЯ ПРОШЛОЕ.....	117
ИСТОРИЯ АНТИХРИСТА.....	147
БЕСЕДЫ С ИИСУСОМ.....	179
ДОМ.....	203
В ПОИСКАХ ШЕСТОЙ РАСЫ.....	210
ЛЕТЯЩАЯ В СНЕГОПАДЕ.....	221-252

ЭНИГМА

(Легенда о Беловодье)

Часть первая

1.

Эври долго изучала карту. Может быть, кому-то покажется странным, но она любила делать это. Особенно её притягивали физические карты - каждая из них была произведением искусства. Эври смотрела на цветное полотно, и через некоторое время карта оживала. Это всегда были картины лета.

Долины покрывались травами, кустарниками, цветами, над ними летели легкие облака, пели птицы. Долины бежали до самого подножия гор, выгибая свою поверхность, словно края зонтика.

Дальше вздымались каменные громады, заросшие соснами, осинами, берёзами. Издалека горы казались синими, а вблизи – полыхала разными оттенками зелень, темнели террасы, на поверхности которых плескались белые, розовые, желтые разливы –это буйно цвели кустарники. Выступали неровными причудливыми громадами скалы, то покрытые мхом, то глянцевыми толстыми листьями бадана. Реки, совершенно живые, серебристо-голубыми мерцающими нитями, словно драгоценные украшения, расцвечивали и без того цветной мир,

Эври любила карту Алтая. Его очертания, напоминавшие колышущееся на ветру знамя, зелёная краска на севере и юго-западе постепенно переходившая в желтоватую, потом светло-коричневую и совсем тёмную при продвижении на восток и юго-восток - всё таило в себе какую-то *з а г а д к у*. Эври не могла объяснить, что это такое, но всё её существо замирало, когда она скользила глазами по карте. Ей казалось, что где-то в районе гор должна быть Ключевая Точка. Стоило найти её, и она, Эври, получит Ключ к Тайне. Поэтому миллиметр за миллиметром рассматривала она карту, словно сканируя реальную поверхность земли. Сейчас, в начале учебного года, карта совершенно новая, блестела как яркий большой фантик.

2.

Урок географии начался как всегда с проверки домашнего задания. Географичка вызвала к доске твёрдого троечника- Сережку Иванова. «Это надолго», - подумала Эври, зная, что Сережка будет тянуть время, вспоминать что-то, ловить подсказки...

Она тут же разложила карту Алтая и утонула в ней, словно в волшебной сказке. Горную часть на северо-востоке, где раскинулась гигантская скобка Салаира, Эври уже просмотрела, не пропуская ни миллиметра.

Точно следуя вдоль кряжа, не забывая ни одного из уступов, мощными волнами стекавших в Кузнецкую котловину, Эври проследовала на юго-запад, прошлась по длинной пологой поверхности склона. Она видела, словно на большом экране, холмы, долины, увалы.

Наблюдала, как тёмная зелень пихтовых склонов постепенно светлеет от берёз, осин, раскрашивается разноцветной зеленью кустарников. В высоких травах Салаирских увалов время от времени проявлялась бегущая оранжевая лиса или норка, шерсть которой блестела на солнце, словно живая тёмная змейка в зеленом море.

Всё это Эври уже просмотрела, как самый интересный фильм. Поэтому сегодня она двинулась, перелетев через ленивую Бию и гудящую бесноватую Катунь, на юг – к Семинскому хребту. Величественный и фантастический, он, повторяя путь реки, вытянулся широкой дугой с севера на юг. При взгляде сверху мощная горная громада являла почти точный образ многоногого дракона. Эври так и назвала его – Семинский Дракон. Образ был настолько живым, что казалось, дракон бежит, торопясь, к намеченной цели – вечный охотник в погоне за вечной жертвой.

Эври терпеливо, как всегда миллиметр за миллиметром, исследовала большое тело дракона, все его мускулистые ноги, голову, хвост. Она даже явственно слышала аромат багульника, папоротника, яркий особенный запах горных трав и кустарников.

Там, где дракон почти касался лапами Катуни, Эври слышала гул её зеленых вод. Скользя вниз с мохнатой хвойной спины вдоль каждой лапы чудовища, Эври ждала какого-то сигнала. Она не знала, каков он, но была уверена, что распознает его – нужно только выявить эту Ключевую Точку.

Прозвенел звонок - урок географии закончился. Эври с сожалением оторвалась от карты, сложила её и отправилась вместе со всеми в кабинет физики.

3.

Эври бежала домой из школы узкой тропинкой, утонувшей в зарослях полыни. Большой деревянный дом Эври стоял почти на берегу Бии. Зелёный Клин - так назывался этот район города. Пряный полынный аромат и вкус ощущались даже на губах. Жёлтая пыльца садилась на волосы и платье. Коричневый портфель был весь раскрашен полынными пятнами.

Эври вышла на полянку на берегу реки, стряхнула все полынные метки, и направилась к дому. Она торопилась - карта, словно живое существо, звала её.

Наскоро похватав жареную картошку с горячей сковородки, Эври выпила стакан молока и разложила на столе карту. В доме никого не было – родители на работе, братья ушли в школу во вторую смену.

Снова двинулась Эври по Семинскому хребту на юг. Каменный Дракон уводил её вглубь Горно-Алтайской республики. Словно компьютерное устройство, глаз Эври высвечивал на карте всё новые заросли сосен, кедров, елей, альпийские луга сияли всеми красками, кое- где высокие каменные скалы хранили жемчужные снежники. Но нигде, ни на спине дракона, ни на его мощных лапах, ни рядом – на каменных скалах, ни между ними - ничто не откликнулось, не отозвалось эхом на сигнал Эври. Она даже знала, почему – потому что вдоль Семинского перевала и днём и ночью двигались автомобили – там проходил знаменитый Чуйский тракт.

Эври довольно долго исследовала район больших Семинских пещер, прислушивалась к голосу вод, что-то рассказывающих в каменных глубинах – там, в крошечной тьме, жили холодные ручьи, ровно шумели водопады.

На всякий случай она побродила ещё по Прителецким массивам, хотя знала, что это далеко от той Ключевой Точки. Эври ориентировалась на своё внутреннее состояние, и оно-то говорило ей : «Холодно, холодно, чуть теплее, ещё теплее...»

-Нет, - сказала Эври, - нужно двигаться на северо-запад.

Так ей подсказывало чутьё. И она переместилась в северную часть Чергинского хребта.

4.

Чергинский Дракон имел свой характер. Он был дик и почти не тронут цивилизацией. Он пока ещё охранял большое заповедное пространство. Эври вначале обследовала низкоегорье на севере, основательно прошлась вдоль и поперёк всех степных и лесостепных участков. Здесь видны были следы человека – разгуливали стада коров и овец, лежали валки скошенных трав. Дракон, смиренно преклонив тяжёлую голову, старался передними лапами как бы очертить границы своих владений.

Лесостепь живой душистой изумрудной чашей сияла в его мощных лапах. Березы, осины, цветущие травы плескались в волнах солнечного лета. Чергинский Дракон, вытянувшись вдоль меридиана, предавался долгой июльской дреме.

Эври двинулась вверх, вдоль его мощной шеи и мохнатой зубчатой спины, отливавшей всеми оттенками зелени, серо-коричневыми скальными выходами, разноцветными склонами, раскрашенными зарослями кустарников.

Она прошлась вдоль сосновых посадок. Разгоряченные солнцем молоденькие сосны благоухали так, что казалось - можно полежать на волнах живого аромата, искупаться в них как в озере. Эври, действительно, нырнула в знойные смолистые волны и, проплыв вдоль посадок, вынырнула наполненная мощной энергетикой деревьев.

Эври долгое время кружилась над обширным трогом. На южном его окончании, утопая в яблонево саду, стояла избушка лесника. Эври казалось, что здесь, на высокогорной равнине, она может обнаружить тот самый сигнал, который не давал ей покоя. Но нет – и здесь она не дождалась отклика.

Спускаясь на юг вдоль спины Чергинского Дракона, Эври обследовала всю территорию заповедника, полюбовалась стадом маралов. Животные спокойно паслись на альпийском лугу – это были их владения, где они никого не боялись. Даже волки им не страшны - в дружном стаде всегда есть защита.

Словно живое облако пролетела Эври над темными еловыми посадками, обследовала плантации каких-то редких кустарников, рассмотрела посёлок, где жили и работали сотрудники заповедника. Она чувствовала, что продвигаться и дальше на юг нет смысла. Поэтому, поднимаясь всё выше и выше, Эври охватила взглядом всё разлапистое горбатое тело Чергинского Дракона и попрощалась с ним.

5.

В следующую неделю Эври не пришлось заниматься картой. Началась уборка картофеля. Сентябрьское высокое небо, сияние солнца, всё ещё щедрого и жаркого, словно летом, серебро летучих паутинок, далёкие треугольники журавлей, тающих в синеве, и работа в огороде - вот чем было заполнена вся неделя. Эври постоянно помнила, что её ждёт спящий Дракон Ануйского хребта. Её путь на карте лежал именно к нему – громадному, живому, вытянувшемуся между Ануем и рекой Песчаной.

Прибежав из школы, Эври шла в огород. Она копала картошку, ей нравилось это делать. Постепенно исчезающая полоса зеленоватой ботвы и обнажающаяся бархатная земля, кучи разноцветной картошки, шептание жёлтой кукурузы, которая тянулась вдоль картофельной посадки – всё завораживало, притягивало к себе словно живая сказка.

Время от времени Эври приносила арбуз с бахчи и ела его, сидя на ведре. Арбузный аромат так похожий на свежее осеннее утро почти осязаемым сгустком висел над огородом, улетал в синь неба, оставался на руках. Потом Эври снова копала картошку, насыпая высокие красно-белые с жёлтыми подпалинами кучи. Картошка подсыхала на солнце, и Эври носила её с огорода в погреб.

Вечером топили баню. Все, кто копал картошку – и родители, и братья Эври, хлестались березовым веничком в парной. Так заканчивался каждый день, пока вся картошка не переехала из огорода в погреб.

6.

Только в конце сентября смогла Эври вернуться к своему любимому занятию. В первый же свободный от уборки огорода день Эври засела в укромном уголке за письменным столом, разложив цветную физическую карту

Алтая, и прилипла к ней словно к телеэкрану или к монитору компьютера.

От головы Чергинского Дракона Эври двинулась точно на запад – почти вдоль сорок девятой параллели. Перемещаясь в этом направлении, она почувствовала мощное воздействие – это было похоже на плотное магнитное поле. Если взять в руки два магнита и сблизить их разнополюсные или однополюсные части, то можно почувствовать, *ч т о т а к о е* магнитное поле. Двигаясь вдоль сорок девятой параллели, Эври ощутила нечто, подобное силе отталкивания. Эта сила как будто держала Эври над поверхностью земли.

Вернувшись ещё раз к голове Чергинского Дракона и повторив движение вдоль сорок девятой параллели, она убедилась, что всё, действительно, так. «Странно, - подумала Эври, - что бы это могло быть?»

Она задумалась, потом достала учебник географии Алтайского края и стала просматривать его - страницу за страницей. И вот в главе «История развития» Эври прочитала: «Рост» гор сопровождался возникновением многочисленных разломов, разрывных нарушений, среди которых особо следует отметить внешний край горной области, так называемый «фас Алтая», протяжённостью более 250 км и с высотами 400...750м. К разломам, ориентированным широтно, приурочены выходы горячих источников, радоновых азотно-кремнистых вод.»

-Значит, я двигалась вдоль мощного разлома. «Фас Алтая» – красивое имя! – подумала Эври.

Разлом тянулся вдоль края горной области, захватывая рабочий посёлок Алтайский, город Белокуриху, сёла Черновую и Солоновку. Село Солоновка расположилось прямо на самой линии «фаса Алтая», и от этого селения перпендикулярно линии «фаса» в направлении на юг, то есть вдоль меридиана, лежал Ануйский хребет.

Эври поняла, что искать нужно именно в этом районе - недалеко от точки пересечения «фаса Алтая» с основной линией Ануйского хребта. Привычно миллиметр за миллиметром обследовала Эври северный выход хребта - голову Ануйского Дракона. Здесь, положив её на плато, сбегаящее в долину реки Песчаной и её притока - Солоновочки, Ануйский Дракон словно держал в лапах

полукруглое блюдо. В его углублении и раскинулось село Солоновка.

Голова Ануйского Дракона - безлесая большая гора, переходившая в мощную шею на юге, держала на себе огороженную полукругом территорию маральника. Своим правым ухом Дракон слышал гул бешеных вод Песчаной, несущихся по валунам в ущелье. Левым ухом Дракон слышал шёпот притока Песчаной. Это была узенькая горная речка Солоновочка.

Эври продвинулась от головы Ануйского Дракона в сторону его мощной скалистой гривы, покрытой соснами. И вот, наконец, Эври приняла Сигнал. Это был звуковой Сигнал. Он шёл от обширного кара, врезанного почти в самую верхнюю часть гривы. Странно, но Эври никак не могла увидеть, что там - внутри этой огромной чаши, висящей на крутом склоне. Как ни старалась она, ей не удалось получить никакой картинки. Это в буквальном смысле Белое Пятно не хотело открывать своего лица.

Но звуковой Сигнал Эври слышала отчётливо: «Энигма...Энигма...Энигма.» Она немедленно открыла энциклопедический словарь, но слова «энигма» там не оказалось. И только в словаре иностранных слов Эври нашла прилагательное «энигматический». В скобках стояло греческое слово «ainigma» – загадка.

Эври поняла, что разгадку можно получить только там – на месте, добравшись до загадочной чаши, впечатанной в крутой склон Ануйского хребта.

7.

Весь учебный год Эври думала о том, как она весной уговорит своих друзей, и они обязательно пойдут в поход на Ануйский хребет. Эври уже знала, что из города они смогут доехать на автобусе до того самого села Солоновки, лежащего прямо на линии «фаса Алтая». А там уже пешком поднимутся по голове Ануйского Дракона и двинутся к его скалистой мохнатой гриве.

Эври не сомневалась, что найдёт Белое Пятно - большой кар на левом склоне. Она надеялась, что ей поможет в этом звуковой сигнал – красивое греческое слово «энигма». Эври знала, что это чей-то позывной. Ещё она знала, что там, внутри Белой Чаши, для неё нет ничего опасного.

В мае, когда осталось только сдать последний экзамен по русскому языку, Эври развернула агитацию за поход в гости к Ануйскому Дракону. Набралась группа из десяти человек. Проводником и инструктором вызвался быть молодой учитель физики - давний турист, любитель горных походов.

Он примерно знал и этот маршрут. С группой студентов ему уже удалось побывать в походе вдоль русла реки Песчаной. Группа не дошла до истока реки, но смогла продвинуться довольно далеко в горы. Учитель знал, как красивы горы весной и ранним летом. Предложение Эври ему понравилось, а описание загадочной чаши на склоне хребта настолько подогрело любопытство, что группа за неделю собрала всё необходимое для похода.

Билеты на автобус до Солоновки были куплены на 25 мая.

8.

Эври с друзьями быстро погрузили всё туристское имущество – рюкзаки, палатки, личные вещи- в маленький цветной ПАЗик, притулившийся к пятой платформе автовокзала. Туристский скарб плотно был уложен в заднюю часть полупустого автобуса. Группа весело втянулась внутрь и разместилась на сидениях. Автобус нехотя дал задний ход и, развернувшись влево, выкатил с территории вокзала.

Промелькнул привокзальный базар, бетонные девятиэтажки, панельные «хрущовки», мост через реку... Круто повернув направо, автобус прибавил хода и двинулся по Смоленскому тракту.

Сияло солнце, сияло небо, жемчужные облака важно плыли в синеве откуда-то издалика - как раз от дремлющего в майском полдне Ануйского хребта. Эври, прищулив глаза, смотрела вперёд – на летящую под колёса блестящую ленту дороги.

Она любила езду как процесс. Ей ничего не стоило создать полную иллюзию полёта над полотном дороги. Это быстрое скольжение *над* землёй приводило Эври в состояние восторга. Кроме того впереди её ожидала разгадка тайны Белого Пятна. Эври знала, что для неё это очень важно, что она непременно должна побывать там.

9.

Автобус промчался по правой дуге кольца, от которого во все стороны разбежались дороги, и двинулся вдоль сосновой лесопосадки в сторону районного центра Смоленское. Быстро промелькнул один из хвостов ленточного бора, проплыло по обеим сторонам дороги село, бетонка то спускалась в долину, то взбиралась на крутой увал.

Неожиданно открылась панорама гор. Неровными синими выступами, смыкаясь друг с другом, они образовали длинную сплошную цепь.

- Вот там-то, вдоль этой синей громады, и проходит «фас Алтая», - подумала Эври. Бетонка, убегая вниз, в предгорную долину, упиралась в глубокую котловину. В ней гнездились высоты и дома пониже - это был знаменитый курорт Белокуриха. Город не умещался в котловине. Его постройки выбегали на увал с правой стороны, прямо по ходу тракта карабкались вверх по склону горы. Там, отражая лучи майского солнца, горел купол церкви. Сказочный городок в живой ладони молодого Алтая.

Бетонка прямой линией ушла на Белокуриху, а автобус, не добежав до гор, двинулся направо. Здесь был свёрток на Солоновку и Солонешное. Эври поняла, что это финишная часть дороги, которую они проедут на автобусе.

Село Солоновка, лежащее в котловине словно детёныш в сумке кенгуру, внезапно открылось глазу, когда автобус подобрался к спуску с увала. Эври внимательно смотрела вправо - на огромную лысую гору. Это и была голова Ануйского Дракона, смиренно уложенная в долину между двух рек - Песчаной и её притоком Солоновочкой.

Туристы, выгрузив вещи из автобуса, двинулись вверх по берегу речушки прямо к большой горе - началу их горного путешествия. К вечеру они успели только приблизиться к подножию Толстухи. Так называли эту гору местные жители.

Предвечернее время ушло на разбивку лагеря для ночёвки. Вечер провели у костра, сварили похлебку с тушёной, заварили чай с горным смородиновым листом, любовались яркими огромными звёздами, потом уснули в палатках, чтобы утром штурмовать длинный крутой склон широкой, как купчиха, горы Толстухи.

-Подъём! - прокричал инструктор - учитель в шесть утра. Было зябко, сыро. Солнце немного поднялось над горизонтом и висело далеко на востоке ярким малиновым диском. Село, хорошо видимое с места ночёвки, тоже проснулось – лаяли собаки, мычали коровы – их собирал в стадо пастух, кое-где топились печи в домах, доносились разнообразные звуки утренней суеты. Где-то на берегу Песчаной гудела дойка.

Эври быстро разожгла костёр, приспособила на огонь чайник и котелок для утренней каши. Лагерь оперативно укладывал рюкзаки, собирал палатки. Все готовились сразу после завтрака к подъёму на вершину Толстухи.

И вот выпит утренний чай, съедена каша, рюкзаки и палатки размещены за спинами, группа выстроилась в колонну. Первым пошел Серёжка Иванов, замыкающим - учитель. Эври двинулась следом за Серёжкой. Подъём - это всегда тяжело. Особенно первые шаги. Постепенно привыкаешь ко всему, и к такой нагрузке - тоже. Легче не становится, но появляется что-то подобное автоматизму.

Группа поднималась прямо по территории маральника. Место выпаса маралов огорожено, но деревянное высокое прясло – не преграда для человека, даже если за спиной у него рюкзак. Трава и кустарники повсюду пробиты тропинками, которые образовали подобие террас.

Двигаться приходилось поперёк этих колючих ступенек, продираясь сквозь кустарники. Поднявшись примерно на середину горного склона, на первом небольшом плато группа устроила привал. Эври села на камень, покрытый лишайником и навалилась на рюкзак спиной. Снимать его не стала - знала, что так будет проще подняться и двигаться дальше после отдыха.

Она смотрела в долину, раскинувшуюся далеко внизу. Хорошо были видны в прозрачной дымке утра извилистые русла Песчаной и её притока – речки Солоновочки, которая с высоты напоминала упорно пробирающийся между зелеными берегами серебряный ручей.

Далеко-далеко по ходу Песчаной видны были другие сёла. Каждое из них имело своё лицо, свой узор улочек, отличалось от других собственным орнаментом крыш.

Вторая часть подъёма на Толстуху далась Эври намного труднее - склон резко пошёл вверх, выводя туристов к вершине по скользкой крутизне плоских скалистых выступов, кое-как прикрытых лишайником. Даже там, где под ногами была трава, подошвы скользили, норовя утащить человека вниз вместе с рюкзаком. Снизу подъём казался более пологим, но горы обманчивы. Эври знала это – ей уже приходилось бывать в походах.

Держась руками за кустарники, Эври, наконец, преодолела последний крутой уклон и выбралась на вершину горы. Здесь она сбросила рюкзак и упала на него, снова обратив лицо к раскинувшейся внизу долине. Время приблизилось к полудню. Голубая дымка висела над просторами предгорий.

Учитель предупредил всех, что это только привал, что можно попить чаю из термоса, и всё! После привала группу ждал ещё один рывок - более длительный переход по плоскогорью, открывшемуся от вершины Толстухи на юг. Идти нужно было прямо по шее Ануйского Дракона, в направлении той самой загадочной Белой Чаши, о которой рассказывала Эври.

-Смотрите в долину, любуйтесь, - сказал учитель, - вы несколько дней не увидите этих просторов. Сейчас мы уйдём в горы – там уже такой панорамы не будет.

Эври по-прежнему шла следом за Серёжкой Ивановым, стараясь не отстать, хотя очень хотелось упасть и отдохнуть, отдохнуть. Не смотря на усталость, Эври не забывала смотреть по сторонам. Группа двигалась по верхнему узкому плато, напомиравшему натоптанную тропинку, петлявшую между скальными выходами, сосновыми зарослями, кустарниками и травами. Справа виден был крутой каменистый склон ущелья Эври видела, что этот склон покрыт зарослями ярких малиновых цветов – ни с чем не сравнимые по красоте и аромату сияли там, на круче, дикие пионы. Конец мая – это время их цветения.

Внизу иногда показывалась серебристая ниточка – речка Солоновочка пробиралась по камням, ища выхода в долину. Справа, слева, впереди и сзади - везде горы, горы, скалы, сосны, берёзы, цветущие кустарники. Особенно душист и красив бело-кипенный вереск. Розовыми хрупкими полянками на камнях - цветы бадана.

Идти по верхней гриве хребта было легче, чем на подъёме, но группа шла уже долго, и Эври чувствовала, что пора остановиться - не на привал, а на ночёвку. И, действительно, учитель дал команду отдохнуть и готовиться к разбивке лагеря, хотя солнце ещё стояло высоко. Но Эври знала, что много времени отнимут поиски дров для костра, приготовление горячей еды, установка палаток.

13.

Вторая ночёвка в горах прошла спокойно. Эври, запаковавшись в спальный мешок, долго смотрела в приоткрытый створ палатки на яркую, словно огненную вспышку, звезду. Казалось – это горит и переливается всеми цветами радуги большой костёр на небе. Эври не заметила, как уснула.

Она ничуть не беспокоилась, что не сможет найти Белую Чашу на гриве Ануйского Дракона. Что-то подсказывало ей – *ОНИ ИДУТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ.*

Во сне Эври снова видела, как шагает по гриве хребта, тащит огромный рюкзак, как убегает из-под ног пружинящая слоем хвои дорожка. Ей очень хотелось привала – вообще, сон повторял явь. И Эври во сне объясняла себе, почему она всё это снова видит. Это от усталости, думала она.

14.

На третий день пути группа вышла к началу той самой гривы, которая должна была открыть Эври загадку Белой Чаши. Группа остановилась на первый привал. Эври, сбросив рюкзак, решила немного пройтись и осмотреться по сторонам.

Она двинулась направо и слегка вниз – в сторону ущелья, по которому пробиралась уже превратившаяся совсем в узенький ручеёк речка Солонувочка. Склон, сначала крутой, незаметно перешёл в горизонтальное плато, а потом приобрёл форму чаши. Эври обрадовалась, потому что услышала знакомый звуковой Сигнал: Энигма... Энигма...

Казалось, вот-вот Эври увидит Того, Кто передавал этот Сигнал. Но тут она заметила, что не может двигаться вперёд - какая-то невидимая преграда не давала ей пройти ближе к центру Чаши. И она так же, как и при

изучении карты, не могла рассмотреть, *что* находится там, в этом центре.

Эври снова и снова пыталась продвинуться вперёд, но ей это не удавалось. Тогда она мысленно сказала: « Это пришла я – Эври. Вы звали меня!» И тут же почувствовала, что преграда исчезла.

15.

Эври боялась верить своим глазам - перед ней в серебристом сиянии открылся город с жемчужными высотными зданиями. Буйная изумрудная зелень словно на волнах держала каждое здание - весь город как бы парил над землёй.

В белом мраморном дворце рядом с Эври, словно живые, расступились колонны, и из глубины жемчужного пространства выступил красивый Старец . Его длинные белые волосы и такая же борода служили ореолом света для ярко синих глаз.

-Приветствую тебя, Эври! - сказал Старец. – Добро пожаловать в Страну Беловодья.

-Так вот что скрывалось в Белой Чаше! – воскликнула Эври. – А я думала, что Беловодье – это сказка.

- Для большинства землян это так и есть, - сообщил Старец. – Ибо в Страну Беловодья могут попасть только Званые.

- Что же она такое, эта Страна? – спросила Эври.

- Всё просто, девочка. Страна Беловодья - это место обитания Людей Мира. Все земляне, прошедшие Отбор по Законам Эволюции, приглашаются в Страну Беловодья. Так постоянно идёт Отбор пригодных для Жизни, а не для смерти.

-Значит, я из тех самых, Званых?

- Пока ещё нет, моя девочка. Тебе предстоит долгая жизнь среди людей, жестокая жизнь. Много испытаний приготовлено для тебя. Если ты выдержишь их, тогда вернёшься сюда. Если не выдержишь, сломаешься , ты просто забудешь о Беловодье и умрёшь, как и большинство землян.

- Зачем же Вы позвали меня сейчас?- удивилась Эври.

-Ты узнаешь это. А теперь я покажу тебе Книгу Твоей Жизни. Следуй за мной.

16.

Из жемчужного пространства дворца выдвинулась небольшая обтекаемая серебристая машина, напоминающая по форме каплю. Отодвинулась вправо полукруглая дверца, и Старец пригласил Эври войти внутрь этой серебряной капли.

Прямо по ходу в наиболее широкой части машины полукругом расположился пульт и три сидения. С любого из них открывалась панорама местности, хорошо видимая через большие окна. Неслышно закрылась дверца и капсула легко, словно серебряное облачко, поднялась над городом. Эври, не отрываясь, смотрела то вперед, то по сторонам. Она хотела запомнить всё, что увидит.

Жемчужный город убежал далеко за горизонт. Строения, словно белоснежные морские кораллы, имели самые причудливые формы. Свет дня расцвечивал эти создания всеми цветами радуги. Город выглядел как драгоценная брошь. Ярчайшая и густая зелень держала всю конструкцию города на весу. Здания парили в зеленом пространстве.

Город был расположен вокруг большого озера с серебристой водой. Именно так выглядела водная гладь с высоты - непривычного серебристо-белого цвета. "Так вот почему Страна называется Беловодье", - подумала Эври.

Она видела много летательных аппаратов над городом - одни имели форму объёмного эллипсоида цвета неба, другие были похожи по форме на красноватый бумеранг или на сигару. Эври вспомнила описания НЛО, которыми пестрили страницы разномастных газет и журналов.

-Вот они, эти знаменитые и неуловимые НЛО, - подумала Эври. - Это летательные машины Страны Беловодья.»

Некоторые из аппаратов при повороте легко меняли свою форму или исчезали из вида. Эври хотелось знать, как устроены эти машины, почему их полёт бесшумен, как им удаётся мгновенно менять форму. И она спросила об этом у своего гида. Старец ответил:

-Наши летательные устройства используют силу антигравитации и мощных электромагнитных полей. Поэтому Страна Беловодья находится рядом с самым крупным разломом - «фасом Алтая». Непревзойдённое по мощности

поле «фаса Алтая» - это вечный источник энергии. Брать её мы умеем, не строя никаких огромных сооружений. Генераторы энергии в Стране Беловодья размерами не более спичечной коробки. Чтобы понять, как всё это происходит, нужны знания. У людей пока их нет. Такие знания даются лишь тем, кто пригоден для Жизни, кто станет жителем Страны Беловодья.

- Скажите, а все жители Беловодья - это земляне ? Или нет?

-Мы все Дети Вселенной. И земляне, и Правители Мира. Только каждый из нас на Пути Восхождения стоит на своей ступени. Это не значит, что один лучше, а другой хуже. Шанс подняться вверх - до Совершенного Духа, даётся всем. Но многие люди теряют этот шанс. Когда человек сознательно становится Разрушителем и Потребителем, он движется не вверх, а вниз. При движении вниз результат всегда один - смерть. Умирает Дух, человек исчезает.

17.

Капсула плавно спустилась и остановилась около одного из коралловых зданий. Вблизи Эври увидела насколько огромно это строение – словно живое дерево, кроной уходящее в облака.

Старец сообщил Эври, что они прибыли в Хранилище Информации. Круглый зал, в который они вошли, сиял бесчисленным множеством разнообразных пультов.

-Так... Твой индивидуальный номер – это год, месяц, час и минута рождения. Дополнительно вводится Имя, - сказал Старец.

Он набрал и запустил в систему этот номер, имя Эври и нажал кнопку «Пуск». На экране появилась большая Книга с серебряной надписью на обложке.

-Тебе, Эври, выпадет так много и таких страшных испытаний, что Мы хотим Дать Тебе Надежду. Это Наша помощь - то, что дозволено. Твоя задача - накрепко запомнить, что *ЕСТЬ НАДЕЖДА*. Ты забудешь почти всё, что увидишь сейчас, но ты должна помнить, что Есть Выход! Эта память поможет тебе пройти Испытания и остаться живой.

- Мне страшно, - сказала Эври.

-Ты должна верить и не должна бояться! – улыбнулся Старец. –А теперь смотри!

Старец, нажав кнопку, открыл тиснёную серебром обложку большой Книги. Эври увидела на её первой странице себя. Вот она, ещё совсем маленькая, играет с собакой во дворе, купается в реке, бежит на помощь брату, который упал с забора.

На второй странице Эври идёт в школу. В руках у неё большой букет разноцветных астр. Вот она сидит в классе, читает букварь, пишет что-то в тетрадке.

На третьей странице Эври в белом платье на выпускном балу. «Какая красивая!» – думает Эври, словно это не она, а посторонний человек.

На четвёртой странице Эври - студентка. Вот она бежит, боясь опоздать на занятия, сдаёт экзамен, получает диплом.

-Как странно, что я вижу это, - думает Эври, - ведь ничего подобного ещё не случилось! И будет ли так когда-нибудь?

На пятой странице Эври видит рядом с собой какого-то неприятного мужчину. Он подло улыбается и одним пальцем толкает Дом, в котором должна жить Эври. «Не смей!» – кричит она, но Дом успевает упасть. Эври видит в замедленном темпе, как рушится крыша, разламываются рваными трещинами стены, падают огромные куски бетона, летят какие-то вещи, пыль зловещим тяжёлым облаком клубится над разваливающимся домом. И Эври оказывается под его руинами с маленьким сыном на руках.

Мальчик сильно ранен, он плачет, ему больно. Эври старается ему помочь, но боль у малыша не проходит. Эври долго-долго лечит сына, а он всё время плачет. Это продолжается многие годы.

Вот одна страшная болезнь, словно паразит, изнутри грызёт ребёнка, вот другая – ещё страшнее, поедает его внутренности. И, наконец, третья болезнь разрушает его тело и ребёнок умирает, исчезая прямо на глазах. А Эври не дано даже уменьшить его боль!

На шестой странице Книги - Эври рыдает, теряя всякое желание жить. Ей кажется, что она на дне глубокого, как смерть, колодца – никогда не выбраться наверх по его бесконечным гладким стенам.

Но тут, когда Старец перелистывает седьмую страницу Книги, Эври видит, что её сын, здоровый и красивый, встречает её у белого дворца в Стране Беловодья.

-Твой сын - один из нас, - говорит Старец, - он примет все эти страдания, чтобы ты смогла выбраться из колодца смерти. И здесь, на ступенях белого дворца вы снова встретитесь, и уже не расстанетесь больше! Запомни эту седьмую страницу твоей жизни! Это та самая НАДЕЖДА, которая должна провести тебя через ад земной смерти в Жизнь!

18.

Старец закрыл Книгу. Эври стояла и плакала – она не хотела верить, что всё увиденное - это её судьба.

-Я узнаю этого Подлого, когда встречу. Я не пущу его в мой Дом! - говорила Эври, роняя слёзы.

-Ты забудешь его лицо, девочка. Что-то смутное всплывёт в твоей памяти при встрече, но ты не узнаешь его. Это один из смертных и очень грешных созданий – разрушителей.

- Нет, я соберу всю свою силу, всю свою память и не забуду этого страшного и подлого лица! – говорила Эври.

- Не плачь, девочка, ещё не время, - сказал Старец и погладил Эври по волосам. – Самое главное, чтобы ты не забыла о Беловодье.

-Разве можно забыть такое!- воскликнула Эври.

- Ты придёшь сюда снова, когда услышишь мои позывные. Помнишь это слово?

- Энигма... Энигма... - отозвалась Эври и очнулась, стоя на краю большого кара, лежащего на крутом склоне Ануйского хребта.

Эври хорошо помнила город с белоснежными высотными зданиями, парящими над изумрудно-зеленой землей. Она помнила дворец из белого мрамора и красивое лицо Мудреца. Его глаза так и сияли перед нею как два синих ослепительных солнца. Помнила Эври и большую Книгу, вернее её тиснёную серебром обложку. Но что было написано на обложке, что было внутри этой Книги, вспомнить она не могла, как ни старалась.

19.

Эври решила возвратиться к месту привала. Когда она поднялась по крутому склону на самый верх гривы, где учитель устроил место отдыха, на неё набросился Серёжка Иванов.

- Где ты была? Мы потеряли тебя! Три часа прочёсываем окрестности - и ничего! С ног сбились! А она как ни в чём ни бывало – живая-здоровенькая! – кричал он. – Ребята! Все сюда! Эври нашлась!

Учитель, растерянный и побледневший, увидев Эври, так обрадовался, что обнял её, и даже слеза блеснула в уголках его глаз. Целых три часа он обвинял себя в самых страшных грехах и клялся больше никогда не ходить в походы с детьми.

- Где же ты была? - спрашивал он Эври в который раз.

Эври честно рассказала всем, как она попала в Страну Беловодья, описала город с жемчужными зданиями, которые парили над землей, Старца с сияющими синими глазами и большую Книгу. Эври говорила - в этой Книге что-то очень важное. Она не помнила *ч т о*, но повторяла только одну фразу: *ЕСТЬ НАДЕЖДА!*

- Хорошо, хорошо! – говорил учитель.- Завтра мы все вместе найдём эту Белую Чашу, и всё выясним. А сейчас - ставим палатки, готовим ужин и спокойно спим до утра!

20.

Эври долго не могла уснуть, ворочалась в тесном спальнике. Она пыталась вспомнить, что же увидела в большой Книге или хотя бы, что написано на её обложке серебряными буквами?

Но в памяти всплывала всё та же фраза: *ЕСТЬ НАДЕЖДА!*

Наконец, Эври уснула. Ей снился Мудрец с ярко-синими глазами. Эври разговаривала с ним. Он улыбался, махал рукой и исчезал. Эври усилием воли возвращала сон, чтобы спросить у Старца, что написано в Книге. Но всё повторялось, и ей так и не удалось ничего узнать. Осталось только ощущение счастья, которое заполняло Эври в жемчужном городе.

Утром после завтрака учитель сказал:

-Ну, Эври, веди нас в своё Беловодье.

Эври, обойдя Серёжку Иванова, встала во главе группы и пошла вперёд. Так же, как вчера, двинулась она направо и вниз. Группа быстро вышла к той самой чаше, висевшей на крутизне северного склона. Если взять ещё правее, то склон почти отвесно падал в ущелье.

Большой кар в форме глубокой чаши странно парил над провалом ущелья – создавалось впечатление, что это какой-то летательный аппарат, летучий корабль. Этот корабль одновременно - и часть гривы Ануйского Дракона, и что-то независимое от громады горного хребта.

- Интересное явление, - сказал учитель, - похоже, что это мираж.

-Нет, не мираж! – воскликнула Эври. – Я была там. Нужно только попасть в центр чаши. Тогда мы увидим жемчужный город.

-Что ж, попробуем? – спросил учитель.

-Попробуем, - ответила Эври и пошла вперёд.

Она направлялась туда, куда вела как будто тропинка – складка почвы, еле заметная глазом. Эври всё время ожидала, что наткнётся на невидимую преграду - ту, что вчера не пускала её в центр чаши. Но ничего подобного не произошло.

По природной тропинке группа прошла сквозь густые высокие заросли кустарников, окаймлявших большую чашу. За стеной кустарников открылся сказочный вид - в углублении чаши лежало большое озеро с серебряной водой. Именно так выглядела его поверхность - серебряно-белые волны, серебристый отсвет над водой, словно живое сияние. Берега озера сплошь были покрыты малиново-оранжевым ковром - цвели дикие пионы и огоньки таких размеров, что все ахнули.

Когда отхлынул первый восторг, учитель спросил:

-Эври, а где же город?

-Он был здесь - на берегу озера, - сказала Эври.

-Так где же он?

- Не знаю, - вздохнув, ответила она.

-Может быть, ты вчера вздремнула от усталости и видела сон?

-Нет, - сказала Эври уверенно, - я видела Страну Беловодья. Я была там.

-Ну, давай пройдем немного дальше, может быть, город скрывается в зарослях деревьев?

- Вряд ли, - грустно сказала Эври.

И тут она увидела тот самый летательный аппарат - капсулу в виде серебряной капли. Она висела высоко в воздухе прямо над центром озера.

-Смотрите! – крикнула Эври. – Вот она, капсула! Я была внутри неё – это летательный аппарат! Их много в Стране Беловодья.

- НЛО! – закричал учитель, увидев серебряную каплю в синем небе.

И все долго наблюдали, как эта живая капля медленно стала опускаться – всё ближе и ближе к поверхности воды. Хорошо были видны большие окна-иллюминаторы, дверца на боку аппарата. Его серебристая поверхность сияла на солнце, отбрасывая время от времени радужные блики.

Вдруг капля резко повернулась и исчезла, словно слилась с серебристой поверхностью воды. Все снова ахнули. А Эври вспомнила, что Старец говорил ей о неизвестной пока людям энергии антигравитации. И она вдруг поняла, что вся Страна Беловодья вместе с жемчужным городом - это, действительно, большой летучий корабль, а чаша - место его приземления на Планете. Значит, Страна Беловодья, сейчас где-то так высоко, что людям не достать её даже взглядом.

И ещё вспомнила Эври, что в Страну Беловодья могут попасть только Званые. Всё это рассказала она своим друзьям. И все согласились, что легенды о Беловодье, о Стране Счастья, которую многие искали, но никто из обычных людей не нашёл, вовсе не легенды. Это было, которая живёт на Земле. Никто из группы не сомневался в этом после того, как все своими глазами видели серебряную каплю - лёгкий и совершенный летательный аппарат из Беловодья.

И можно попасть в жемчужный город, если тебя позовут, если ты будешь упорным и взойдёшь сюда - на лохматую крутую гриву Ануйского Дракона и откликнешься на древний зов: Энигма... Энигма...

Эври предложила остаться на берегу серебряного озера, разбить здесь лагерь и подождать – может быть жемчужный город вернётся. Все согласились и принялись обустроиваться. Через два часа пять палаток уютно расположились на берегу озера.

А вокруг, в майском раю, густо благоухали пионы, горели живым оранжевым пламенем огоньки. Горный ветерок приносил смолистый запах сосен и каких-то сказочных трав, густо раскрасивших соседние и дальние склоны Ануйского хребта.

Аккуратно разложили на песке дрова, разожгли костёр. Дым столбом поднимался в ясное небо. Его древесный дух смешивался со смолистыми волнами сосновых и лиственничных ароматов.

Мир, в котором на берегу серебряного озера высоко в горах горел костёр, варился суп в котелке, а вокруг плескались заросли пионов и огоньков, этот мир был настолько фантастичен и прекрасен, что всем казалось - они попали в сказку.

После обеда все разбрелись по окрестностям. Учитель предупредил: «Далеко не уходить. Цветы не рвать. Если появится что-то любопытное или неясное, сразу возвращаться в лагерь. В такие места ходить только группой!»

Эври решила пройти до южной границы чаши и заглянуть, что находится там - за густой стеной цветущих кустарников. Она направилась вдоль берега озера по песчаной полоске. Вода плескалась почти у самых ног Эври. Долго шла она, внимательно рассматривая водную гладь, далёкую полосу кустарников. Время от времени ей попадались красивые обкатанные камешки. Они разноцветными кучками лежали на светлой песчаной полоске.

-Странно, - подумала Эври, - эти камешки похожи на морские. Откуда они здесь, ведь на высоте в горах в основном можно встретить серые или тёмные граниты?

Эври представила себе, как летучий жемчужный город опускается где-то на морском откосе, как разноцветные бусинки отшлифованных камней прилипают к его белоснежному фундаменту и потом летят над планетой вместе с городом и остаются здесь – на берегу серебряного озера.

-Наверное, так они и попадают сюда, – решила Эври.

Но вот уже совсем рядом живая стена вереска, шиповника, смородины, ещё каких-то высоких кудрявых кустарников. Эври, раздвигая переплетённые ветви, согнувшись, стала пробираться сквозь заросли. Сухие листья, паутина липли на волосы, попадали зашиворот. Наконец, она выбралась из колючих дебрей.

Большая чаша закончилась обрывом. На поверхность выступали гранитные узкие плиты, стоящие вертикально, словно специально подогнанные друг к другу и отвесно уходящие вниз – ко дну ущелья. На одной из них видна была небольшая ступень – неровный гранитный выступ, висящий почти над пропастью.

Эври обратила внимание, что на этой ступени выделяется нечто, похожее на маленькую пирамиду. Пирамида по цвету абсолютно совпадала с гранитом, и если бы не яркое солнце, Эври могла не заметить её. Пробравшись поближе к опасному выступу, Эври прилипла спиной к вертикальному гранитному пласту, протянула правую руку и достала пальцами этот предмет. Чуть-чуть наклонившись вправо, она сумела схватить пирамиду. Отодвинувшись от опасного края, Эври с облегчением вздохнула. Она даже и не вспомнила о предупреждении учителя, настолько захватило её любопытство.

В ладони Эври лежала правильной формы треугольная пирамидка. Три её маленьких грани были покрыты тонким слоем какого-то материала, по цвету напоминавшим тёмную бронзу. Каждый объёмный угол в основании пирамидки имел вертикальный срез в форме маленького равностороннего треугольника. На эти срезы было нанесено покрытие из чёрного материала.

Эври перевернула пирамиду и увидела, что сделана она из стекла или из кварца. Зеркальное пространство внутри пирамиды пересекали три оси симметрии, выходящие из усечённых вершин, лежащих в плоскости основания. Точка пересечения осей совпадала с четвёртой вершиной, которая находилась над плоскостью основания. В этой точке Эври увидела ярко-синий глаз в перевернутом изображении.

-Это он, Мудрец, из страны Беловодья! – воскликнула Эври.- Только у него могут быть такие синие глаза! Это его подарок мне на память!

Эври не знала предназначения этой зеркальной пирамиды, но чувствовала, что от неё идёт поток энергии - помощь из жемчужного города.

22.

Когда Эври вернулась в лагерь и показала свою находку, все долго рассматривали пирамиду, удивлялись её устройству. Но самым удивительным было то, что каждый на пересечении осей симметрии находил свой глаз в перевёрнутом изображении. И только Эври видела ярко-синий сияющий и живой глаз Мудреца из Страны Беловодья.

Учитель даже пытался заглянуть в центр пирамиды, когда в неё смотрела Эври. Так он хотел увидеть это чудо, и, конечно, ничего не получилось – учитель нашел там лишь изображение своего глаза.

-Эври, повернись к солнцу – я хочу рассмотреть твою радужку. Может быть, она синяя? - попросил учитель.

Но как он ни поворачивал Эври, рассматривая её глаза, синей окраски не нашёл. Глаза Эври были зеленовато-серыми. И учитель в конце концов согласился, что пирамида – это подарок Эври от Мудреца.

-Храни эту пирамиду, может быть, она поможет тебе в своё время и в свой час, - сказал учитель Эври.

23.

Палаточный лагерь простоял на берегу серебряного озера ещё три дня, но ничего примечательного больше не произошло. Жемчужный город не вернулся, и учитель решил, что пора отправляться в обратный путь.

Когда лагерь был свёрнут, Эври окинула взглядом цветущую чашу с серебряным озером в центре, мысленно попрощалась с Мудрецом из Беловодья, с волшебным жемчужным городом, и, пристроившись в колонну за Серёжкой Ивановым, зашагала по засыпанной хвойным падальником гриве Ануйского Дракона.

Эври было жаль покидать эту горную чашу, висящую над ущельем. Ей казалось, что уходя всё дальше и дальше от Страны Беловодья, она теряет чувство защищённости, к которому так привыкла за последние несколько дней. И только прикоснувшись к жёстким рёбрам пирамиды, лежащей в боковом кармане куртки, Эври

успокоилась – синий взор Мудреца всегда будет с ней. От него придёт помощь в трудную минуту.

24.

На третий день группа вышла на вершину горы Толстухи. Снова открылись голубые дали предгорий. День был ясный, и Эври увидела - далеко-далеко на равнине, в северо-западно направлении - трубы и дымы бийской ТЭЦ.

На вершине горы, немного правее плоских скальных выходов, был разбит палаточный лагерь. Оказалось, что это клуб планеристов организовал соревнования.

Эври с одноклассниками провели этот день на вершине Толстухи, любуясь полётом цветных дельтапланов и парапланов. Серёжка Иванов даже рискнул взлететь на дельтаплане, но полёт его был невысок и недалёк – он не сумел поймать и оседлать восходящий поток. Пролетев несколько десятков метров, Серёжка приземлился на пологом выступе горы. Но всё равно восторгу его не было границ. Он взял адрес клуба и решил учиться летать.

На следующий день рано утром ребята попрощались со спортсменами и группа двинулась вниз, в село. Так закончилось это путешествие в волшебную страну. Эври вынесла из этого путешествия драгоценный дар - странную загадочную зеркальную пирамиду, хранившую синий взгляд Мудреца из Беловодья, и девиз - *“ЕСТЬ НАДЕЖДА!”*

Часть вторая

1.

Вернувшись домой, Эври из горной сказки попала в самый обычный и привычный мир. Но теперь она ощущала, что там - на линии «фаса Алтая» и рядом с этим мощным разломом, именно там - Живая Жизнь. А здесь, в суетном городе - жизнь мёртвая. Как-то доказать это Эври не смогла бы. Просто чувствовала всей кожей.

Постепенно она стала убеждать родителей, что нужно переехать в село, и не в любое, а только в Солонку. Эври так живо описывала, как дома уютно укрыты от сильных ветров в полукруглой котловине, как красива синяя цепь гор, подковой охватывающая село.

Эври рассказала и о том, что село стоит прямо на линии «фаса Алтая». Поэтому настолько велика энергетика магнитного поля, что если час-два провести на линии разлома, можно считать, что ты принял лечебный сеанс от всех болезней.. А можно устроить себе радоновые ванны, потому что в окрестностях села несколько тёплых источников.

Родители долго совещались. Отец Эври давно хотел уехать в деревню – он мечтал о собственной пасеке, о корове.

Поговорив с матерью, отец съездил в Солоновку. Вернулся с горящими глазами - там предлагают работу и ему и матери- по специальности в школе, дают большой дом на берегу Солоновочки, недалеко от места её соединения с другой рекой Песчаной.

Около дома большой огород, сад, можно завести пасеку и корову. После этого мать сдалась. Переезжать решили прямо сейчас, потому, что огород возле дома, где они собирались жить, был посажен и его отдавали в их полное распоряжение. Так Эври приблизилась к своей мечте – Стране Беловодья. Она собиралась как можно чаще бывать на гриве Ануйского Дракона, надеясь встретиться ещё хотя бы раз с синеглазым Мудрецом.

Конечно, она помнила - попасть в жемчужный город можно только тогда, когда позовут. Эври надеялась, что это произойдёт. Она знала, что сможет побывать в Стране Беловодья в любой день, но только до тех пор, пока не повзрослеет. Как только начнётся отработка программы «Судьба», дорога в Страну Беловодья закроется. Всё это Эври узнала с помощью пирамиды. Она смотрела вглубь зеркального пространства, где сиял синий взор Мудреца, задавала вопрос и тут же получала ответ.

2.

За три года, что прошли со времени переезда в Солоновку, Эври много раз видела летательные аппараты из Беловодья. Конечно, их наблюдали и другие жители села.

Осенью, в конце сентября, в год переезда Эври вышла поздно вечером из дома. Тёмная сентябрьская ночь сияла звёздным небосводом. Алмазный Млечный Путь, круто накренясь к южным пределам, висел в бархате ночи громадным живым драгоценным венцом. А в северной части

неба Эври увидела большой серебрено мерцающий эллипсоид. В передней его части горел мощный прожектор - узкий нерасширяющийся белый луч пронизывал тьму, высвечивая что-то на земле.

Эври позвала отца и они долго наблюдали, как бесшумно двигался летучий эллипсоид, как менялся угол наклона белого луча. Потом на боковой поверхности аппарата зажглись иллюминаторы - круглые мерцающие окна, и через несколько минут погасли.

Эври рассказала отцу, что во время путешествия на Ануйский хребет, она видела много таких и других по форме аппаратов, которые летали над жемчужным городом. Отец не очень-то верил в чудеса, и к рассказам Эври относился как к сочинениям на вольную тему – мало ли что придумают дети. Но нЛО - вот он, плывёт по небу, не похожий ни на одну земную конструкцию.

Летучий эллипсоид долго фланировал по звёздному небу, потом стал удаляться, и, наконец, резко повернувшись, поменял форму – раскрылись восемь светящихся лепестков. Аппарат, словно живая ромашка повис в темноте, но уже через минуту лепестки свернулись и всё исчезло.

-Они могут принимать любую форму, - сообщила Эври. – а движутся на энергии антигравитации.

-Надо поменьше читать всяких журналов - слишком буйная у тебя фантазия, - сказал отец.

Эври не стала спорить с ним, потому что даже зеркальная пирамида для отца не была весомым аргументом.

3.

Зимой того же года в декабре, когда день убыл до самого края, Эври в сумерках увидела вылетевший из-за Толстухи другой летательный аппарат. На этот раз дома была только мать. Эври вместе с ней смотрела на запад, где всё ещё висел слабый малиновый отблеск заката.

Низко над горизонтом, чуть возвышаясь над зубчатой кромкой горной цепи, летел ярко светящийся бумеранг. Летел он бесшумно. При движении окраска его менялась - то становилась ярко красной, то белой, то желтоватой. Это было похоже на мятущиеся блики пламени, заключённые в объёмную форму бумеранга.

За этим летящим бумерангом оставался инверсионный светящийся след - горизонтальная полоса ярко голубого неба на бледно-малиновом фоне заката. Бумеранг проследовал вдоль горизонта, пройдя примерно четверть его окружности, и так же как эллипсоид, резко повернувшись, исчез. Эври с матерью ещё долго наблюдали за угасающей инверсионной полосой. Спустя три часа после этого всё ещё виден был светлый след на тёмном бархате неба. Мать удивлялась загадке природы – так она назвала увиденное явление, и говорила, что завтра нужно внимательно прослушать новости по радио или телевидению - может быть, это был запуск космического корабля.

Эври не пыталась рассказывать ей о летательных устройствах Страны Беловодья. Она знала, что мать атеистка, не верит в чудеса, и всё пытается объяснить с точки зрения «науки».

4.

В третий раз Эври увидела летучий объект среди бела дня. Это снова была та самая маленькая капсула в форме капли. На этот раз она летела с большой скоростью, пересекая небосвод в направлении с юга на север. Выглядело это так: из-за вершины Толстухи плавно поднялась прозрачная серебристая капля и устремилась на север. Внутри неё мерцал какой-то источник света, словно мигала живая звёздочка.

Эври казалось, что там за пультом капсулы на одном из трёх кресел сидит синеглазый Мудрец и машет ей рукой с высоты. Эври тоже помахала ему в ответ и крикнула : «Привет! Как жизнь?»

Но ответа не последовало. Серебряная капля прочертила небо и пропала, растворившись в его синеве где-то над горизонтом. Каждый раз, при встрече с летучими аппаратами из Беловодья (а было это довольно часто), Эври начинала тосковать. Она ждала Сигнала от Мудреца. Но, видимо, пока ещё не наступило время для встречи - эфир молчал.

5.

В июне следующего года, седьмой класс, в котором училась Эври, вышел на природу - учительница биологии решила провести урок на берегу горного ручья, где в диких зарослях калины, шиповника, черёмухи, жимолости можно было услышать голоса многих птиц, да и увидеть некоторых из них.

Этот ручей носил красивое имя - Чёрный Ключ. Исток его находился как раз на середине северного склона всё той же горы Толстухи.

Учительница привела класс на место крутой излучины Черного Ключа - дважды изогнувшись, ручей образовал здесь полуостров, сплошь заросший густыми кустарниками. Учительница приказала всем сесть, притихнуть, слушать голоса птиц и записать каждому в тетрадь, кто из пернатых пропел свою песенку.

Эври присела на портфель, положенный боком, и обернулась лицом к любимой горе Толстухе. Ребята притихли, стало слышно, как в зарослях калины звонко заговорила синица: И-ди, и-ди, и-ди... Ей ответила другая : Ку-да, ку-да, ку-да...

Но тут в их диалог вклинился вопросительный говорок иволги: Вы кто такие? Вы кто такие? А? Синицы, не обращая внимания на вопросы, продолжали разговаривать друг с другом.

- И-ду, и-ду, и-ду...-сообщала первая.

-Бе-гом, бе-гом, бе-гом, - радовалась вторая.

Вдруг , словно базарный гам, рассыпался гомон воробьёв. Они явно ругались друг с другом, чирикавая остервенело все сразу. Их ругань, как шелуха семечек, прыгала где-то внутри зарослей цветущей жимолости.

Иволга и у них спросила: Вы кто такие? Вы кто такие? Но воробьи никого не замечали, кроме себя. Наконец, их гомон затих, и стало слышно, как разговаривает вода на крутой излучине. Раздался стук дятла - где-то на одной из старых черёмух он добывал себе пропитание. Резко, словно в гневе, крикнул что-то скворец. Где-то в глубине полей раздалась кружевная песнь жаворонка.

Эври записывала всех птиц, чьи голоса смогла различить. Оторвавшись от записей, она посмотрела в сторону Толстухи.

-Смотрите! - крикнула она, нарушив запрет учительницы, и протянула руку в сторону горы. Все

обернулись и замерли. Из-за вершины на фоне голубого неба медленно выплывало огромное прозрачно-серебристое тело в форме объемного сфероида.

6.

- Мария Ивановна, что это? - посыпались на учительницу со всех сторон вопросы.

-Пока не знаю, - сказала она, - давайте понаблюдаем. Может быть, что-то прояснится ?

И весь класс, затихнув как на цирковом представлении, наблюдал медленный подъём огромного тела. Оно восходило, как фантастическое серебряное светило, из-за вершины Толстухи. Вот оно заняло уже четвертую часть небосвода и бесшумно поплыло в направлении на север.

Эври чувствовала, что её одноклассники замерли не только от любопытства, но и от страха. Зрелище, действительно, было впечатляющим. Чем выше поднималось гигантское тело, тем более прозрачным оно выглядело – казалось, что летит стеклянный сфероид. В глубине его прозрачного пространства, в самом центре объёмной сферы, мигала сигнальная звёздочка – точно так же, как и в аппарате-капле, который Эври наблюдала однажды днём. Сфероид медленно прошёл через точку зенита на небе, стал удаляться в северном направлении, уменьшаясь в размерах, но при этом приобретая всё более плотную серебряную окраску.

Наконец, он замер. Казалось, аппарат приготовился к какому-то манёвру. Серебряная сфера исчезла, и Эври увидела на долю секунды сияющие очертания жемчужного города. Издалека он был похож на драгоценную брошь, лежащую на изумрудном основании. Затем всё исчезло, словно погасла картина на экране телевизора.

Все молчали, поражённые увиденным. Никто не спрашивал у учительницы : “Что это?” Было ясно, что никто из людей не сможет ответить на этот вопрос.

-Это жемчужный город в Стране Беловодья, - сказала Эври.

-Да, мы видели что-то сказочное, - отозвалась учительница. – Но скорее всего это был мираж – оптическое явление в атмосфере.

Эври не возразила ей. Трудно было бы убедить всех, что это не мираж, а огромный летучий Город – Рай. О зеркальной пирамиде Эври тоже не упомянула – ведь даже отец не считал её чудом. Ему казалось, что это просто странная игрушка.

7.

Никто в селе никогда не упоминал о том, что есть разлом с красивым именем «фас Алтая». Никто не знал, что такое этот разлом. Солоновка, лежащая в мощной геомагнитной зоне, не знала об этом. Тем более никто не подозревал, что совсем рядом - на гриве Ануйского хребта тысячи лет ждёт землян таинственное Беловодье. Все считали, что это сказка – мало ли сказок придумали люди. НЛЮ, которые время от времени видели жители Солоновки и других сёл, так и считались оптическими явлениями в атмосфере, хотя никто не знал, что это за явления и откуда они берутся. Новым модным поветрием было объяснять все эти непонятности близостью то ли Семипалатинского полигона, то ли космодрома Байконур.

Эври, зная, что Страну Беловодья могут увидеть только Званые, не старалась никому рассказывать о своём путешествии. Она просто терпеливо ждала, когда услышит знакомый позывной: Энигма... Энигма...

8.

И вот однажды, когда в очередной раз на Новый Год вместо снега пошёл дождь, Эври услышала долгожданный музыкальный звук: Энигма... Энигма... Случилось это поздно вечером, когда все уже улеглись спать.

Эври мысленно отозвалась: « Энигма... « Музыкальный голос в ответ сказал: « Возьми пирамиду, установи одним ребром точно на юг и закрой глаза.» Пирамиду Эври всегда брала на ночь под подушку, поэтому легко выполнила то, что было сказано.

Она закрыла глаза и увидела обширное светлое пространство - экран. На нём постепенно проявилось изображение. Первое, что увидела Эври - были ярко-синие глаза и улыбка Мудреца из Беловодья.

-Эври, - сказал он, - я вызвал тебя, чтобы сообщить важную информацию. До этого года ещё была надежда на

иное развитие событий, но теперь уже нет. Баланс планеты нарушен необратимо. Началось изменение климата. Спасение людей заключено теперь только в совершенствовании Духа. Те из них, кто успеют поднять свой Дух на высшую ступень (состояние Бога), будут спасены. Мы возьмём их в Страну Беловодья. Ты ведь поняла уже, что Беловодье – это не просто страна, но и тот самый Ковчег.

Сроки сократились. У тебя в запасе, Эври, совсем немного времени. За этот короткий промежуток, выполнив отработку программы «Судьба», ты должна сделать свой Дух совершенным. Это значит – ты должна понять, что есть Добро и Зло, и сделать свой Выбор.

В тот миг, когда будешь готова войти в Ковчег, ты услышишь мои позывные. В это время нужно любым путём прибыть сюда – на линию «фаса Алтая». Сейчас я покажу, что ты должна сделать, чтобы попасть в жемчужный город. Мы называем его Белый Город. Встань по-тихоньку и выйди на улицу.

9.

Она поднялась, стараясь не шуметь, и, не включая света, вышла во двор.

-Эври, -завучал снова голос Мудреца, - пройди на берег реки. Там растёт старый тополь - он самый высокий из всех. Помнишь, как часто ударяют молнии в его вершину? Это дерево стоит на самом глубоком месте разлома. Подойди к нему с южной стороны, подними руки вверх - ладонями друг к другу, соедини кончики пальцев.

Эври открыла калитку, скользя по обледеневшей тропинке, прошла на берег реки, встала возле тополя. Когда она подняла руки и соединила кончики пальцев, сразу почувствовала мощное воздействие - та самая сила магнитного отталкивания, которую она уже встречала при исследовании карты. Тело Эври легко поднялось над землёй, и она увидела дом, сад, спящие под луной и залитые её млечным сиянием. Направив руки, соединённые в виде стрелы, на юг, Эври полетела, свободно скользя над рекой. Не смотря на дождь, прошедший накануне и испортивший сугробы, село под луной выглядело фантастически красивым.

Дома, словно игрушечные избушки, бросали из труб столбы дыма, синие яркие тени убегали от них в северном направлении, стога сена возле скотных дворов казались фигурами спящих животных. Звонко лаяли собаки, словно переговариваясь друг с другом. Хрустально-синий воздух ирился и струился.

Эври летела в сторону той самой гривы Ануйского хребта, где на крутом склоне висел обширный трог – место приземления Белого Города. Вот Эври почувствовала, как пересекла невидимую защитную границу города, и он открылся ей во всём великолепии.

Город выглядел точно таким, как и в прошлый раз. Здесь не было зимы. Город имел мощные источники энергии и всегда поддерживал свой микроклимат. Белый Город - страна вечного лета.

10.

Эври опустилась на ступени белоснежного мраморного дворца. Навстречу ей вышел синеглазый Старец.

-Приветствую тебя, девочка! - сказал он. – Теперь ты знаешь, как найти Белый Город. Но тебе предстоит пройти трудные земные испытания. Торопись на пути в Будущее! Не теряй отпущенного тебе времени - его так немного! В начале третьего тысячелетия планета войдёт в полосу катастроф. Если твой земной экзамен к тому времени будет сдан успешно, Белый Город откроет тебе свои врата. Мы надеемся на это. Так мы помогаем каждому, имеющему шанс на Жизнь. Это маленькая помощь, потому что все испытания ты должна пройти сама. Помнишь, что я сказал тебе три года назад?

-Есть Надежда! – отозвалась Эври.

-Да, Надежда есть. Храни эту веру! И не теряй хрустальной пирамиды - это связь со мной. Через год начнётся отработка твоей программы «Судьба». Вход в Белый Город для тебя закроется. Никогда не отчаивайся. И ещё помни слова из Библии: Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте себе сокровища на небе. Ибо где сокровища ваши, там и сердце ваше. Прощай, Эври! И до встречи!

На следующий год Эври закончила школу и уехала из села. Она стала студенткой университета. Хрустальную пирамиду Эври всюду носила с собой, но уже никому не показывала. Страну Беловодья Эври часто видела во сне. Сон каждый раз заканчивался на одном и том же месте - когда открывалась обложка огромной Книги. Эври успевала увидеть большие серебряные буквы, но прочесть надпись ей не удавалось.

Эври старательно училась. Занятия и подготовка к ним занимали всё время. На каникулы она всегда приезжала домой. Ей никогда не хотелось поехать куда-нибудь к морю или в столицу. Горы и волшебный «фас Алтая» звали Эври и она всегда возвращалась к ним.

ЭПИЛОГ

Эври отработала свою программу под именем «Судьба». Всё, что она выстраивала и любила в первой половине жизни, во второй половине - всё это рухнуло, распалось на бесформенные куски, исчезло, перестало существовать. И Эври оказалась на дне страшной Бездны. Это была Долина Смерти.

Дни тянулись один за другим по серым вязким болотам. Над их опасной поверхностью всегда стоял густой туман. Свет солнца никогда не проникал в эту Долину. Вечный сумрак давил и съедал горизонты. Эври передвигалась из одного дня в другой почти механически. Никакой цели в конце этого движения она не видела. Всё потеряло смысл, потускнело, стало бесформенным, тяжёлым. Каждый день мог стать последним – стоило только оступиться и болото поглотило бы её.

Время от времени Эври пыталась звать кого-либо на помощь, но все близкие давно погибли, а другие (если они и появлялись) ничего не слышали, кроме своих жалоб.

Рано или поздно Эври сознательно бы шагнула в болотный омут, но каждый раз её останавливала фраза, всплывавшая из глубин памяти : ЕСТЬ НАДЕЖДА! И Эври шла дальше. Она свято хранила только одну вещь - хрустальную пирамиду.

Однажды ранним сырым туманным утром Эври наткнулась на болоте на почти мёртвого старика. Тело его

было холодным, дыхания не слышно. Только пульс слабо пробивался на сонных артериях. Эври присела на кочку около старика. Он был так стар и изношен, что жизнь для него, наверное, не имела ни какого значения. Но Эври не смогла уйти, бросив его одного.

Сняв с плеч свою одежду, она разостлала её рядом со стариком, закатила его на середину этой тряпки и потащила на сухое место. На твёрдом пяточке, поросшем травой и чахлыми берёзками, Эври стала растирать тело старика. Долго старалась она вернуть тепло в его околоченные руки и ноги, тёрла спину, грудь. Руки её сводило судорогой от усилий, но старик не очнулся.

Тогда Эври собрала сухой хворост, сложила его кучей и хотела зажечь. Но вспомнила, что у неё нет спичек. Она обернулась направо, налево. Увидела пробирающегося в тумане мужчину с сигаретой в углу рта.

-Извините, пожалуйста, - обратилась Эври к нему, - не могли бы вы дать мне спички?

-Зачем тебе, ты что – куришь?

- Нет. Я хочу отогреть умирающего старика, - сказала Эври.

-Да брось ты его! Разве не видишь, что ему всё равно?

-Нет, - ответила Эври, - у него прощупывается пульс.

- Чёрт с ним - с пульсом, - равнодушно пробурчал мужчина, но коробок спичек бросил.

Когда костёр разгорелся, Эври повторила массаж. До изнеможения растирала она ноги старика. Наконец, они потептели. Она стала массажировать его руки и грудь. Веки на безжизненном лице дрогнули, и старик открыл глаза.

Эври была почти счастлива. Давно не испытывала она ничего подобного.

-Ну, вот. Вам уже лучше, – сказала она, улыбаясь.

-Спасибо тебе, девочка! - прошептал старик.

Эври страшно удивилась - какая же она девочка? Ей уже пятьдесят лет, у неё седые волосы, она потеряла всё, что любила в этой жизни. И сейчас путь её идёт вникуда.

Эври посмотрела в болотную воду и увидела там, в этом тёмном зеркале, девочку с короткой стрижкой. На следующий день Эври вместе со стариком вышла из Долины Смерти. Яркий луч солнца осветил село, лежащее в

полукруглой котловине, словно детёныш в сумке кенгуру. Это была Солоновка.

Слева в густом черёмуховом саду стоял дом, где жила Эври. Недалеко от него, на берегу реки возвышался огромный тополь, стерегущий самое глубокое место разлома на линии «фаса Алтая».

АФГАНСКАЯ РАПСОДИЯ*

(История воинов – бийчан, записанная в книге Жизни)

** - повесть основана на реальных событиях, но все персонажи вымышлены*

Часть первая. СРЕДИ СКАЛ

Потерянный мир. Шехерезада.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Он дома, в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

«Шехерезада...» - приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то, сливаясь в одно целое, то, распадаясь на летучие лоскуты. Шехерезада, танцуя, удерживает руки на уровне гибкой талии, не давая им спуститься туда, где бьёт вечным ключом источник сладкой муки. Лейтенант, не отрывая глаз, следит за плавными движениями точёных рук и тонких бёдер. Нет, ещё не сейчас. Ещё мгновение... И вот уже нет сил ждать! Его рука скользнула по гладкой коже, прильнула к тёплой плоти.

Шехерезада замерла. Мужские руки медленно поплыли вверх, будто воздавая хвалу Богу.

Страстный возглас снёс лейтенанта с широкого ложа. Шехерезада восхищённо наблюдала за этим превращением. Он положил её рядом с собой и замер. Прошла бесконечная минута. Тело Шехерезады успокоилось, страстные судорожные движения уступили место расслабленному сладкому отдыху.

Лишь когда Шехерезада уже была не в силах терпеть муку желания, они соединились, и он так любил её в лунном свете, что казалось сам воздух, пропитанный страстью, слился с юными любовниками, благоухая и светясь, как плоть Луны. Они падали куда-то в бездонную пропасть.

Лейтенант очнулся, увидел серые громады скал, услышал рокот горных вод и гортанные крики ворон. Солнце немилосердно жгло, заполняя воздух тягучим зноем. Сознание снова медленно угасло. Прекрасный образ Шехерезады заполнил мир.

Картина вторая

Весь день Лейтенант был занят разными мелкими делами – огромная пачка не разобранный корреспонденции для комиссариата, несколько писем для печати, пара готовых посланий для отправки факсом... За окном сияло солнце, синицы пели свои звонкие песни, чуя тёплое дыхание весны. Всё видел и слышал лейтенант, улыбался людям, улыбался синему небу. Но там, на далёком плане - он всё время ощущал, что дома его ждёт сияющая радость – ясноглазое счастье, его жена. Ещё вчера они были женихом и невестой. Лейтенант скользнул глазами по тексту и приготовился отправить факс по адресу. Случайный взгляд в окно заставил его вздрогнуть – там, на тротуаре, около киоска стояла юная девушка. Издалека она казалась похожей на Шехерезаду настолько, что он не смог удержаться, чтобы не взглянуть на незнакомку поближе.

Взяв папку с бумагами, походкой делового мужчины лейтенант вышел на улицу и двинулся по тротуару навстречу двойнику Шехерезады.

Девушка рассеянно смотрела по сторонам, видимо, кого-то ожидая, и абсолютно не обратила внимания на лейтенанта. Незнакомка, действительно, была копией Шехерезады, и отличалась от оригинала только цветом волос и одеждой.

Лейтенант, потрясённый увиденным, повернул за здание комиссариата и вошёл чёрным ходом в свой кабинет. Словно магнит, притягивала его картинка в окне – эта внезапно возникшая ниоткуда загадка.

Девушка, скучая, прохаживалась туда-сюда, поглядывая на часы, а Лейтенант с любопытством ждал – кто же придёт на свидание. Время словно остановилось. Мысленно Лейтенант подгонял минуты – так ему не терпелось увидеть финал.

Прошла целая вечность, так показалось лейтенанту, прежде чем появился ожидаемый объект. Это был молодой мужчина, почти юноша. Он бежал со стороны автобусной остановки, размахивая букетом цветов, понимая, что опоздал. Лейтенант

буквально прилип к стеклу, стараясь как можно лучше рассмотреть юношу. Этот элегантно одетый мальчик кого-то напоминает ему, но кого?

Вот он приближается, машет рукой. Девушка в ответ делает то же. Вот они, взявшись за руки, уже стоят рядом друг с другом, почти соприкасаясь губами. И тут лейтенант, как бы теряя ощущение реальности, осознал, что видит свою копию.

Ничего не понимая, в страшном волнении, смотрел он на эту сцену, словно во сне наблюдая, как он сам общается с двойником Шехерезады. Сознание отказывалось объяснять происходящее. Юная парочка, обнявшись, двинулась вдоль тротуара, удаляясь от комиссариата. Лейтенант лихорадочно думал, что же нужно сделать, чтобы понять то, что увидел. Инстинктивно он набросил китель, вышел на улицу и двинулся вслед за влюблёнными. Он не знал, как поступит дальше, но чувствовал, что не может упустить из виду своего двойника.

Два юных существа, совершенно не подозревая, что за ними кто-то следит, беззаботно шли в сторону набережной. Лейтенант, как привязанный, двигался за ними.

Он наблюдал весь стандартный репертуар влюблённых—разговоры ни о чём, смех, объятия, поцелуи... Парочка прошла вдоль набережной, посидела на лавочке. Юноша купил мороженое для своей дамы.

Наконец, влюблённые сели в трамвай и поехали в сторону новостройки. Лейтенант последовал за ними. Он не знал, чего хотел, но понимал, что не может просто так потерять их из виду.

Они вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже склонился к вечеру, солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки.

Двойник Шехерезады, эта беззаботная юная особа, попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Однако он не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорчатым воротам, он чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на горизонте взошла огромная багровая луна.

Наконец, юноша двинулся вдоль забора к развесистому тополию, ветви которого протянулись к освещённому окну дома. Он легко и быстро взобрался по стволу дерева и,

пробравшись по толстым веткам, оказался у самого окна. Створки открылись изнутри, лейтенант увидел двойника Шехерезады. Она подала руку и втащила своего спутника в окно – такова была награда за его долгое ожидание. Лейтенант кинулся к дереву и оказался напротив освещённой комнатки. Он увидел, что его двойник бросился на постель, укрытую кружевным одеялом. И тут лейтенант, не понимая, как это происходит, мгновенно переместился в юное тело двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, рук он не чувствовал. Чуть скосив глаза, понял, что руки вывернуты назад, накрепко привязаны к столбу и давно потеряли чувствительность. Он изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бесконечный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и стал приближаться, раскрываясь, как волшебный цветок.

Картина третья

Лейтенант проснулся поздно, услышал звуки дня – голос жены, звон посуды на кухне, чириканье воробьёв. Быстро вскочил. У него много дел, не смотря на то, что сегодня выходной. Нужно успеть в десять мест. Но сначала, конечно, в магазины – выбрать подарок для жены ко Дню Рождения. Он умылся, выпил кофе и, выйдя во двор, сел в свой голубой «Москвичок» – машина ночевала прямо на улице, потому что гараж далеко, до него семь вёрст киселя хлебать.

Он любил водить машину, любил быструю езду, но в городе по узким улочкам не разбежишься. В универмаге было душно, тесно, толкалось много народа. Лейтенант внимательно

осмотрел все отделы, где можно купить что-то подходящее, но ничего не нашёл.

В старом универмаге выбор побогаче, но для подарка ничего не попадалось. В магазине «Мелодия» лейтенант долго рассматривал пластинки - любимого женой болеро Равеля не обнаружилось. Он не терпел ходить по магазинам, и стал уже уставать от прилавков, вещей, суеты, решил выйти, немного отдохнуть на воздухе. Купил мороженого, устроился на сиденьи в машине, открыв дверцу. Холодное пряное мороженое было очень кстати – лейтенант проголодался.

Случайно брошенный направо взгляд привёл его в шок - он увидел стоящую около высокого крыльца магазина юную девушку. Издалека она так была похожа на Шехерезаду, что лейтенант чуть не выпрыгнул из машины и не побежал к ней. Но что-то в её облике остановило его – девушка была яркой блондинкой. Длинное тёмное пальто очень модного покроя сидело на ней совершенно иначе – слишком неприступно, слишком гордо выглядела она. Шехерезада никогда не бывала такой. Или он просто увидел её со стороны?

Через пять минут девушка помахала кому-то рукой. Проследив направление её взгляда, лейтенант увидел молодого человека в чёрном костюме, который направлялся к двойнику Шехерезады. Взявшись за руки, обнявшись, они подошли к синему «ВАЗу». Лейтенант с ужасом осознал, что юноша, который садится в машину – точная его копия. Сам не понимая зачем, он включил зажигание и двинулся следом за синей машиной. «ВАЗ» мчался по Чуйскому тракту, мимо соснового бора – в сторону Катуня. Проехав совсем немного, автомобиль свернул направо и остановился на диком пустынном пляже на берегу реки.

Парочка влюблённых расположилась возле машины. Разостлав яркий тент на траве, они вытащили всё, что привезли и, разложив съестное, сели за трапезу.

Лейтенант из-за густых кустарников облепихи наблюдал за пиршеством. Потом юная парочка загорала. Видно было, что им хорошо вдвоём. В общем, люди отдыхали, не подозревая, что кто-то следит за ними. Несколько раз лейтенант уже подумывал уехать, но сознание подсказывало, что он не может просто так упустить их из вида. День пролетел как-то очень быстро. Лейтенант с сожалением вспомнил, что ничего из намеченного сегодня не выполнил.

Далеко на горизонте взошла огромная луна. Её багровый диск напомнил ему что-то былое, случившееся, может быть... вчера?

Копия Шехерезады достала из машины яркое одеяло. Бросив его поверх тента, девушка легла посередине и раскинула руки. Юноша, упав на колени, стал раздевать её. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать. Он мгновенно переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет - может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, заполненное вязким палящим зноем. Всё тело болело, руки вывернутые назад, накрепко привязанные к столбу, давно потеряли чувствительность. Скосив глаза, он увидел невдалеке ещё три столба и привязанных к ним ребят - солдат первогодков из своей части. Избитые, распухшие лица, губы - сплошная короста. Гинастёрки изорваны в лохмотья, залиты кровью. На одном из столбов в ожидании сидит большая ворона. Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл страшную картину реальности.

Картина четвёртая

Комиссариат гудит - пришёл приказ о направлении десяти офицеров для исполнения интернационального долга в Афганистане сроком примерно на год. Никто не называет имени страны - это секрет, но все его знают. Знают о том, что предлагать будут каждому - сначала идёт набор добровольцев. Если не наберут десяти человек, тогда...

Лейтенант сразу решил - не уклоняться. Причина к этому серьёзная - жена на первом месяце. Когда он вернётся, как раз родится первенец. Он хотел быть в это время дома. Если отложить отъезд сейчас, то когда придёт второй приказ, уже нельзя будет отказаться, и жена с малышом останется одна на целый год. Но как-то она примет его решение? Он надеялся, что поймёт правильно, ведь жена военного должна быть готова ко всему. Лейтенант вздохнул и отправился в кабинет, где записывали добровольцев.

-Ты всё продумал, молодожён? – спросил капитан Иванов. – Ну, тогда пишу тебя третьим. Двое уже есть. Лейтенант вернулся на своё место, сел за стол, задумался. Неясная тревога заполнила маленькую комнатку и не давала остановиться мысли на чём-то конкретном. Казалось – где-то далеко открылась бездна. Гуляющий в её глубине смерч, такая живая воронка, затягивала пространство и время, а с ними и его – лейтенанта, мальчишку, ничего не успевшего ещё сделать в жизни. Случайный взгляд в окно заставил вздрогнуть – на углу соседнего здания, стояла юная особа на роликовых коньках с маленьким портфелем в руках. Издалека она так напоминала Шехерезаду, что лейтенант чуть было не выскочил на улицу, чтобы спросить, как она здесь оказалась.

Внешнее сходство было поразительным.

Лейтенант вышел из здания, проследовал мимо незнакомки, внимательно глядя ей в лицо. Если бы не цвет волос, то можно было легко обознаться.

Лейтенант вернулся в комиссариат и решил больше не тратить времени на пустяки. Однако, взгляд его, как прикованный, возвращался и возвращался к двойнику Шехерезады.

Он решил увидеть того, кого так терпеливо ждала незнакомка. Минуты через три к девушке направился молодой человек в кожаной куртке. Что-то знакомое сквозило в его походке. Когда молодые люди повернулись к комиссариату, лейтенант ахнул – юноша был точной его копией. Оправившись от шока, он увидел, что юная парочка удаляется и скоро потеряется в толпе.

Выбежав на улицу, он сел в машину и последовал за влюблёнными, временами останавливаясь, чтобы не перегнать их. Молодые люди беззаботно двигались вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Копия Шехерезады остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Юный красавец примостился рядом.

Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу, читали вместе какую-то книгу, смеялись, опять обнимались, целовались. Чувствовалось, что общаться они могут день и ночь - им это не надоест. Лейтенант уже устал ждать, но что-то не давало ему уехать. Он постоянно ловил себя на мысли, что наблюдает за собой, сидящим на лавочке с Шехерезадой. Несколько раз его одолевали сомнения – он спрашивал, не сон ли это? Но тут же мелочи грубой действительности – запах бензина от проходящих автомобилей, пыль на стекле, разнообразный шум улицы- убеждали его, что всё происходящее совсем не сон.

Наконец, живые копии Шехерезады и лейтенанта поднялись со скамейки и отправились вдоль проспекта, явно имея в виду какую-то цель. Надвигались сумерки. Над горизонтом всплыл величавый огромный багровый диск луны.

Юная парочка направилась к студенческому общежитию. Лейтенант следовал за ними и остановил машину у того подъезда, куда вошли влюблённые. Он спешно покинул автомобиль и внутри здания двигался буквально по пятам за своими подопечными. Они завернули за угол коридора и пропали в комнате под номером «12».

Лейтенант почти бегом вылетел на улицу, обогнул здание и, вычислив окно комнаты номер «12», остановился напротив. Штора на окне была задвинута не до конца. Из-за неё виднелось большое зеркало. В нём лейтенант увидел Шехерезаду. Она стояла возле кровати почти обнажённая - только прозрачная сорочка, прикрывая, не прикрывала её юное девическое тело.

Из глубин зеркала, словно факир, появился его собственный двойник. То, что произошло дальше, лейтенант не смог осознать – как в кино, он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вдохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота...Ясно слышны тугие звуки бубна.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль.

Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, только зной уже пошёл на убыль. Солнце садилось за кромку скал. Тело болело так, что казалось нельзя вынести и минуты. Невдалеке всё те же три столба и привязанные к ним ребята из его части. Живые или нет? Понять невозможно. Он попробовал позвать одного из них по имени, хотел крикнуть: «Иван!» Но не услышал собственного голоса. Язык присох к гортани и не повиновался ему.

Если бы удалось освободить руки! Но об этом и мечтать не приходится—каждое движение вызывает такую боль, что сразу же темнеет в глазах и сознание норовит исчезнуть в глубинах этой невыносимой жгучей волны.

Лейтенант, словно сквозь сон, вспоминал, как вчетвером отправились они на войсковом УАЗике за почтой в ближайшее селение. Двигались проверенной сто раз дорогой, поэтому сильно не опасались. Отъехав километров десять вдоль реки Гильменд, решили искупаться – зной буквально выжигал всё живое. Солдаты спустились к воде, а он остался стеречь машину.

Назад ребята не вернулись через условленные пятнадцать минут. Он, подхватив автомат, двинулся вниз, но тут же почувствовал ствол, упёртый в спину. Их долго и зверски били. Казалось, отбили всё. Время от времени один из “духов” говорил на гортанном ломаном русском: «Примите ислам, станете нашими воинами. А нет – убьём как собак!»

Лейтенант изо всех сил пытался удержать ясность сознания, но мир снова закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, ворон, живых или мёртвых ребят, привязанных к столбам, и краешек багряного солнца, скатывающийся за рваную кромку серых скал.

Картина пятая

Лейтенант прощался с женой дома. За ним должна была прибыть машина. Через час он откроет дверь, спустится по лестнице, махнёт рукой жене, стоящей на балконе, и исчезнет на целый год.

- Не переживай, - говорил он бодро, - не успеем оглянуться, как этот год пройдёт. За то меня уже больше не

отправят в горячие точки, если сам не захочу. Войны там нет, мы едем только для поддержания порядка.

Лейтенант и сам верил тому, что говорил – у него не было другой информации. Потом в жестоких боях среди скал, где, казалось, и камень мог предательски выстрелить в спину, он не раз вспоминал этот момент прощания. Каким наивным он был тогда!

Раздался протяжный сигнал – машина прибыла, пора! Он обнял, поцеловал жену, сказал, вдруг разом охрипнув: «Если без меня родится сын, назови Славиком. Если дочь...-он запнулся-именем моей мамы». И побежал вниз по лестнице, словно падая в пропасть.

На улице оглянулся. Жена стояла на балконе, маленькая, одинокая. Лейтенант крикнул: «Дочь назови Шехерезадой!» Машина тронулась, многоэтажка поплыла в сторону, исчезла из вида... Вот и всё!

На перроне он нашёл и офицеров и солдат первогодков, уже принявших присягу. Рядовые не знали, куда их направляют. Они должны прибыть в Новосибирск, а оттуда с военного аэродрома – к месту службы. В таком виде до них был доведён приказ.

Офицеры держались отдельной кучкой, шутили, смеялись, курили. Лейтенант тоже закурил. Случайный взгляд в сторону заставил его вздрогнуть. По перрону в обнимку с юношей, одетым в спортивный костюм, шла девушка, как две капли воды, похожая на Шехерезаду. Сходство было настолько сильным, что в первый момент лейтенант чуть не бросился за нею вслед. Молодые люди быстро двигались вдоль перрона, явно намереваясь выйти на привокзальную площадь. Скоро он потеряет их из вида. Но юная парочка вдруг свернула налево и направилась к пятому соседнему купейному вагону. Тёплая волна радости захлестнула лейтенанта. Он и не ждал такого щедрого подарка напоследок. Девушка, так похожая на Шехерезаду, поедет с ним в одном поезде. Может быть, он найдёт её и сможет поговорить. Когда поезд тронулся, лейтенант сказал старшему, что в пятом вагоне находится его знакомая, и отправился на поиски Шехерезады. Он нашёл юную парочку в крайнем купе. Они сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали. Дверь купе была открыта. Лейтенант остановился в коридоре так, чтобы в настенном зеркале видеть лицо девушки.

Вот юноша пересел к ней, обнял её за плечи. Лейтенант оторопел – мальчик был его точной копией. Они сидели рядом, обнимались, целовались... Лейтенант, словно заворожённый, наблюдал эту живую картину и не мог никуда уйти, не узнав... Чего? – спросил он себя. И не сумел ответить. Одно было ясно – он не может уйти и всё! В какой-то момент лейтенант почувствовал, что дрогнуло пространство и как будто сдвинулось время. То, что произошло после, трудно было осознать. В мгновение ока он перенёсся в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...-приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел то же каменное ущелье, только над рваной кромкой чёрных скал висел неправдоподобно огромный и яркий диск луны. Ночь поглотила зной, воздух остыл. Было даже холодно, как всегда в горах, когда скроется солнце. Тело болело так, что казалось лучше умереть, только бы избавиться от этой колючей, жгучей выворачивающей все внутренности боли. Невдалеке всё те же три столба и привязанные к ним ребята из его части.

Двое из них пошевелились, подняли головы – значит, живы. Лейтенант хриплым шёпотом сказал: «Ребята, не соглашайтесь на ислам. Заставят убивать наших. Если слышите, кивните.» Оба рядовых кивнули. «Иван жив?»—из последних сил хрипел лейтенант. Парни покачали головами.

-Значит, отмучился, - отозвалось где-то в душе тихим эхом.

Помолчали. Собравшись с силами, лейтенант выдавил шёпотом: «Мужики, приказываю выжить!»

Он пытался удержать ясность сознания, но силы были израсходованы – мир снова закружился, сворачиваясь в

серебристый рулон. Смеющийся образ Шехерезады возник из далёкой точки в пространстве и закрыл собою ущелье, залитое голубым светом луны.

Картина шестая

Ранним утром поезд подходил к Новосибирску. За окнами мелькали фонари, освещённые окна многоэтажек, красные и зеленые сигнальные огни светофоров. Колёса стучали на стыках и железных узлах рельсов, то сливающихся, то разбегающихся в разные стороны в причудливом дорожном танце. Включилось радио, и вагон наполнила широкая красивая мелодия – болеро Равеля.

-Как по заказу, - подумал лейтенант.

Он вспомнил последнюю картинку из прошлой - теперь уже прошлой, вчерашней жизни: маленькая беззащитная фигурка жены на балконе...

Поезд резко затормозил и остановился. Раздалась команда – всем выстроиться на правой стороне привокзальной площади. Лейтенант торопливо пробрался вдоль вагона, прыгнул на перрон. Он искал глазами Шехерезаду.

Вот она идёт к выходу в город. Рядом, конечно, её спутник – его собственный юный двойник. Сердце прыгало в груди так, что лейтенант боялся – вдруг проходящая мимо Шехерезада услышит этот жуткий гул. Но она проследовала мимо- в недра подземного перехода. Лейтенант шёл за ней, изо всех сил давил в себе желание- протянуть руку и погладить блестящие волосы девушки. Через первый этаж вокзала они выбрались на площадь. Здесь уже толпились офицеры и рядовые, подтягиваясь к правой стороне, строясь в колонну. Лейтенант глазами следил за Шехерезадой, уходящей всё дальше и дальше от него – не мог, ну просто не мог оторвать взгляда от её гибкой фигурки в сиреновом брючном костюме. Его юный двойник обнял девушку за талию. И тут лейтенант, не понимая, как это произошло, переместился в его тело.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны

тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза, увидел то же каменное ущелье. Солнце только-только высунулось на востоке из-за рваной кромки скал. Серый джип с открытым верхом и пятнистой маскировкой на боках стоял неподалёку. На заднем сиденьи брошенные друг на друга, как вещи, лежали оба рядовых. Тело Ивана всё также было привязано к столбу.

-Примешь ислам, станешь воином, - услышал лейтенант знакомый хриплый голос, но сил хватило только на то, чтобы чуть приподнять голову. Это движение было истолковано как согласие.

-Кори! –крикнул афганец и заговорил на пушту. Его подчинённый, подойдя к столбу, стал развязывать верёвки. Это длилось так долго, словно вечность стояла за плечами тощего чёрного “духа”. Когда были развязаны последние узлы, стягивавшие руки, лейтенант на долю секунды понял, что такое настоящая боль. В следующий миг он снова потерял сознание. Образ Шехерезады возник из центра огромной белой розы, развернулся вместе с её лепестками, заполонил весь мир, благоухая и светясь.

Картина седьмая

На привокзальную площадь прибыли КАМАЗы с крытым верхом. Офицеры и рядовые расселись на скамейках внутри фургонов. Путь предстоял не длинный - военный аэродром находился всего в восьмидесяти километрах от города.

Дорогой лейтенант смотрел на мелькающие мимо сосновые и берёзовые массивы, думал о Шехерезаде. Он помнил её с младшей группы детского сада. Ему казалось, он знал её всегда, может быть, ещё до своего рождения. И любил её всегда. В школе они сидели за одной партой все десять лет –красивая татарская девочка и русский мальчик. Засыпая дома, он видел во сне, как наяву, её любимые глаза. Все в школе привыкли, что они неразлучны. Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск. Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он - в

Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. На четвёртом курсе она стала такой ослепительной красавицей, что лейтенант и днём и ночью бредил, повторяя её имя. Конечно, они собирались пожениться.

Быть вместе, совсем вместе им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья. Произошло это в их любимом городе Бийске. На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены. Больше им встретиться не довелось. Лейтенант вернулся в Бийск после распределения, чтобы забрать Шехерезаду с собой, но её уже не было. Она уехала тоже по распределению в казахский город Балхаш. Встретила его в аэропорту его теперешняя жена—Марина. Опустив глаза, тихо сказала: “Шехерезада не вернётся сюда - она вышла замуж. Её муж тоже педагог, и они уехали вместе”. Лейтенант не помнил, как пережил несколько часов до отлёта к месту назначения. Марина всё время была рядом и улетела вместе с ним. Его первым местом службы был таёжный посёлок на берегу Амура. Потом Марина с помощью своего отца (он работал во властных структурах) добилась, чтобы лейтенанта направили в Бийский гарнизон. Случилось это через два года разлуки с Шехерезадой. Как он выжил без неё, знал только он сам. Да ещё – Марина.

С военного аэродрома на большом сверхзвуковом транспортнике офицеры и рядовые отправились к месту исполнения интернационального долга. Через четыре часа лёта их высадили на небольшом военном аэродроме недалеко от Кандагара. Многие были отправлены ещё дальше— на юго-восток, вдоль границы. Лейтенанта оставили в районе Кандагара.

Вечером того же дня лейтенант решил ознакомиться с обстановкой вокруг военного городка. На войсковом УАЗике с провожатым, старослужащим, он отправился осмотреться на местности. Скучная растительность, скалы, бедные сакли, лепившиеся к серым гранитам, голые дети, играющие в пыли - всё это поразило лейтенанта. Он даже попросил сопровождающего остановиться, вышел из машины и направился к одной полуразрушенной сакле. Навстречу ему из темноты жилища вышла женщина в чадре с откинутой вуалью. Она была смугла, но при первом же взгляде лейтенант увидел, как она похожа на Шехерезаду. Следом за ней появился молодой худой парень с горящими глазами, наверное, муж. Лейтенант снова поразился сходству, но теперь уже с самим

собой. Это наваждение преследовало его и здесь – Шехерезада и его собственный двойник. Парень взял Шехерезаду за тонкое запястье и повёл внутрь землянки. Не осознавая, как это произошло, лейтенант в один миг переместился в тело своего двойника.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вздохнул и сладко потянулся. Он дома - в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя...почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы -тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыл глаза. Джип пробирался по каменистой дороге вдоль берега реки. Лейтенант не смог определить, где они находятся. Здесь ему не доводилось бывать. В джипе кроме него и “духов” никого не было. Наверное, ребят повезли в другое место. Серые скалы, громады мощных утёсов, тряская дорога, боль, пронизывающая тело, жажда- всё это навалилось на лейтенанта удушливой волной какой-то нечеловеческой тоски. Он вдруг понял, почему собаки воют на луну.

-Куда меня везут?- подумалось ему. – Зачем я им нужен? Всё равно убьют рано или поздно. Скорее бы.

Он закрыл глаза, мир поплыл, скатываясь вправо и закручиваясь, словно бумажный рулон. Только яркий образ Шехерезады остался таким, как и был всегда в его сознании. Лейтенант улыбнулся своей любимой страшными чёрными разбитыми губами.

Картина восьмая

Лейтенант получил приказ – продвигаться всем подразделением вдоль реки Гильменд в направлении северо-востока. Затем – на широте Урузгана свернуть на восток. Там на первом перевале душманы захватили селение скотоводов, вырезали мужчин. На очереди – дети мужского пола. Группировка бандитов около пятидесяти человек - вооружены

автоматами, гранатомётами, УЗИ. Передвигаются на джипах. Ведут себя нагло, отпора не ожидают.

Лейтенант решил добираться на перевал на “вездеходах” – так называли здесь наши “брезентухи” - другая техника не пройдёт, даже БТРы. Двинулись через полчаса после получения приказа, загрузившись боеприпасами под самую завязку. В городке от всего взвода остались только трое – повар, дежурный и сторожевая собака.

Это был не первый для лейтенанта бой. За десять месяцев его военной жизни в Афгане в пятый раз шёл он навстречу врагу. Но снова, как всегда, что-то сжалось внутри – не то в сознании, не то в груди – как пружина стальная, заведённая до отказа. Он знал – самое страшное это ожидание. Время от приказа до начала боя – мёртвая зона. Когда начнётся бой, будет как ни странно, легче. Наверное, потому, что уйдёт ожидание смерти, некогда будет думать – нужно только действовать.

К захваченному селению подобрался ночью. Лейтенант считал, что это хорошо. Конечно, у “духов” выставлены посты, но всё-таки ночь есть ночь. В темноте легче подойти поближе, значит меньше будет потерь. Потери – такое странное слово. Потери – это убитые люди, его подчинённые, военные друзья, почти братья.

Абсолютно бесшумно взвод продвинулся вплотную к селению - сказывались постоянные тренировки. Лейтенант отдал приказ – стрелять только в тех, у кого оружие. Шквал огня грянул, словно бешеная летняя гроза. Душманы быстро сориентировались – отвечали мощными залпами. Кто-то из них пытался бежать на джипах, но колёса по приказу лейтенанта уже были прострелены. При попытках завести мотор стрельба шла по бензиновым бакам. Пылали уже несколько машин.

Но вдруг с тыла началась прицельная стрельба – снайпер. Упал командир первого отделения Лозовой.

-Ранен? – крикнул лейтенант.

-В руку, - отозвался парень.

Лейтенант перетянул ему рану эластичным бинтом – всегда носил аптечку с собой, и пополз, обходя с тыла точку, откуда бил снайпер. Совершенно механически без участия сознания автомат лейтенанта нашёл цель – снайпер замолк. То там, то сям всё ещё раздавались автоматные очереди, что-то на своем языке кричали “духи” – небольшая группа, человек пять бандитов, всё-таки вырвалась и ушла в горы. Это был

самый удачный бой – ни одного погибшего, хотя несколько ребят были ранены. Орден Боевого Красного Знамени лейтенанту вручили именно за эту операцию. Когда взвод в полном составе вернулся в городок, был настоящий праздник – словно общий семейный День Рождения.

Лейтенант после этой вылазки, никому ничего не говоря, вышел за ворота и пешком направился к той сакле, где видел Шехерезаду. Он знал, что не сможет ей ничего рассказать – им не дадут поговорить. Может быть, она и не поймёт, зачем он пришёл, но это было выше его сил – ноги сами несли его к Шехерезаде.

Она сидела на низкой скамеечке и что-то стряпала. На этот раз на ней было шёлковое яркое сиреневое платье с орнаментами, бегущими по плечам. Блестящие волосы, забранные узлом, сияли на солнце. Она обернулась и улыбнулась своей ослепительной улыбкой. Лейтенант видел, чувствовал, что она узнала его. Узнала ли его, начиная с того мальчишки из детского сада, или только взрослого теперешнего? Какая разница – главное, она у з н а л а.

В дверях сакли появился её муж – живая копия лейтенанта, его двойник, его мусульманский близнец. Он снова, как и тогда, взял Шехерезаду за руку и повёл в дом. Лейтенант рванулся за своей любимой, но тут в один миг, словно в кино, он переместился в тело своей живой копии.

Лейтенант открыл глаза, увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вдохнул и сладко потянулся. Он дома – в своей спальне, но один. Жены нет – может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы – тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна.

-Шехерезада, - приходит ленивая мысль.

Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант услышал рокот горной реки. С трудом открыв глаза, увидел каменное ущелье. Притулившись к скалам, там и сям стояли низкие постройки, напоминающие казармы. Это был военный лагерь “духов”. К машине приблизился высокопоставленный чин – всё указывало на его особое положение: богатая одежда с украшениями, оружие с инкрустацией, важная походка.

Он как на дикого зверя уставился на лейтенанта. Потом сказал на сносном русском:

-Будешь поваром и оружейником. Бежать некуда – кругом скалы на пятьсот вёрст. Искать тебя не будут. Ваши уже отправили твой гроб в Россию. В нём казнённый русский. Мы изрезали его на куски, он пытался бежать. Хочешь жить, работай. Побежишь – казним и тебя.

Душман отвернулся равнодушно и медленно поплыл прочь. Лейтенант, сжавшись в комок, осмысливал только что сказанное. Значит, его уже похоронили. Для Марины, для матери и отца - он мёртв. Для его дочери, маленькой Шахини – тоже. И только для Шехерезады он всё ещё жив. Она, конечно, ничего не знает в своем далёком Балхаше. Но лейтенант был уверен – даже если Шехерезада узнает, всё равно не поверит.

Значит - вечный плен и вечное рабство? Неужели так? Он был уверен, что сможет бежать. Он должен увидеть свою дочь и Шехерезаду. Вот немного отойдёт от побоев и издевательств, и уйдёт в горы. Лучше смерть от голода на воле, чем медленное угасание в рабстве.

Самое обидное – это то, как он попал в плен. Двумя днями раньше мог уже улететь домой – срок службы закончился, но его друг, лейтенант Сергеев, уехал на трое суток в Кандагар по вызову начальства, поэтому пришлось остаться.

Он сразу позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи! – сказал он жене. Она как-то трудно вздохнула, будто знала, что встречи не будет. И всё это - лишь из-за почты. Так хотелось привезти ребятам письма из дома.

Сзади неслышно приблизился один из “духов”, что-то крикнул на пушту и ударил лейтенанта прикладом автомата. Боль нахлынула резкой волной, потемнело в глазах. Мир поплыл и закружился, сворачиваясь в бумажный рулон. Глаза и улыбка Шехерезады заполонили мрачное серое ущелье.

Картина девятая

Раны от зверских побоев постепенно затянулись. Но синяки не проходили – доброты постоянно добавляли новых. Били, чем попало – тем, что было в руках.

Били за всё – за то, что не понимал их языка; за то, что пытался отвечать, когда кричали на него; за то, что волей не волей приходилось тратить на раба пищу; за то, что нужно было поить его водой...

Спать давали очень мало. Постелью служила каменная яма. Каждый считал своим долгом плюнуть в его сторону, пнуть при случае побольнее. Он был прокажённым – неверным, которому уготована только медленная смерть. И это не смотря на то, что он варил им пищу, мыл посуду, стирал их одежду, приводил в порядок оружие.

Лейтенант внешне никак не реагировал на издевательства. За год жизни среди чужого народа, когда в любой миг могут выстрелить в спину, он привык быть готовым ко всему.

Лейтенант понимал, что быстро одичает. Необходимо было бежать. Бежать, не смотря ни на что. Горы могут убить его, но могут дать шанс на жизнь. Пока о побеге нечего и мечтать – надо ждать, когда “духи” отправятся на масштабную вылазку. В лагере останутся только дежурные, и этот момент он обязан использовать по полной программе. Любым путём нужно узнать, где находится лагерь, как называется ущелье, чтобы сообразить, в каком направлении двигаться при побеге.

Несколько раз ему удалось услышать слово Дарвешан. Один из “духов” при разговоре постоянно указывал рукой на восток. Лейтенант понял, что город находится именно там. В Дарвешане действует официальная власть, нужно будет добираться туда. Если река, на которой стоит лагерь, это Гильменд, то до города примерно шестьдесят-семьдесят километров. Но по горам путь в два раза длиннее.

Лейтенант понимал, что идти предстоит через горную пустыню, что у него не будет пищи, воды и одежды. Смерть пойдёт за ним по пятам. Наверное, не избежать и погони. Он был готов на всё. Только бы скорее!

Через пятеро суток “духи” вечером двинулись из лагеря. Когда затих звук моторов, лейтенант находился в оружейном бараке – разбирал и чистил автоматы. Барак, похожий на тюремную камеру, имел только одно уязвимое место – окно, расположенное под самым потолком на высоте примерно трёх метров, затянутое прозрачной плёнкой. Выходило оно на восток – там обрыв. Насколько он крут, и есть ли шанс остаться в живых, если выбраться через окно, лейтенант не знал. Но это был единственный путь на волю.

Лейтенант привалил несколько автоматов к стене. Они образовали подобие опоры. Один автомат он взял за ствол. С разбега поднялся по наклонному нагромождению и забросил ремень автомата за выступ на каменном подоконнике. Подёргал

за ствол – крепление выдержало нагрузку. И вот он уже оседлал подоконник и заглянул вниз.

Обрыв был почти отвесным. Только далеко внизу маячили заросли какого-то кустарника. Они образовали нечто, напоминавшее объёмную сеть, живую террасу. Лейтенант решил спускаться. Развернув ремень, он зацепил его так, что автомат оказался висящим уже снаружи. Ухватившись за эту ненадёжную опору, лейтенант сполз вдоль стены барака, коснулся ногами каменистой поверхности.

Собравшись с силами, отпустил ствол и быстро заскользил вдоль почти отвесной скалы. Ему удавалось временами цепляться за каменные выступы, а потом началась осыпь, и лейтенант, ударившись о щебень, уже сползал вниз вместе с каменной массой вплоть до кустарников. Страшными усилиями удерживал сознание до тех пор, пока не остановилось скольжение по осыпи.

Увидев над головой закатные краски неба, лейтенант отключился. Мир уже привычно свернулся бумажным рулоном. Живой образ Шехерезады возник из глубин пространства и заслонил собою каменное ущелье. На этот раз его собственный двойник не появился. Вместо него рядом с Шехерезадой оказался лейтенант.

Впервые за всё время разлуки он сам видит её. Красочные ткани обвивают стройные ноги, то сливаясь в одно целое, то распадаясь на летучие лоскуты...

Лейтенант открыл глаза, увидел ночное небо. Фантастически огромные южные звёзды мерцали в бархате тьмы. Он по-прежнему лежал на холодном щебне перед террасой из кустарника. Сколько времени прошло с тех пор, как он потерял сознание, неизвестно. Скорее всего, около часа. Здесь темнеет быстро после захода солнца. Наверху, в лагере, не было слышно ни звука. Может быть, дежурный до сих пор не знает о побеге. Лейтенант встал и двинулся вдоль полосы кустарников, ища проход вниз–ко дну ущелья.

Спускался долго, скользя и падая на каменные плиты. Но вот спуск закончился. Он остановился в раздумьи. Прикинул, что ждёт его, если двигаться по ущелью. Этим путём скорее всего пойдёт погоня.

Решил подниматься во что бы то ни стало по противоположному склону. Во-первых, за каменными уступами в случае надобности легко укрыться. Во-вторых, нужно

выиграть время. Пока погоня рыщет по дну ущелья, можно успеть подняться на вершину. При таком раскладе шансов уйти от “духов” намного больше.

Картина десятая

Лейтенант карабкался всё вверх и вверх, прилипая к скалам как ящерица. Когда воздух уже не хотел питать надсаженные немислимыми усилиями лёгкие, и лейтенант начинал задыхаться, приходилось останавливаться и отдыхать, почти вися на каменных громадах.

Онемевшие руки и ноги, избитое о камни тело протестовали против любого малого движения, но сознание гнало его вверх – к вершине. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем лейтенант достиг своей цели. Там, на плоском горном перевале, он понял, какое это блаженство–просто лечь на спину и лежать, раскинув руки и закрыв глаза.

Через пять минут лейтенант встал и двинулся по горному плато, которое изогнувшись, словно дракон, устремилось именно на восток, в сторону далёкого Дарвешана. Пить хотелось так, что он не мог думать ни о чём другом. Временами казалось, что откуда-то доносится гул реки. Лейтенант знал, что его путь лежит по безводной горной пустыне, но всё-таки каждый раз, слыша воображаемый рокот вод, он начинал оглядываться, ища глазами реку.

Забрезжило утро. Двигаться дальше при свете дня было опасно. Лейтенант добрался до нагромождения скальных пород, забрался в узкую щель, прикрытую сверху каким-то полусухим кустарником. Не смотря на жажду, терзавшую его всё сильнее, он всё-таки через несколько минут уснул.

Лейтенант увидел огромный диск луны, заглядывающий в окно. Вдохнул и сладко потянулся. Он дома- в своей спальне, но один. Жены нет– может быть, вышла на кухню. Хотя... почему он решил, что один? Женский силуэт выступил из-за шторы - тонкая гибкая девическая фигура в прозрачных восточных шелках. Танец живота... Ясно слышны тугие звуки бубна. Нежный живой голосок что-то бормочет в ритме танца.

-Шехерезада...- приходит ленивая мысль...

Лейтенант проснулся оттого, что солнце достало его своими безжалостными лучами. Губы обметали горячка и

жажда – лейтенант не мог открыть рта. Тело затекло от неудобной позы.

Солнце стояло в зените и немилосердно жгло. Казалось, кто-то шулки ради сфокусировал через лупу его лучи именно на том месте, где прятался в каменной щели лейтенант. Даже нагромождение сухого кустарника над головой не спасало – тени почти не было

Лейтенант смотрел в бездонный сияющий провал неба и наблюдал, как высоко-высоко парит, раскинув крылья, едва видимый в синеве коршун. Его чёрный силуэт выписывал круги, постепенно приближаясь к центру – видимо, внизу, на земле была обнаружена добыча. Птица терпеливо и плавно кружила над ней, выжидая удобной минуты. Вот коршун почти вертикально упал и скрылся за каменными громадами скал.

Лейтенант закрыл глаза. Он потерял много сил, и сейчас ему трудно было даже просто смотреть в небо. Солнце проникало и сквозь закрытые веки – чистое алое зарево стояло перед глазами. Но через некоторое время алый цвет ушёл и засиял золотой, переливающийся бело-серебряными бликами. Раскалённый воздух, казалось, извлекал последние остатки влаги из лёгких, каждый вдох и выдох давались с трудом.

Жажда, перейдя свой апогей, как бы перестала ощущаться, и лейтенант забыл о ней. Он понимал, что к вечеру может не выдержать зноя. Впасть в бредовое состояние не хотелось, да и не имел он права на это – вдруг во время бреда выдаст себя неосторожным звуком или движением. А вдруг погоня уже идёт по пятам, и афганская овчарка уже вышла на след. Лейтенант всё-таки не заметил, как снова уснул, а может быть, улетел в провал угасающего сознания.

Картина одиннадцатая

Лейтенант совершенно отчётливо видел, как идёт по извилистой тропинке к бедной сакле, прилепившейся к серой громаде скалы. Из тёмного провала двери выходит ослепительная Шехерезада. Она одета в платье, похожее на индийское сари и украшенное драгоценными жемчугами, бриллиантами, самоцветами. Платье сверкает всеми цветами радуги. Сияют и огромные глаза Шехерезады. Её улыбка, словно магнит, притягивает лейтенанта, и он идёт к ней. Нет, он

летит, а рядом с ним в хрустальном просторе неба - Шехерезада. Они долго плавают среди облаков, как невесомые пушинки, не чувствуя притяжения земли, держась за руки, словно дети.

-Шехереза-да-а-а...-кричит лейтенант, - я люблю тебя!

-Д-а-а-а...- откликается далёкое звонкое эхо.

Лейтенант знает, что ни одной секунды, даже доли секунды не сможет прожить вдали от этой, такой родной и такой печальной улыбки. Он будет смотреть на Шехерезаду всю жизнь, и всё равно не насмотрится.

Нет, они не расстались, разъехавшись в разные стороны. Лейтенант знал всей кожей, сердцем, душой, что Шехерезада чувствует то же самое. Только сейчас, летая с нею среди белых облаков, он понял, что сделал всё не так. Он должен был поехать в тот далёкий город Балхаш и увезти её от кого бы то ни было, потому что кроме них двоих не могло быть никого третьего. Почему он так ошибся? Почему?

Лейтенант очнулся, когда солнце лишь ярко малиновым краешком выглядывало из-за скал. Зной ушёл, и дышать стало легче. Только очень болели запекшиеся и потрескавшиеся губы. В каком-то отчаянном восторге наблюдал он, как раскалённый кусок светила медленно погружался в тёмные каменные массы гор. Казалось, Чёрный Дракон, глотает драгоценный самоцвет и рубиновый свет пока ещё вырывается из его бездонной глотки, но уже безнадежно уходит в просторы жадного чрева и вот-вот исчезнет навсегда.

Яркий рубиновый блик магически притягивал взор лейтенанта. Он с сожалением пытался глазами удержать этот живой кусочек, этот маленький остаток дня. Впереди ночь. Что-то она принесёт?

Лейтенант рискнул выбраться из каменной щели, когда уже совсем стемнело. Странно, но ему не хотелось покидать своё неудобное убежище, которое всё же сохранило целый день жизни.

Растрев занемевшие руки и ноги, лейтенант двинулся в путь. Перед ним раскинулась фантастическая сумрачная панорама - острые рваные вершины скалистых гор сверкали, словно антрацит, отражая свет ярких огромных южных звёзд. Справа и слева от узкого плато, по которому уходил на восток лейтенант, зияли чёрные провалы горных ущелий. Стараясь шагать как можно быстрее, лейтенант не забывал

прислушиваться к звукам, иногда доносившимся из бесконечности неведомого и враждебного пространства.

Особенно его внутренний слуховой сторож улавливал звуки, несущиеся сзади—оттуда более всего можно было ожидать опасности. Хотя не исключалось, что погоня может оказаться и впереди – “духи” знали все горные тропы и могли выйти наперехват, чтобы отрезать ему путь на Дарвешан.

Организм как-то уже свыкся с тем, что влага уходит из клеток и, видимо, включил механизмы компенсации - лейтенант, подобно верблюду, шел через пустынные горы, забыв о жажде. Он слился с окружающим ландшафтом, превратился в его часть, почти стал диким существом, чувствующим малейшие изменения, витающие в ночном воздухе. Время от времени он снова слышал невероятно реальный гул несуществующей реки. Вода неслась поверх гладких валунов, огибала самые большие из них и пела волшебную песню живых струй. Казалось, совсем рядом—недалеко внизу—гудит быстрая горная река. И этот многоголосый гул звал, приглашал спуститься вниз, уйти с пустынной, выжженной солнцем гривы.

Лейтенант двигался дальше лишь усилием воли он знал, что здесь нет реки. Водные потоки несутся по ущельям только во время проливных дождей. Чтобы преодолеть наваждение, лейтенант останавливался, прислушивался с чуткостью волка к безднам пространства и убеждался, что гул реки - это слуховой мираж. Может быть, он возникал из шума крови, напряжённо гонимой сердцем по тесным артериям и венам. Может быть, этот мираж рисовал мозг, требующий воды для страдающих от жажды клеток.

Далёкое и тоже призрачное эхо, хранящее шелест имени «Шехерезада», лишь оно одно звало лейтенанта вперёд. И он шёл по горной пустыне, бросая своё тело с каждым шагом туда, где за скалистыми вершинами прятался Дарвешан - его надежда на спасение. Несколько раз стаи пещерных летучих мышей пикировали прямо на него, но убедившись, что добыча им не по зубам, отлетали прочь.

Наконец, движение приобрело характер автоматизма, и лейтенант шёл и шёл, как заведённая машина, уже не обращая внимания на призрачные образы, лишь продолжая чутко слушать пространство. Он не заметил, как забрезжил рассвет. Мрак ночи уступил место серому сумраку, панорама гор раздвинулась, горизонты ушли вдаль.

Каменистое плато, круто развернувшись, ушло на юг. Лейтенант знал, что хребет в этом месте образует почти петлю. Это удлиняло путь, но попытка сократить его, требовала спуска по обрывистому бесконечному склону и такого же непредсказуемо опасного подъёма по скалистым выходам гранитов. Лейтенант решил не делать этого.

Сейчас необходимо было снова найти убежище на день, отдохнуть и поспать по возможности. Он осмотрелся, выбрал узкое, закрытое колючими кустарниками, углубление в скалах и, продираясь сквозь завесу игольчатых ветвей, забрался внутрь этой маленькой пещеры. Сегодня солнце не достанет его даже в полдень. Может быть, удастся хорошо выспаться.

Картина двенадцатая

Не смотря на тяжёлую, какую-то нечеловеческую усталость, уснуть сразу лейтенанту не удалось. Загустевшая кровь напряжённо пульсировала в висках. В ушах как будто бился механический звук работающего мотора. И только через некоторое время этот металлический звук превратился в тонкий серебряный звон, и лейтенант уснул, улыбаясь детской счастливой улыбкой.

Во сне он снова летал вдвоём с Шехерезадой среди жемчужных невесомых облаков. На одно из них они уселись, словно на лавочку и сидели, болтая ногами, глядя вниз на далёкую зелёную весеннюю землю. Взявшись за руки, они смотрели в глаза друг другу, сливаясь в единое целое в этом взгляде. И новое единое счастливое существо, превратившись в Ангела, со скоростью света летело в глубины космоса среди сияющих звёзд и разноцветных планет.

Космос-царство безмолвия, но для Ангела, глазами которого на мир смотрели сразу два человека, космос звучал как серебряный орган. Объёмный гул медленно вращающихся огромных светящихся дисков, спиралей - звёздных галактик, пение летучих комет, голоса странствующих метеоритов и серебряные трубы других Ангелов - всё это сливалось, звучало волшебной мелодией

Но вдруг на крутом повороте возле красивой цветной планеты Ангел вновь разъединился, породив два существа. И лейтенант увидел на фоне летучих светил Шехерезаду – Ангела. Она держала в руках прямоугольный белый кусок шёлка. На

нём сияла надпись большими арабскими буквами. Шехерезада махала лейтенанту рукой и указывала на эту надпись.

Лейтенант понял, что необходимо прочесть сияющую вязь слов, но он не знал арабского языка. Он понял значение этой минуты: если прочтёт - выживет, выберется из гор, встретится с Шехерезадой. Если не сможет...

Вглядываясь до слёз в четыре светящихся живым сиреневым огнём строки, лейтенант пытался усилием воли открыть глубинные кладовые памяти, где наверняка прятались знания арабского языка. Но память не откликнулась, не реагировала на его зов. И надпись на белом шёлке молчала. Шехерезада – Ангел стала медленно отдаляться от лейтенанта. Сиреневые мерцающие буквы, уменьшаясь в размерах, постепенно сливались в яркое пятно.

Лейтенант всей душой рвался вслед за Ангелом, но не мог сдвинуться с места – его притягивала планета, рядом с которой он висел в бархате тьмы, похожий на пришипленного мотылька. Он оглянулся на жестокую планету, разлучающую его с Любимой, и узнал её – это была Земля. За это мгновение Шехерезада растворилась среди сонма звёзд и навсегда унесла с собой волшебную надпись.

Лейтенант проснулся и услышал далёкий лай собаки. Что значит этот лай, он осознал несколькими секундами позднее - образ удаляющейся Шехерезады всё ещё стоял перед глазами. Чувство страшной невозвратной потери переполняло сердце и заставляло его стучать в бешеном ритме. Но сознание уже подсказало – вольная жизнь для лейтенанта закончилась, может быть, навсегда.

Лай приближался. Лейтенант, быстро выбрался из своего убежища и бросился вниз по склону. Почти отвесные скалы не обещали благополучного спуска, но другого пути уже не было. Скользя и падая, хватаясь ногтями за острые каменные выступы, лейтенант не спускался, а почти летел навстречу верной смерти. Любая промашка - и на дно ущелья свалится груды костей. Сколько времени продолжалось это кувыркание вдоль вертикальной каменной стены, лейтенант не знал. Когда он оказался внизу, руки его и лицо превратились в кровавое месиво. Всё тело было избито, изодрано, но боли он не чувствовал. И всё-таки, очутившись внизу, потерял сознание. Очнувшись через минуту, открыл глаза и увидел стоящего над ним “духа”.

Удар прикладом автомата по голове – и снова тьма
беспамятства.

Часть вторая. РАБСТВО.

Снова в яме.

Лейтенант очнулся на дне всё той же каменной ямы в лагере душманов. Над головой горели яростные ночные светила. Шелест и стрекотание насекомых, их суета в темноте - всё это повторилось, как в страшном сне. Но любой сон кончается, а то, что ждало лейтенанта, могло закончиться теперь только после его смерти. Других вариантов скорее всего не будет.

Утро откроет свои огненные глаза, и придёт палач. Третьи сутки без воды и еды, третьи сутки жутких усилий на пути к смерти - должен же прийти конец этой муке. Лейтенант попытался встать. Невыносимая боль в руках и ногах, во всём теле швырнула его обратно на каменное дно. Виски и затылок словно сверлили, рвали острой дрелью. Лейтенант равнодушно подумал, что всё-таки странно, почему он до сих пор жив. Трое суток без воды и еды в каменном ущелье на солнцепёке, на привязи у столба, после зверского избиения, потом несколько дней изнурительного труда в лагере, побег, спуск-падение по каменному склону... Лейтенант давно уже должен был погибнуть, но по странному стечению обстоятельств всё ещё жив. Хотя жизни в его теле осталось совсем мало.

Только Шехерезада, только она держала его в этом мире, не давая уйти. Он это знал и даже сейчас верил, что ещё встретится с ней.

Что-то тяжелое и жёсткое легло на ноги лейтенанту. Он понял только, что это живая тварь. Когда она пошевелилась, стало ясно - змея. В темноте он не мог рассмотреть, какой она породы – ядовитая или нет. Скорее всего, кобра – их тут много, встречаются на каждом шагу. Лейтенант никак не отреагировал на новое соседство. Если не двигаться, есть шанс, что змея его не тронет. Но внутренне он был согласен и на другой вариант. Может быть, это бог посылает ему избавление от мук. Змея проползла по ногам, животу лейтенанта, добралась до лица, остановилась, словно прислушиваясь к тому, что творится у него внутри. Равнодушие и отстранённость сознания передавались и каждой клеточке организма. Змея чутко уловила

этот ровный настрой, сползла с плеча лейтенанта, прощурилась по каменным уступам ямы и ушла в ночь.

Лейтенант мысленно проследовал за ней и даже пожалел, что всё так быстро закончилось. Он не использовал шанс, данный богом. Значит, утром ему предстоит казнь. Он должен собраться с силами, чтобы суметь прожить эти несколько часов.

И вспомнился лейтенанту родной город Бийск, его улицы, переулочки, немудрёное и счастливое детство. Маленькая деревянная двадцатая школа, где он учился в одном классе с Шехерезадой... Десять лет счастья! Он тогда, конечно же, не понимал этого - просто жил, просто учился, любил Шехерезаду, даже не думая о том, что когда-то её не будет в его жизни.

Учился он хорошо, но когда зацветали черёмуха и сирень, когда весна сводила с ума всё живое, забывал об уроках, экзаменах, не слушал учителей. Восторг жизни захлёстывал его, и школа уходила куда-то на дальний план. В классном журнале появлялись двойки. Родителей вызывала в школу Нина Петровна—строгая классная дама. Отец дома проводил воспитательные беседы, мать ругалась и даже бралась за ремень.

Милые старики! Они теперь уже получили страшный в своей безнадёжности груз-200. Мать оплакала своего непослушного сыночка, который снова, в тысячный раз ушёл из дома, не спросив разрешения матери. Ушёл, и так получилось, что навсегда.

Вспомнил лейтенант своих пацанов, с которыми играл сначала в войну, потом - в футбол, волейбол, ходил в секцию самбо.

Когда подросли, все поголовно увлеклись штангой. Тогда уже вошли в моду дискотеки, и пацаны толпой ходили завлекать девчонок. Лейтенант же всегда искал глазами Шехерезаду, другие просто не существовали для него. Вспомнились почему-то лейтенанту высокие мальвы под окном дома, где его родители получили квартиру в новой девятиэтажке. Он всегда, выходя из подъезда, останавливался возле больших ярко-розовых и тёмно-бордовых кустов, рассматривал толстые резные лепестки, гладил их руками. Цветы пахли тонко и дико, словно росли не на газоне в городе, а в раздольной степи.

Ещё нравились ему маленькие ярко-малиновые цветочки на вьющихся стеблях, ютившиеся у подножия высоких мальв.

Их сложное строение, живой цвет и аромат, плотно сложенные лепестки удивляли и несли какую-то загадку - казалось, неизвестный гениальный художник создал их специально для того, чтобы люди задумались над красотой и непостижимостью живой природы. Однажды он рискнул заглянуть внутрь маленького волшебного цветка, но лепестки оторвались, просыпались на землю рубиновыми чешуйками, и загадка исчезла. Больше никогда он не срывал драгоценных маленьких бутонов, лишь смотрел на них, радуясь сердцем.

Как всё это далеко—другая волшебная реальность, в которой лейтенанту уже нет места. Он заметил, что мрак ночи сменился рассветной мглой, звёзды в небе поблекли. Скоро за ним уже придут.

Лейтенант представил себе город Балхаш на берегу большого и спокойного озера— светлые высотные постройки, дома пониже, трубы заводов, лёгкие облака в рассветном небе... Где-то там, в одном из этих далёких домов, сейчас проснулась Шехерезада.

-Здравствуй, любимая!— беззвучно произнёс лейтенант, не размыкая разбитых непослушных губ.

Казнь.

Его выволокли из ямы за верёвки, привязанные к ногам, протащили по каменным плитам в центре лагеря. Там уже стояла разношерстная толпа вооружённых душманов. На первый план выдвинулся всё тот же важный, отстранённо гордый военачальник в халате, расшитом серебряным и золотым бисером, увешанный оружием. Его белая чалма в рассветных лучах солнца окрасилась в розовый цвет.

-Ты нарушил правила. Ты – неблагодарная собака. Тебя кормили и поили, дали работу. Ты сбежал. Будешь сидеть на цепи. Больше не сбежишь— тебе отпилят ногу, - сказал он по-русски равнодушно и отрывисто.

И тут лейтенант увидел палача. Это был худой душман, одетый в серую короткую безрукавку поверх белой рубахи. Из-под грязной чалмы смотрели весёлые, безжалостные глаза. Он приближался к лейтенанту, держа в правой руке обыкновенную ножовку.

Второй душман, низко наклонившись и суетясь, дыша в лицо лейтенанту нечистым дыханием, связал его, как барана перед закланием.

Словно в дурном сне, лейтенант увидел, как брызнула из-под пилы кровь, показалась сначала белая, потом окрасившаяся алым, кость. Он, казалось, даже не почувствовал боли – сознание отключилось так быстро, что его собственный крик не был услышан ухом.

Братья по несчастью

Лейтенант очнулся, слева увидел облупленную стену каменного барака, справа на небольшом отдалении – резко пахнущую помойку. Он долго не мог понять, где находится. Наконец, сообразил, что барак – это кухня в лагере “духов”. Толстая цепь, укреплённая в кольце на каменной стене, длиной около метра – это его поводок, как у собаки. Цепь держит лейтенанта за правую ногу.

Левой ноги ниже колена не было. Вместо неё – культя, обмотанная грязными тряпками. Тяжёлая тоска страшным грузом навалилась, как медведь. Душа завывала, заплакала беззвучно и невидимо. Колючий вопрос выплыл из глубин сознания – как и зачем он выжил? Лучше смерть, чем жизнь инвалида, цепь и рабство. Но невозможным фантастическим светом сознание нарисовало образ улыбающейся юной девушки. Из глубин далёких и недостижимых теперь пространств прошлестело милое имя – Шехерезада.

Открылась дверь кухни, оттуда вывалился человек в лохмотьях, несущий ведро помоев. Взглянув в сторону лейтенанта, он остановился, оглянулся назад – на кухонный барак, поставив ведро, приблизился к лейтенанту.

– Я русский... пленный, – шепотом сказал он. – Ты пролежал здесь месяц. Я думал, что умрёшь – температура, бред, потеря крови, инфекция. Но ты – молодец. Я поил тебя и даже кормил. Они это разрешили. Теперь нас двое. Мы всё равно уйдём отсюда. Сейчас принесу тебе пить и есть.

С быстротой и ловкостью дикого зверя, парень подхватил ведро, вылил помой и исчез за дверью барака. Через пять минут он появился снова, неся воду в кувшинчике и кусок лепёшки.

– Делай вид пока, что ты без сознания. Несколько дней подкормишься. Потом придётся сказать, что ты очнулся. Наверное, заставят делать какую-то работу. Я пошёл.

И парень исчез в недрах кухонного строения. Лейтенант выпил воду, отломил маленький кусочек лепёшки, медленно

разжевал его. Больше нельзя - будет плохо после голодания. Закрыв глаза, лейтенант как будто провалился в небытие – это был сон оживающего организма, сон от слабости и в то же время - врачующий истощённые клетки. Парень - повар через несколько минут выскочил из барака, забрал кувшин, остаток лепёшки и, молча, исчез.

Так прошло пять дней. За это время лейтенант узнал, что парня зовут Виктор, что они земляки – родом он из Новосибирска. Виктор рассказал, как он глупо попал в плен - отошёл за скалы по нужде. “Духи” словно ждали его в этом месте. Связали, затащили в пещеры, долго вели по каким-то каменным лабиринтам. Потом вышли наружу, везли его на лошадях двое суток, и так он оказался здесь.

Для начала его избивали целую неделю, заставляли принять ислам. Когда согласился, отправили работать на кухне. Показали расправу с лейтенантом. Предупредили, что с ним будет то же, если побежит. На шестой день Виктор сообщил “духам” о лейтенанте. Тут же явился худой чернокожий душман и сказал: «Оружейный барак... Ты знаешь эту работу. Будешь на цепи». Лейтенанта заставили ползти вместе с громоздкой цепью до оружейного барака. Там его приковали к стене, и он вернулся к своему прежнему занятию.

Узник оружейного барака

Каждый день с раннего утра и до поздней ночи лейтенант, стоя на одной ноге возле верстака, разбирал, чистил, смазывал, снова собирал, ремонтировал автоматы, ружья, пистолеты, гранатомёты - чего только не было в арсенале пуштурмов. Часто они привозили богатые трофеи – работы не убавлялось. Эта вечная мясорубка Афгана, требовала пушечного мяса и новых и новых орудий убийства.

Однажды “духи” привезли крупную партию мин. Всё тот же важный военачальник Аманулла приказал лейтенанту осмотреть мины, установить их пригодность и обдумать, как лучше заминировать дорогу на Дарвешан. Лейтенант сразу же сказал - если не будет подробной карты, работа скорее всего не даст результата. Трое суток душманы совещались. Вечером третьего дня лейтенанту принесли карту. Он попросил несколько часов на составление плана.

-Через сутки объяснишь мне, где и как решил установить мины. Объяснишь, почему именно так, - заявил Аманулла. - Не вздумай врать мне. Я быстро найду тебе замену.

Наконец, лейтенант остался наедине с картой. Этот клочок цветной бумаги был для него волшебным билетом в другой мир. Зная расположение горных отрогов, их высоты, направления возможных проходов через скалистые массивы, отмеченные на карте, лейтенант приобретал новый шанс на побег и надежду добраться в Дарвешан. Он не думал о том, как придётся ему передвигаться в каменных ущельях или через громады скальных перевалов. Он не думал о том, что теперь он инвалид. Лейтенант знал – будет ползти, катиться по камням, передвигаться с помощью рук, зубов – и так до тех пор, пока не исчезнет шанс хоть на метр приблизиться к свободе.

Изучая карту, лейтенант обдумывал то, что станет предлагать “духам”. Нужна достоверность, иначе провалится его план побега. На Дарвешан есть три дороги–это пути передвижения кочевников - пастухов. Один из них пригоден для проезда на автомашинах. Надо убедить Аманулла в том, что первым необходимо минировать именно этот путь. Делать работу тайно–в сумерках. Ночью опасно – можно подорваться во время установки мин. Затем, не скрываясь, минировать два оставшихся прохода. Противник решит, что свободным от мин остался тот, первый путь, и начнёт движение именно по нему.

Лейтенант ещё и ещё продумывал разные варианты, но всё-таки вернулся к тому, с чего начал. Он много раз прокрутил в уме все детали того, что будет говорить, сжился с этим планом, сроднился с ним. Это необходимо, иначе его речь будет звучать неубедительно для душманов. Наконец, лейтенант понял, что готов к любому разговору с вельможным Амануллой.

Выезд на перевал

Через сутки вечером, когда солнце скрылось за кромкой гор, трое “духов” и лейтенант на лошадях отправились на перевал, где проходила дорога на Дарвешан. Их путь лежал к самому узкому месту на этой тропе, где слева вверх взмывали неприступные скалы, а справа зияла каменная пропасть. Дорога здесь круто изгибалась, убегая налево и скрываясь за кромками скальных громад.

Ехали довольно долго, стараясь не шуметь, скрываясь за кустарниками, лавируя между каменными нагромождениями,

чтобы подобраться к нужному месту сбоку. Двигаться по тропе нельзя - могут заметить наблюдатели противника. “Духи” спешили, сняли груз с лошадей, распаковали мины. Один из них поочерёдно перенёс мины, пока без взрывателей, на тропу, разложил в шахматном порядке, как велел лейтенант.

Сапёрной лопаткой стали рыть углубления для мин, стараясь попадать между камней, где причудливыми пятнами серым цветом выделялась песчаная почва. Когда тропа превратилась в подобие широкой грядки, на которой выступающие булыжники чередовались с песчаными ямками, лейтенант приказал всем отойти как можно дальше, потому что теперь пришла его очередь поработать.

Укладывая мины начал с ближнего края. Делать это приходилось стоя на правом колене, опираясь на остаток второй ноги... Уложив первый ряд и установив взрыватели, лейтенант отступил на уровень следующего ряда. Медленно и плавно опуская мину в выкопанную лунку, лейтенант ждал окрика.

Он боялся, что душманы раньше времени поймут его замысел. Но те стояли кучкой, о чём-то тихо разговаривали на пушту. Один из них держал лейтенанта на прицеле. Уже почти стемнело.

При укладке мин в четвёртый ряд, лейтенант уже оказался на самом крутом месте поворота. Ещё два ряда, и он почти скроется за каменными выступами. Неужели повезёт? Наступающая тьма в случае удачи поможет ему. Но, кажется, сопровождающие уже забеспокоились, кричат что-то. Он приподнялся, помахал рукой, успокаивающе ответил: «Всё в порядке». Это не помогло – они продолжали кричать и показывали жестами, что ему нужно вернуться.

Лейтенант, стараясь сохранить спокойную интонацию, отвечал и тоже показывал жестами, что осталось только два ряда. «Надо закончить!» - крикнул он. – Аманулла ждёт!» Лейтенант понимал, что это его последний аргумент.

Как только мог быстро, он упал на каменистую тропу и пополз за спасительный поворот. Грянул выстрел, второй, началась пальба, но лейтенант уже был за каменной защитой. Он слышал, как ругались “духи”, слышал, как они приблизились к минной полосе, снова ругались, кричали что-то друг другу громко и зло, но двинуться по заминированной тропе никто не рискнул. По отдельным словам и интонациям лейтенант понял, что они обвиняют во всём того, кто держал пленного на прицеле. Да, этому ротозею теперь не позавидуешь.

Аманулла его повесит. Лейтенант лежал тихо, стараясь не производить ни звука, чтобы не обнаружить себя. Хотя они, конечно, понимают, что скорость передвижения безногого инвалида невелика. Но тьма ночи не позволит пройти между мин. Сейчас им остаётся только вернуться в лагерь.

Снова на свободе.

Наконец, голоса замолкли вдали. Лейтенант остался один на один с ночным миром гор. Он не знал, что сообщат душманы своему предводителю. Может быть, скажут, что убили его при побеге, и он сорвался в пропасть. Может быть, скажут правду. Тогда будет погоня. Надо торопиться – постараться продвинуться как можно дальше в сторону Дарвешана. По тропе ползти нельзя, а тем более прыгать на одной ноге. Мало ли наблюдателей у “духов”.

Как ни крути, самое верное решение – это спуск в пропасть, потом – продвижение низом по ущелью, которое считается непроходимым, на северо-восток к Дарвешану. Лейтенант понимал – спуск может закончиться гибелью, но и все другие варианты – это верная смерть от пули или мучительная казнь в лагере душманов.

Он некоторое время двигался вдоль края пропасти, стараясь найти более или менее пригодное для спуска место. Наконец, обнаружил ложбину, поросшую колючими кустарниками, уходящую вниз с неким подобием уклона. Неизвестно, где кончается этот уклон, может быть ниже находится обрыв, и его ждёт падение на острые камни. Но другого варианта нет.

Спуск с самого начала превратился в пытку. Усыпанные иглами кустарники, через которые лейтенанта потащило вниз, словно орудие пытки, сдирали одежду и кожу. Лейтенант едва успевал защищать глаза – если ослепнет, тогда уже надежд ни на что не останется. Он приказал себе не чувствовать обжигающей боли и помнить только одно – нужно спуститься на дно ущелья живым. Сколько времени длилось кувырканье по каменному склону – треск и грохот в ушах, новые и новые порции боли, крови, бессознательные попытки упереться во что-либо правой ногой, схватиться руками хоть за какую-то опору – лейтенант не смог бы определить. Ему казалось, что всё это продолжается уже целую вечность, и что

так будет всегда. Он падал в ад, и адским был путь, ведущий в его бездны.

Наконец, сознание отключилось, наступила тьма.

Подарок Духа гор

Лейтенант открыл глаза и долго не мог понять, где находится - полусумерки, полусвет и скалы, скалы... Вместе с сознанием пришла боль. Болело всё - голова раскалывалась, руки и ноги ощущались тяжёлым грузом, тело – сплошная короста. Любое малое движение рождало жгучий пламень, грозивший расплавить мозги и отключить сознание снова. Сколько времени прошло с тех пор, как лейтенант кровавым месивом скатился с каменной кручи? Сутки, двое или, может быть, всего час? Наверное, это неважно. Главное сейчас собрать все силы, приказать себе не чувствовать боли и начать движение в сторону Дарвешана. Пусть на метр, на два, но приблизиться к цели.

Лейтенант вспомнил уроки медитации, которые им преподавал инструктор по каратэ. Закрыв глаза, нарисовал образ своей боли в виде чёрного круга на светло-жёлтом экране. Мысленно собрал всю боль без остатка и загнал в этот круг. Медленно стал сжимать его, уменьшая в диаметре. Чёрный круг послушно освобождал всё больше светлого пространства и, наконец, превратился в маленькую точку. Вот эту точку лейтенант долго не мог стереть, но, наконец, это удалось. Боль, действительно, отступила. Первая попытка сдвинуться с места кончилась тем, что боль снова накатила удушливой волной, и лейтенант чуть не задохнулся - так резко прокололо грудь. Наверное, сломаны рёбра. Может быть, пострадали и лёгкие. Он снова повторил медитацию, стирая чёрный круг боли, словно ластиком с белого листа. Стиснув зубы, опять попытался ползти. На этот раз удалось продвинуться метра на три вперёд.

Лейтенант услышал слабый звук, похожий на глухое бормотание. Прислушался – да, это ручей. Неужели ему, как и в прошлый побег, мерещится вода? Он прополз ещё метра три и увидел круглый крошечный родничок между камней на небольшом возвышении. Вода из него переливалась через край тонкой прерывающейся струйкой и падала, растворяясь между камней, уходя в песок, скрываясь под чахлыми пятнами лишайника. Живая вода в маленькой горсточке Духа скалистых гор.

Только сейчас, увидев воду, лейтенант понял, как хочет пить. Он пил и пил, припав к волшебной чаше, подаренной ему кем-то Милосердным, наверное, самим Богом. Через час он умылся, и стало легче дышать, прояснилась голова. Время шло, нужно было уходить от родника. Лейтенант понимал, как трудно будет оторваться от воды. Сознание протестовало, подсовывало тягучие мысли о том, что здесь его не будут искать, что можно побыть возле воды ещё один день, немного оправиться от травм, и тогда уже...

Но где-то на заднем плане не давало покоя другое - ощущение опасности и зов далёкой цели - южного чужого города Дарвешана, который мог спасти лейтенанта, мог открыть ему дверь в тот, потерянный мир, где остались Родина, дом, Шехерезада...

Часть третья. ИСПОВЕДЬ.

Звонок

Жена лейтенанта положила телефонную трубку, но почему-то не могла отойти от аппарата, словно боясь разорвать невидимую нить, которая только что связывала её с мужем. Что-то мешало и скребло глубоко внутри сознания. Всё было хорошо, он собирался вылететь домой, но сказал, что задержится только на три дня. О причине не сообщил, лишь дал понять - ничего серьёзного не случилось. Может быть, тревога родилась оттого, что срок службы лейтенанта в Афганистане уже был один раз продлён на целый год. Тогда он тоже должен был вернуться домой, но пришёл приказ остаться на месте службы. Сейчас все сроки уже вышли, нового приказа нет, значит, всё нормально.

Марина постаралась отогнать глубинную тревогу, подошла к дочке, подала ей любимую куклу. Эту игрушку дочка называла «подарком папы», потому что бабушка, вручая куклу, сказала: «Береги её, это подарок тебе от папы». Девочка не видела отца, но хорошо знала его по рассказам мамы, бабушки и по фотографиям. Рассматривая фото, она всегда указывала пальчиком на отца и серьёзно сообщала: « Это папа. Он скоро придет».

Ещё и ещё раз перебирала Марина в памяти все подробности телефонного разговора, стараясь понять, что же вызвало эту непонятную, но опасную, как болото, тревогу.

Ничего...Только разве интонации лейтенанта - какая-то неуверенность сквозила в его голосе. А может быть, это просто показалось от усталости, недосыпания - по ночам ей часто приходилось вставать к дочке. Шахиня, так Марина называла своё милое чадо, спала беспокойно, постоянно просыпалась, требовала маму. Ей то хотелось пить, то на горшочек, то было жарко, то холодно. То вдруг хотелось к бабушке. Научившись говорить, девочка стала рассказывать сказки - то, что видела во сне.

Вчера Шахиня рассказала, что видела, как под яблоней сидел папа. Он улыбался. Красные яблоки падали ему в руки, он ловил их и отдавал Шахине. Она набрала много яблок в подол, но когда хотела унести домой, не удержала, и они рассыпались по траве. «Хочу яблок! – заявила она маме посреди ночи.

Они пошли на кухню, достали яблоко из холодильника. Шахиня съела его и только после этого снова улеглась спать. Каждую ночь возникали новые фантазии, она часто видела сны, рассказывала их Марине, а утром всё забывала.

Её красочные истории оставались только в памяти мамы, которая собиралась записывать эти сказки, чтобы дочка, когда вырастет, могла встретиться с собой маленькой, перенестись в своё детство. Но пока ещё не было записано ни одной ночной истории, Марина только успела приготовить для этого новую общую тетрадь. Она хотела дать почитать сочинения дочки папе, когда тот вернётся домой.

Три дня и три ночи... Неужели вот так просто – откроется дверь, и на пороге возникнет знакомый силуэт? Они расставались, надеясь встретиться через год. Тогда этот срок казался бесконечным. Но военные не принадлежат себе – разлука растянулась почти на два года. Дочка сделала первый шаг, подросла, заговорила, а отца всё не было.

Марина представляла себе Афганистан в виде бесконечных горных хребтов, вечного зноя, песчаных равнин. Теперь она понимала, что там идёт партизанская война, и наши войска нужны не просто для охраны порядка. В Бийск уже три человека вернулись оттуда в цинковых гробах. Но лейтенант писал, что, боевых действий нет, всё спокойно, и ей нечего бояться. До сегодняшнего дня Марина старалась не думать о плохом, надеялась на встречу и ждала, что вот-вот откроется дверь... А теперь, когда разлука почти закончилась, вдруг навалилась беспричинная тоска. Да такая, хоть волком вой.

Казалось, что нет сил ждать даже и одной минуты. А что такое трое суток да плюс один день на дорогу? Вечность! Марина сжала виски руками, закрыла глаза, и забормотала быстро и невнятно: «Господи! Не могу, не могу, не могу больше!».

Дочка, почувствовав состояние матери, притопала и встала рядом, дёрнула Марину за платье: «Мамочка, ну, мамочка же!»—жалобно требовала она.

—Всё хорошо, моё золотко!—Марина погладила дочку по голове.

Шахиня крепко обняла свою ненаглядную мамочку, и они, устроившись, на диване, стали бодаться лбами.

—Ты—моё золотко!—ещё раз сказала Марина.

—Нет, это ты моё золотко!— засмеялась Шахиня.

Им было хорошо вдвоём. А что такое «втроём—с папой» никто из них ещё не знал. Марине очень хотелось сообщить дочке, что папа приедет через три дня, но что-то мешало ей сказать это. Страх обмануть маленькое безгранично верящее маме существо? Ощущение какой-то неведомой опасности или эта липкая тоска, не отпускаящая сердце?

—Молчи!— приказала себе Марина. — Приедет отец, Шахиня сама его увидит и узнает.

Страшная весть

Три дня и три ночи... Космическая холодная вечность — так воспринимала жена лейтенанта это пустое время, этот провал в жизни, по ощущениям равный долгому опасному полёту над пропастью. Ожидание и неизвестно откуда пришедшее отчаяние, хотя на улице разгуливало по горячему асфальту лето, летал невесомый пух тополей, всё благоухало и цвело.

Но вот настало утро четвёртого дня. Марина не спала почти всю ночь. Встала в пять часов, готовила завтрак дочке, но внутренне не находила себе места. Ей хотелось мчаться в аэропорт, стоять в зале ожидания, глядя в окна на взлётную полосу, в высокое небо, в котором из синих глубин должен возникнуть серебристый лайнер...

Телефонный звонок резко ударил по нервам. Марина как-то совсем забыла о телефоне — надо было ещё вчера позвонить в комиссариат. Да-да, в девять часов она свяжется с капитаном Ивановым. Звонила её мать, спросила, поедет ли Марина встречать мужа. Можно было и не спрашивать. Разве

могла она не поехать! Самая большая проблема – дожидаться четырнадцати часов, когда уже можно будет мчаться в аэропорт.

Проснулась дочка. Марина накормила её и долго думала, отправить ребёнка в ясли или оставить дома, а потом вместе с ней ехать в аэропорт. Решила не беспокоить дочку заранее и, как обычно, отвела её в группу, сдала воспитательнице.

В девять часов набрала номер комиссариата, но никто не ответил на звонок. Капитан, как всегда, опаздывал на две минуты. Наконец, Марина услышала в трубке его хрипловатый баритон: «Капитан Иванов». Она помедлила и сказала: “Сергей Иванович, это Марина. Скажите, могу я сегодня встречать Новосибирский рейс?” Она не могла заставить себя спросить прямо: “Всё ли в порядке с возвращением мужа?” Глубинный страх блокировал речь.

-Марина! Здравствуй, - ответил капитан, - пока других сведений не поступало. Перезвони через пять минут, я скажу тебе точно. Не волнуйся, всё будет хорошо!

Через пять минут капитан позвонил сам.

-Марина! – только начал он, а сердце у неё оборвалось и словно бы закричало. –Марина! Я сейчас подъеду к тебе домой. Жди, - и положил трубку.

Полчаса спустя, когда открылась дверь, и капитан Иванов шагнул в прихожую, Марина услышала то, что уже прокричало ей сердце.

-Сегодня прибудет груз-200, - сказал капитан осевшим голосом, - это твой муж, Марина. Он погиб как герой. Только не плачь – ты жена офицера...

Она и не могла плакать. Слезы хлынут потом, спустя много дней, когда сознание смирится с происшедшим...

Проводы

Ей не разрешили открыть гроб, как она ни просила. Все отвечали одно и то же: « Запрещено – приказ командования». Хождения матери лейтенанта по военным инстанциям тоже закончились отказом.

Словно в страшном и душном сне ехала Марина на кладбище. Дочка осталась у бабушки – та не разрешила Марине даже и говорить что-то о смерти отца. «Скажем ребёнку, что папа ещё долго не приедет, что он занят. Подрастёт, тогда и расскажешь, как погиб её отец».

Марина согласилась - конечно, так будет лучше. Неизвестно, что произошло бы с психикой ребёнка, который ждёт отца, а вместо живого папы видит цинковый гроб, слышит рыдания и разговоры о смерти.

Солнце пекло, словно в последние дни мира. На кладбище – ни ветерка. Долго говорили красивые и печальные речи сослуживцы лейтенанта. Марина слушала, и ей казалось, что всё происходящее – неправда, что всё это сон, который вот-вот кончится. Капитан Иванов скорбно и торжественно объявил, что лейтенант посмертно награждён орденом и ему присвоено звание Героя. Залп десятка армейских винтовок заставил всех невольно вздрогнуть.

- Вот и всё! - сказала Марина. Ей казалось, что это её хоронят. Это на крышку её гроба упали первые комья земли.

После жизни

В первое время после похорон Марина часто ловила себя на мысли, что хочет позвонить мужу. Она не верила, что лейтенант погиб. Ждала каждый день стука в дверь, телефонного звонка. Шли дни, недели, а наваждение не кончалось.

Марина ходила на работу, водила дочку в ясли, стирала, варила завтраки, обеды и ужины, но делала всё это как-то бессознательно, механически. Иногда ловила себя на мысли, что похожа на робота.

Странный сон приснился жене лейтенанта на сороковой день. Шла она вдоль горной бурной и широкой реки. Ревела вода, летели водяные брызги. И вдруг на том, далёком втором берегу, среди ярко-зелёных сосен увидела Шехерезаду такой, какой была она в десятом классе - ослепительно красивой, стройной и улыбчивой. Огромные глаза – две сияющих звезды – так и звали пойти за нею. Шехерезада помахала рукой и показала жестом - лети, мол, сюда.

И полетела жена лейтенанта над бурной и страшной рекой, чувствуя, как зелёные воды притягивают к себе, заставляют снижаться, хватают за ноги своими упругими мощными струями. Из всех сил старалась она подняться повыше, но никак не могла преодолеть этого магнитного притяжения.

Уже по пояс она в воде, скоро утонет по плечи и не сможет больше взлететь. Жадный поток увлечёт её как

соломинку, закрутит, бросит на дно, и погаснет солнце на небе, и исчезнут сосны...

-Шехерезада! Помоги!– крикнула она громко... Многократное эхо мощной полифонической мелодией ответило ей, отражаясь от скал и снова возвращаясь к ним.

Шехерезада легко и высоко поднялась в воздух, пронеслась над зеленоводой рекой, выхватив из её недр Марину, и опустилась на берегу.

Жена лейтенанта на миг потеряла сознание, а когда очнулась, Шехерезады уже не было рядом. «Я же ничего не успела ей сказать!–ужаснулась Марина.– Она спасла меня, а я...»

Сон, словно живая явь, не отпускал сознание и днём, и на следующий день. Жена лейтенанта постоянно мысленно возвращалась на берег горной реки. Спрашивала себя, почему она не смогла перелететь реку, а Шехерезада летала, как Ангел – легко и просто? И где-то в глубинах сознания она видела ответ - это грех тянул её к земле и не давал подняться к облакам.

Исповедь

Прошло полгода со дня смерти лейтенанта, но жена продолжала ждать его, надеясь однажды услышать знакомый стук в дверь – муж всегда стучал, а не звонил. Такая была у него привычка. Постепенно пришло убеждение, что жизнь как-то может измениться, если Шехерезада узнает всю правду и простит Марину. Однажды жена лейтенанта поздно вечером, присев на кухне за стол, положила перед собой несколько листов бумаги и стала писать.

«Прости меня, Шехерезада! – так начала она своё послание.–Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена – любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела послушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня – так я называю её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя.

Помнишь, как ты уехала на Балхаш и оставила мне твой адрес. Ты просила передать его лейтенанту. Ты просила передать ему также, что ждёшь его. Ты не знала одного - моих желаний. Я же хотела идти по жизни только рядом с ним. Никто другой мне был не нужен. Никогда не подавала я виду, что люблю его – знала о ваших отношениях. И тут судьба

кинула мне в руки такой шанс! Конечно, я не могла его упустить. Я не понимала... нет, не хотела понимать, что ломаю ему жизнь. Мне казалось – смогу сделать его счастливым, ведь я так любила!

Шехерезада! Я тогда смогла убедить его, что ты вышла замуж и уехала на Балхаш с молодым мужем. Он пережил страшный шок. Долгое время жил как робот – делал то, что нужно; ходил, куда было нужно; возвращался домой, но не чувствовал жизни. Теперь я понимаю его состояние и сама живу после похорон какой-то картонной жизнью. Это Бог вернул мне то, что я когда-то породила на свет.

Я тогда, словно убила его. Могу представить, что происходило с тобой все эти годы. Ведь я тогда убила и тебя. Знаю, что ты не создала семьи. Понимаю, что ждала его. Прости меня, если сможешь!

За всё, за всё на этом свете приходится платить. Отобрала лейтенанта у тебя, я не приобрела ни счастья, ни его любви, ни семейной жизни. Только дочка осталась мне от него, но она странным образом похожа на тебя и носит твоё имя. Отца она не видела ни разу – родилась, когда он находился в Афгане. И лейтенант знал дочку только по фотографиям.

Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё – я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я боюсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи.

Ты должна бы, наверное, ненавидеть меня уже за одно то, что какое-то время я жила рядом с ним и родила ему дочь. Но я знаю, что это не так. Ты не можешь ненавидеть, и душа твоя светла. Я видела тебя такой во сне. Если сможешь, приезжай в Бийск. Мы должны встретиться и поговорить. Приезжай, я буду ждать. Марина».

Утром она отправила письмо. Сбросив его в почтовый ящик, почувствовала облегчение, словно сняла плеч тяжёлый груз, который несла много лет. “Буду ждать ответа”, – сказала себе жена лейтенанта.

Жизнь катилась дальше, не смотря на горе, счастье, радости и огорчения. Но ощущение пустоты не проходило. Ничто не могло заполнить этого жуткого необъятного вакуума, который родился на свет в минуту потери и, захватив душу, не собирался её отпускать так просто. Марина понимала, что теперь ей придётся жить с этим. Мысленно она постоянно

возвращалась к тому дню, когда лейтенант приехал в Бийск после окончания военного училища. Был ясный весёлый день в конце июня. Душа её пела, легко и свободно плавала в синем небе между летучих летних облаков. Но ощущение праздника вдруг погасло. Случилось это сразу после того, как Марина сообщила лейтенанту, что его любимая Шехерезада вышла замуж и уехала, не оставив ему даже записки. Улыбка, до этого момента блуждавшая по его лицу, ещё минуту автоматически держалась в уголках губ, а потом медленно сползла куда-то вниз—как будто в небытие. Марина испугалась, увидев какое действие произвели её слова. Ей хотелось крикнуть: «Не верь мне!» Но она промолчала. С каждой минутой лейтенант словно терял частицу живой жизни, глаза его погасли, лицо стало серым. Марина поняла, что он вот-вот заплачет.

-Извини, - сказала она фальшивым голосом, - мне нужно идти.

И она ушла, оставив его одного до завтра. А на следующий день, он безразлично согласился на всё, что Марина предложила: принять её сочувствие, ехать вдвоём к месту его службы.

Правда, он сказал, что может добраться и один, но Марина, стараясь говорить как можно проще, по-дружески, сообщила: «Я не брошу тебя сейчас в таком состоянии. Довезу до места, а там будет видно!»

Рано утром она отправилась с портфелем в руках в дом лейтенанта – поезд уходил в восемь утра. Город ещё спал, шаги её рождали гулкое эхо, следовавшее по пятам. И вдруг какой-то странный звук заставил Марину остановиться. Прислушавшись, она поняла, что это кричит охрипшим голосом котёнок. Животное пищало, словно захлёбываясь в болотной жиже. Марина осмотрелась, обошла пятиэтажку вокруг, заглянула в соседний двор – везде сухо, луж нет. Канализационных люков тоже. Откуда же этот крик? Совершенно явственно, будто котёнок тонет в полуметре от неё. Крик не затихал, и Марина поспешно пошла прочь. Странный звук преследовал её, не становясь тише, не удаляясь. Она снова остановилась, прислушалась—да, тонет котёнок. Но где? Вдруг какой-то животный ужас накатил на неё, мороз пробежал по спине. И Марина бросилась бежать.

Она помнит это так ясно, как будто всё случилось только вчера. Добежав до подъезда, где находилась квартира родителей лейтенанта, Марина отдышалась, успокоилась и,

выбросив из головы досадный инцидент, поднялась на третий этаж. Тогда она не задумалась над тем, что это было? Сейчас сама собой пришла мысль: «Бог предупредил её, пытаясь дать знак: Остановись! Вернись домой!»

Не остановилась, не вернулась... И всё произошло так, как произошло.

Шехерезада

В почтовом ящике лежало какое-то послание, заманчиво светясь в прорезь белым кружочком. Шехерезада повернула ключ, открыла дверцу, и в руки ей упало письмо. Почерк незнакомый, адрес... Адрес лейтенанта.

Сердце забилося резко и часто. Она думала, что переболела этим. Нет! Всё живо и больно, как и раньше. Но почему почерк чужой? Руку лейтенанта она бы узнала даже в темноте. Дрожащими руками разорвала конверт, вытащила сложенные вчетверо листочки. Развернула их и прочла: «Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане. Я, конечно, понимала, как он любил тебя. Так было всегда, с самого раннего детства. Я уверена—любил до последнего часа. Улетая в Афган, он просил меня назвать дочь твоим именем. И я не посмела послушаться. Мою дочь зовут Шехерезада. Шахиня – так называю я её. И дочь, и свою жизнь с лейтенантом я украла у тебя...»

Шехерезада прислонилась к стене, чувствуя, как ослабели, а потом налились свинцом ноги. Ещё раз посмотрела на развёрнутый лист с неровным почерком: “Прости меня, Шехерезада! Твой лейтенант, мой муж, погиб в Афганистане...”

-Нет, нет! Это ошибка!– прошептала она.– Сейчас я поднимусь домой, прочитаю ещё раз. Это не правда. Но зачем она так зло шутит?

Перешагнув порог, снова и снова пробежала глазами по строчкам, не веря написанному. Потом села на диван и прочла письмо до конца. Все невыплаканные слёзы, страшные годы ожидания, бессонные ночи, когда она прислушивалась к каждому звуку на лестнице, надеясь услышать знакомые шаги – всё это вырвалось из глубин души тихим воем. Так воют собаки от безнадёжности, одиночества и ночной жути.

Потом хлынули слёзы. Она плакала и не могла остановиться. Выла и плакала. Время исчезло. Сознание умерло. Шехерезада осталась один на один со смертью. Теперь жить было незачем. Всё потеряло смысл. Она даже не вспомнила, что

оставила входную дверь открытой, не заметила, когда вошла соседка. Не понимала, о чём та спрашивает, почему тормозит её.

Нисколько не удивилась, когда перед ней возникла женщина в белом халате – врач. Что было дальше, Шехерезада не помнила. События как-то выпали из памяти. Это случилось потому, что происходящее уже не имело для неё никакого значения...

Голос интуиции

Из больницы Шехерезада вернулась домой только через три месяца. За это время боль чуть-чуть притихла в душе, но не ушла. Однако странным было то, что бездна, где летала безразличная белая смерть, почему-то отступила. Первое, что сделала Шехерезада, когда вошла в дом, отыскала роковой конверт. Снова прочла письмо. Но теперь сознание остановило её на других строчках: «Мы схоронили его, но мне постоянно кажется, что не было никаких похорон, ведь мёртвым своего мужа я не видела. А ещё – я чувствую, что если ты не простишь меня, то ни моя жизнь, ни жизнь моей дочери не будут осмысленны, и я боюсь – ей тоже придётся расплачиваться за мои грехи...»

Шехерезада прочла эти строки несколько раз. Прислушалась к себе внутри, и откуда-то из глубин далёких гулких пространств, приближаясь и становясь всё более отчётливой, проявилась мысль: «Он жив!» Снова и снова проверяя это ощущение, она ловила сигналы подсознания, а может быть, не подсознания, а реальные послылы живого организма, пронизывающие время и расстояние. Да, это его мысленный зов! Он через тысячи километров обращается к ней, и подсознание ловит живые волны близкого существа.

Шехерезада понимала, что так люди сходят с ума. Нужно что-то делать. Она решила ехать в Бийск, встретиться с женой лейтенанта.

В родном городе

Шехерезада бродила по родному городу, узнавая и не узнавая его улицы, переулки, дома... Она побывала везде, где весёлые и счастливые летали в облаках два юных создания, наполненных любовью. Неужели это были они с лейтенантом?

Вот здесь они шли вдоль набережной, посидели на лавочке. Лейтенант купил мороженое для своей дамы. Потом они сели в трамвай и поехали в сторону новостройки, вышли на остановке около ресторана «Север» и двинулись к большому дому, огороженному высоким забором. День уже склонился к вечеру, солнце разлилось по горизонту малиновым заревом. Уже появились на востоке первые бледные звёздочки. Шехерезада попрощалась со своим спутником и исчезла за тесовыми воротами. Сегодня она договорилась переночевать у подружки Лены. Это был дом её родителей.

Однако лейтенант не торопился уходить. Стоя у забора, прислонившись к белым узорным воротам, он чего-то ожидал. Быстро темнело. Далеко на горизонте взошла огромная багровая луна. Шехерезада выглянула в окно, помахала ему рукой и показала жестом – иди домой!

А вот здесь, по улице Мухачёва они беззаботно гуляли вдоль тротуара, болтая и обнимаясь на ходу. Шехерезада остановилась, присела на скамейку, сняла ролики. Лейтенант примостился рядом. Они долго разговаривали, прижавшись плечом к плечу. Он достал из кармана книгу «Над пропастью во ржи», они читали её вместе, смеялись, опять обнимались, целовались. Общаться могли день и ночь - им это не надоедало. С вокзала они однажды уехали в Новосибирск. В крайнем купе сидели друг против друга вдвоём, ели мороженое и увлечённо болтали.

Лейтенант пересел на её сиденье. Они угнездились рядом, обнимались, целовались... Мимо мелькали лесополосы, сёла, станции, деревеньки... Дорога показалась им очень короткой. Они думали, что так будет всегда.

Разлука пришла после окончания десятого класса. Лейтенант поступил на учёбу в Красноярское высшее военное училище, а Шехерезада провалила экзамены в Красноярский университет. Родители настояли на её возвращении в Бийск.

Лейтенант и Шехерезада поклялись, что всё равно не расстанутся. Она приезжала в Красноярск, он - в Бийск на каникулы. В тот же год она поступила в Бийский пединститут. Конечно, они собирались пожениться. Быть вместе, совсем вместе им пришлось только один раз. Всего полдня настоящего сияющего счастья. Произошло это в их любимом городе Бийске. На следующий день лейтенант уехал сдавать выпускные экзамены. Больше им встретиться не довелось. Остался город с его улицами, набережной, мостом. Стоит большой дом с

тесовыми воротами, где жила подруга Лена. Вокзал всё также шумен и суетен, и поезда уходят в дальние края каждый день, оттолкнувшись от перрона, как корабли от пирса. Шехерезада бродит по улицам города... Но где же теперь лейтенант? В какие дали улетела душа его?

Только через неделю после приезда в Бийск решила Шехерезада пойти к жене лейтенанта, в тот дом, где жил он чужой, уготованной ему не Богом, а другим человеком жизнью.

Встреча

Шехерезада поднималась по ступеням той лестницы, по которой ходил он столько лет – один, без неё. Здесь был его дом. Его одного – без неё. Тысячи раз переступал он порог этой квартиры. А теперь Шехерезада стоит перед железной дверью, собираясь тоже войти сюда. Одна – без него.

Жена лейтенанта открыла дверь, молча отступила в коридор, пропуская гостью в дом. Шехерезада увидела на вешалке между другими вещами старый китель лейтенанта и быстро отвела глаза, боясь непрошенных слёз и преодолевая желание зарыться в этот китель лицом. В зале, куда она прошла, увидела маленький цветной глобус, стоящий на столе в углу. Это был его любимый предмет. В старших классах он подолгу рассказывал Шехерезаде о разных странах, показывая на глобусе те города, реки и пустыни, о которых шла речь. Под швейной машинкой стояли его туфли, на гвоздике за дверью виден был ремень с железной пряжкой. Казалось, сейчас откроется дверь второй комнаты, и он войдёт, улыбаясь, и скажет: «Где же ты была всё это время? Я так ждал тебя!»

И дверь, действительно, открылась. В зал выглянула девчушка лет двух. Она внимательно посмотрела на Шехерезаду, потом на мать, и снова – на Шехерезаду. Улыбнулась ещё сонной улыбкой. Да, это была его дочь. И улыбка тоже его.

-Поздоровайся с тётей, - сказала жена лейтенанта. Девчушка спокойно подошла к Шехерезаде, наклонила голову набок и произнесла: «Меня зовут Шахиня, а тебя как?»

-И меня так же, -ответила Шехерезада.

-Шахиня?– удивилась девчушка.

-Да, Шахиня. Мы с тобой тёзки.

-Мама, что такое «тёзки»?

-Это два человека с одинаковыми именами, понятно?

-Понятно, - задумчиво протянула Шахиня, подумала немного и снова спросила: -А почему?

-Потому что людей много, а имён мало. На всех разных имён не хватает.

И Шахиня отправилась по своим надобностям, стараясь по пути переварить полученную информацию. Жена лейтенанта и Шехерезада разговаривали весь вечер и почти всю ночь. Марина рассказала о том, как лейтенант выживал после ложного сообщения о замужестве Шехерезады, как сам напросился в Афганистан, о том, что срок службы продлили потом ещё на год, и он не протестовал. Как будто знал, что там суждено закончить ему свой земной путь.

Самое обидное - это то, что тремя днями раньше лейтенант мог уже улететь домой—срок службы закончился. Но злой Рок не отпустил своего пленника. Он позвонил Марине и сообщил, что задержится, но только на три дня. «До скорой встречи!»—это были его последние слова. А потом пришла страшная весть, и вслед за ней – «груз – 200».

Шехерезада слушала этот странный рассказ, и ей казалось - лейтенант пытается достучаться или докричаться до неё откуда-то из омота пространства.

-Он жив, - вдруг произнесла она, сама того не ожидая.

Жена лейтенанта помолчала, потом внимательно посмотрела на Шехерезаду и покачала головой:

-Я тоже так думала. Но теперь понимаю, что это бред. Идут день за днём – все похожи друг на друга и пусты. Эта пустота – смерть.

-Извини, - тихо сказала Шехерезада.– Я не хотела тебя расстроить.

Она ушла в утренние сумерки, тяжело неся в сердце этот самый «груз-200», ощущая себя неживой и страшной. И не нужной никому. Мир надежды, в котором они с лейтенантом бродили, обнявшись, по узким улочкам города, где цвели ранние астры и падали жёлтые листья, этот мир исчез. Он ушёл куда-то глубоко под землю, как подводная лодка в толщу вязких тёмных вод...

Она снова пережила, как наяву, то время, когда ждала и не дождалась приезда лейтенанта. Это было похоже на смерть, но всё-таки она всегда знала - он жив, значит, есть надежда. Удивительно, но она не испытывала ни злости, ни ненависти к Марине – ничего! А ведь она отобрала лейтенанта у Шехерезады, обманула его – и это было равносильно

убийству. Марина убила сразу двоих. Она пыталась построить свою жизнь с человеком, у которого сама же вынула душу. Разве такое возможно? Конечно, нет. Поэтому лейтенант оказался на войне и погиб. Но это была только смерть тела. Она неизбежно должна была наступить вслед за опустошением души. Марина отняла жизнь и у Шехерезады, а сегодня забрала последнюю надежду...

Живыми оставались только глаза и улыбка его дочери – маленькой Шахины, так похожей на отца и почему-то – на Шехерезаду. Каким-то непостижимым образом природа повторила образ его любимой женщины и соединила их в этом маленьком существе. Всё-таки соединила...

Часть четвёртая.

ПОЛЗКОМ НА ДАРВЕШАН.

Неисповедимы пути...

Лейтенант удалялся от родника, ощущая, как отрывает то ли от кожи, то ли от сердца, живой источник жизни. Теперь на его пути вряд ли встретится вода. Сколько сможет он протянуть? Дня три, пять? Знойное солнце съест его – высосет всю влагу из клеток. Успеет ли он за пять дней добраться не до города, но хотя бы до безопасного места, где бандиты уже не смогут открыто его преследовать.

Лейтенант полз, стараясь отключить боль, не ощущать изломанного, избитого тела. Кустарники непроходимыми колючими массивами вытянулись по дну ущелья, петля между огромных валунов и усыпанных щебнем осыпей. Он продвигался медленно и безнадежно – колючий наждак растений снова и снова сдирал кожу с рук, лица, рвал последние лоскуты одежды. Невообразимо долго пробирался он в узких перешейках между каменными нагромождениями. Когда солнце присело на краешек скал, готовясь спрятаться за их устрашающе острыми краями, лейтенант находился уже примерно километрах в трёх от родника.

Он приказал себе не думать о жажде, но сознание упорно возвращалось назад – туда, где мерцающей живой струйкой из каменной маленькой ладони гор выливалась вода. Лейтенант пытался представить себе Дарвешан, его узкие улочки с низкими домами, зияющими открытыми проёмами дверей, через которые видны чистые дворики, тандыры, скамеечки... Туда, и

только туда направлял он свою мысль, только этого города желал, словно божественного храма спасения. «Там и вода, и жизнь!» - твердил он себе.

Как всегда в горах, ночь упала быстро, словно обнажив небосвод. И на его девственно чёрном бархате вспыхнули огненные звёзды. Стало холодно. Лейтенанта знобило. И хотя он решил ползти и ночью, тело протестовало против движения, просило отдыха. Он закрыл глаза, прислонился щекой к неостывшему камню и мгновенно уснул.

Давно потерянный сознанием образ Шехерезады снова явился ему в виде сияющего Ангела, сидящего на куполе мечети в Дарвешане. Лейтенант пытался взлететь и добраться до Ангела, чтобы дотронуться до его крыльев. Он даже ощутил шёлк белой жемчужной поверхности правого крыла, которое ему удалось достать. Но лейтенант не смог долго удерживаться на уровне купола и стал падать, всё быстрее приближаясь к земле. Он зажмурил глаза, чтобы смягчить силу удара о каменную мостовую – ему казалось, что это поможет. И действительно, удара не было. Он опустился на мостовую целый и невредимый. Закинув голову, посмотрел вверх, ища глазами Ангела. Но купол мечети сиял золотом в лучах полдневного солнца, и было невозможно рассмотреть, есть ли кто там, на высоте...

Сколько продолжался сон, лейтенант сразу не сумел определить. Это могло быть как несколько часов, так и несколько минут. Вокруг по-прежнему колдовала глубокая южная ночь. По углу поворота созвездий он решил, что проспал примерно три часа. Пора было снова в путь, ведь он для лейтенанта, избитого, израненного, не имеющего запаса воды, потерявшего ногу, словно дорога до центра галактики – бесконечен и вечен...

Непрошенный гость

Первая попытка начать продвижение вперёд принесла такую мучительную, разрывающую всё тело боль, что потемнело в глазах, и лейтенант невольно застонал. Но, не обращая внимания ни на что, он пополз вперёд. И снова началась пытка – мириады игл кустарников, оберегающих ущелье от чужаков, впивались в кожу, сдирая едва-едва подсохшие струпья, снимая остатки кожи на руках. Лейтенант чувствовал, что слёзы сами собой текут из глаз, и он ничего не может с этим поделать.

-Дарвешан! – хрипел он, делая очередной рывок, - Дарвешан!

Это чужое слово, имя города, стало его заклинанием – талисманом, обещавшим жизнь. Лейтенант полз, плача от боли и жажды, ничего не слыша, кроме шипящего голоса колючих ветвей. Но вдруг, где-то на далёком, очень далёком плане, он услышал новые, чуждые шуршанию растений звуки.

Он остановился, прислушался. Кровь пульсировала в венах, тоже рождая звуковое эхо, подобное далёкому гулу. Но тот, услышанный им в пространстве звук, был не похож на голос крови. Звук напоминал рыдания или протяжную песню. Услышанный в очередной раз, он не оставил сомнений - это звучала песнь горного волка.

Животное находилось пока где-то очень далеко. Звуки позволяли определить, что волк движется верхом – по перевалу. Лейтенант замер, стараясь не производить даже малейшего шороха. Он знал, что слух волка идеален для охоты. Так же, как и его нюх. Вот с этим уже ничего не поделаешь. Содранная до мяса кожа - верная приманка для хищника. Остаётся только надеяться, что волк всё-таки не сможет на таком большом расстоянии уловить запах добычи.

Лейтенант пролежал без движения примерно полчаса. За это время ни разу до его слуха не донеслась протяжная дикая мелодия. Он решил, что волк ушёл на безопасное расстояние, и нужно во что бы то ни стало двигаться вперёд.

И снова пытка–мириады игл кустарников, сдирая едва-едва подсохшие струпья, снимая остатки кожи на руках, впивались в уши, в спину, в ноги... Лейтенант снова глотал солёные слёзы, не в силах остановить их. Он превратился в железный механизм, не чувствующий боли, не знающий усталости – продвижение вперёд, хоть на метр - но только в сторону Дарвешана, это стало его единственной задачей.

Он взбирался ползком на огромные валуны, перегораживающие ущелье, сдирая до мяса ногти. Потом сползал с них с другой стороны, пятась задом как большой раненый краб. Одежда его превратилась в чёрные лохмотья. Такими же чёрными были руки и лицо - пыль толстым слоем налипла на ободранную кожу. Наконец, вдруг разом обессилев, он остановился. Время клонилось к вечеру. Солнце висело уже низко на западе, готовое вот-вот упасть за каменный занавес гор. Лейтенант понял, что без отдыха не сможет дальше двигаться. Он как бы смирился с этим, хотя сознание упорно

посылало вперёд. Он понимал, что любая остановка работает против него. Жажда, раны и нечеловеческое напряжение убивают быстро. А где-то ещё рыщет горный волк и, скорее всего, не один. Но глаза закрылись сами собой, и лейтенант провалился в сон, на этот раз – словно упал в небытие, в какое-то глубокое и гулкое пространство, похожее то ли на смерть, то ли на реку забвения.

Он спал, привалившись к серому камню, укрытый колючей стеной полусухих кустарников; спал, не смотря на то, что тело его стало похоже на кровавый комок, усыпанный пылью, укрытый чёрными лохмотьями. Не чувствуя боли, не испытывая страха или отчаяния, он спал на дне дикого непроходимого ущелья, которое стало единственным убежищем для него на земле, пока жив, пока дышит, пока может думать...

Пробуждение

Разбудило его солнце, первым скользящим лучом дотронувшись до струпов на щеке. И это невесомое прикосновение отозвалось болью – так реагировал на любое воздействие измученный организм. Сознание лейтенанта не хотело признавать, что эта маленькая живая точка на теле каменных нагромождений, словно попавшая в капкан мышь – это он сам. Дорога на Дарвешан через непроходимые дебри ущелья вдруг ясно представилась ему чередой бесконечных пыток, которые не могут закончиться ни чем иным, кроме гибели.

Тихий вой удивил и испугал его, но секунду спустя он понял, что это его собственный стон. Лейтенант знал, что не имеет права расслабляться, бояться или сомневаться, иначе...

Он рванулся, упал на каменную россыпь и пополз вперёд. Снова вперёд – на Дарвешан. Он–робот! Он–механизм, подобный луноходу. Его задача – пройти через любые преграды! Этот мысленный тренинг, перевоплощение в механизм, действительно, помогало – уходила боль, он забывал о жажде. Но стоило только на минуту стать человеком, как наплывали волны почти осязаемого бреда – лейтенанту казалось, что совсем рядом, за очередным валуном журчит ручей.

Он лихорадочно прорывался через сонмы игл, срывавших с него остатки лохмотьев и кожи, туда, где должен быть родник, но только безжалостные колючие дебри и

раскалённые солнцем камни встречали его. Воды не было и не могло быть.

К полудню он вдруг потерял сознание, хотя собрав все силы, мыслимые и немыслимые, давно запретил себе впадать в беспамятство. Обморок продолжался недолго, но лейтенант понял, что ресурсы организма кончаются. Скоро он не сможет двигаться вообще.

Разговор с волком

Забравшись в короткую тень, лениво лежащую под валуном с северной стороны, лейтенант решил отдохнуть несколько минут. Раскалённое солнце медленно и верно делало своё дело - вода неумолимо уходила из клеток. Становилось всё тяжелее дышать. Лейтенант закрыл глаза—малиновое марево качалось перед его взором, явственно закручиваясь в огненную воронку.

Прошла минута или две. Лейтенант приоткрыл правый глаз, готовясь мысленно к продолжению пути. Напротив него в густых зарослях колючих кустарников стоял большой седой волк. Лейтенант, не шевелясь, оглядел боковым зрением пространство, убедился, что волков больше нет. Значит, это старик- одиночка. Наверняка голодный. Два существа смотрели друг на друга. Прозрачные умные, полные дикой силы глаза зверя, не мигая уставились в измученные глаза человека. Лейтенант знал, что ему нельзя отводить взгляда. Это может спровоцировать прыжок волка, который расценит такое поведение человека как отступление, признание силы противника и сигнал к нападению.

Через минуту волк отвернулся и, отойдя несколько назад, лёг на землю. Лейтенант понял, что он в осаде. Ничего другого теперь не оставалось, как ждать. Сколько продлится это противостояние, неизвестно. Всё зависит от случая. Если что-то или кто-то, например другой зверь, привлечёт внимание волка, он может и уйти. Но терпение зверей сродни терпению человека, и волк может сторожить свою жертву до тех пор, пока не поймёт, что пора нападать.

Лейтенант решил попробовать прогнать своего непрошеного сторожа. Он дотянулся правой рукой до куска щебня, поднял его и бросил в сторону волка.

-Уходи! – прохрипел лейтенант.

Но волк даже не шелохнулся. Ни брошенный камень, который упал с недолётом, ни хрип человека его не испугали. Он был уверен в своей безопасности и не нападал только потому, что пока не оценил до конца силы своей жертвы. Но ему понадобится немного времени, чтобы понять это.

Лейтенант попытался отползти от камня и немного продвинуться вперёд. Он хотел увидеть реакцию волка. Может быть, зверь не рискнёт нападать, и тогда можно будет продолжить путь. Пускай, оглядываясь, постоянно настороже, но всё-таки двигаться.

Волк, казалось, никак не отреагировал на манёвры лейтенанта, поэтому тот позволил себе увеличить скорость, если так можно было назвать его черепаший усилие. Он полз, удаляясь от зверя, как будто чувствуя спиной его гипнотический взгляд. Продвинувшись метров на пятьдесят, лейтенант с левой стороны в кустарниках обнаружил спокойно лежащего старого знакомого.

-Чёрт с тобой! – выдохнул лейтенант. – Но если ты хочешь жить, то не советую на меня нападать – я перегрызу тебе горло. Пускай и ты сделаешь то же самое, но пойми – тебе лучше остаться целым и невредимым. Иди лови косулю. Она тебя не тронет. А я – не твой! Ты усвой это!

Волк слушал хриплые звуки речи, и казалось, он понимает всё. Лейтенант двинулся дальше. Волк снова остался лежать на месте. Это было похоже на игру в кошки-мышки. И опять через пятьдесят метров лейтенант увидел серого в кустарниках с левой стороны. Он спокойно лежал, как будто всегда был здесь.

-Старый козёл! Нашёл с кем играть! Я тебе ещё раз говорю – уходи подобру-поздорову! - спокойно сказал лейтенант и двинулся дальше.

Он полз, теперь уже не обращая внимания на волка – похоже тот пока настроен на изучение обстановки. Надо пользоваться этим. К вечеру лейтенант устал так, что продвижение дальше стало просто невозможным. Нужно было отдохнуть и поспать. Но как спать, если рядом зверь. А волк, не меняя тактики, следовал за лейтенантом по пятам. Он явно ждал удобного момента.

-Слушай, серый, оставь свои игрушки. У меня дома маленькая дочь, она ждёт отца. Знаешь, что это такое? Ты знаешь, а вот я ещё и не понял. А ещё там, далеко, на берегу большого озера живёт красивая женщина. Ты и не видел

таких. Твои волчицы ей в подмётки не годятся... Так что тебе здесь делать нечего. Иди прочь, найди косулю или какого-нибудь барсука.

Зверь слушал хрипкое человечесьё бормотание и понимал, что сил у его живой добычи остаётся меньше и меньше. Но почему-то ему, старому охотнику, становилось с каждой минутой всё скучнее. Он любил запах крови, но этот человек не возбуждал в нём желания убить его. От измученного существа не исходили волны агрессии или страха, от которых у волка вставала дыбом шерсть на загривке.

Каким-то странным инстинктом зверь понимал, что этому человеку н е л ь з я умереть.

ПРОСТРАНСТВО ЗЛА

У меня две жизни. Они параллельны, как параллельные миры - проникая друг в друга, нигде не соприкасаются. Для меня обе эти жизни - реальность. Одна из них - земная, видимая всем. Другая известна лишь мне. В ней я свободна во времени, пространстве, чувствах, мыслях.

Жизнь Земная

1.

В глубинах зеркала темно. Они уводят вдаль и не имеют конца. В их бесконечности странно видеть это лицо - асимметричное, незнакомое. На первый взгляд приятное, но если придвинуться ближе... Возникает некий голографический эффект – лицо теряет свои привлекательные черты. Долгое время я думала, что это качество только моё. Это было моей трагедией. Я всегда занижала себе оценку. Сколько существует людей, делающих обратное...

Подсознательно никогда не ставила себя рядом с красивыми самоуверенными мужчинами. И вот я - жена, как это называется, «простого работяги». При начальном знакомстве оценила этого работягу значительно выше себя. Я боготворила найденный мной алмаз, верила ему, как себе. Моё образование, мои способности - всё это казалось таким незначительным по сравнению с ним. Он знает жизнь, он мудр и прост.

Дальний путь ждёт меня, но я не вижу этого, и поэтому счастлива. Я - слепа, и долго-долго не прозрею!

2.

У нас нет ничего - ни дома, ни мебели, ни денег. Нет даже комнаты в общежитии, но я об этом не помню, знаю только, что у меня есть Свет. Бегаю по магазинам, покупаю, что могу, и жду, когда появится на женской половине общежития моё солнце.

Он появляется, но всегда очень поздно. Мне кажется, что у него важные дела. И хотя он часто навеселе, я

утешаю себя тем, что это необходимо для решения наших общих вопросов - жильё, мебель, всякое другое.

Всему я нахожу оправдание. Вот будет у нас комната, всё уладится, и тогда начнётся настоящая жизнь.

3.

Я сегодня счастлива как никогда. Мы переехали в свою комнату - маленький кубик в большом муравейнике. Три с половиной на три с половиной метра, но мне эта комната кажется дворцом. Нам даже выдали мебель - железную кровать, стол и два стула. Мне кажется, что начинается настоящая семейная жизнь.

Но моё солнце, получив мебель, уходит. Ему некогда. У него как всегда важные дела. В одиночестве складываю книги стопками на стол, расставляю посуду. Я так рада нашему дому. Но в сердце закрадывается сомнение - почему же у моего сокровища нашлись более важные дела? Неужели есть что-то более важное?

Может быть, ему скучно со мной? Конечно, это я виновата. Надо что-то придумать - взять телевизор на прокат. Эта великая мысль придаёт мне сил.

Моё сокровище не появился в этот вечер - важные дела не позволили ему. А я всё ругала себя за то, что мало уделяю ему внимания, мало думаю о нём.

4.

Я взяла телевизор на прокат, с каждой полочки покупаю что-либо необходимое. Мой обожаемый, моя драгоценность не помогает мне. Ему некогда. Денег он тоже не может дать. У него, оказывается много долгов. Я утешаю себя тем, что когда он выплатит все долги, тогда уже будет помогать мне.

Часто к нам приходят люди, которым мой обожаемый должен какие-то суммы. Я отдаю им свои деньги, потому что его почти всегда нет дома. Мне даже в голову не приходит отказаться от этих долгов, ведь мы - одна семья.

5.

Мне выдали крупную сумму, потому что я - будущая мама. Теперь я смогу купить всё необходимое для ребёнка.

Первой покупкой была детская коляска. Я была так счастлива, когда подкатила её к дому.

Постепенно купила всё необходимое. Не было в продаже только кровати. Мой обожаемый заинтересовался этим вопросом, предложил достать через знакомых - взял деньги и уехал. Наконец-то, думала я, он что-то начинает понимать, ведь скоро ему придётся стать отцом.

До поздней ночи ждала я своё сокровище, прислушивалась к каждому звуку в коридоре. Заглянула в кошелёк - он взял все мои деньги. Обнаружив это, я долго и горько плакала. В первый раз за всё время всплыла страшная мысль: «За что? Что я ему сделала?» Ещё я плакала о том, как будет жить без кровати мой сыночек – я всегда знала, что будет сын. И только потом, потом спросила себя - как же теперь буду жить я, ведь деньги были получены сразу за два месяца.

Я не подумала о том, как мне вообще жить рядом с таким человеком. Эта окончательная мысль придёт в мою голову только через годы и годы.

6.

Потом, спустя много лет, я думала, почему же вела себя так глупо, почему доверяла человеку, которому нельзя было верить. Так заставлял меня поступать мой жизненный опыт - меня почти никогда не обманывали, если не считать одной цыганки-гадалки.

Я не сталкивалась с людьми, подобными моему мужу, и долго не могла поверить, что так можно вести себя в семье. Мои родители верили друг другу, учили нас никогда не врать. Других отношений я просто не знала.

7.

Не хочется вспоминать роддом - грубые нянечки, грубые врачи, горсти каких-то таблеток. Молоденький медбрат, который с тупым лицом наблюдал роды, постоянная боль - мне наложили двенадцать швов. Самое страшное, что всё время казалось - мой сын плачет в детской.

Наконец, этот ад кончается, меня выписывают вместе с сыном. Наш папа приезжает за нами на такси с букетом цветов.

Когда мы входим в дом, я вижу, что всё заросло грязью - папочка здесь не жил. Он говорит, что не успел

помыть пол - было много дел, очень важных дел. Да и сейчас он тоже занят, ему нужно уйти. Он с любопытством рассматривает сына, но, видимо, разочаровывается в нём, не найдя ничего красивого в этом маленьком существе, и удаляется по своим важным делам.

Я мою пол со всеми моими двенадцатью швами - болит всё тело, кружится голова. Через каждые пять минут ложусь, чтобы набраться сил. Слезы сами собой льются из глаз. Нервы совсем сдали - слишком много сил потеряно в роддоме. Из-за этого молоко не держится в груди, оно вытекает, и моему сыночку скоро не будет хватать питания.

Кто же будет ходить по магазинам, покупать всё необходимое? Ясно, что папа не будет этого делать. Но я ошиблась - папа охотно ходил по магазинам и так же охотно выгребал все деньги из моего кошелька - ничуть не заботился о том, чем завтра буду питаться я, кормящая мама, и его сын. Он делал это с невинным лицом и при этом успокаивал меня, что всё будет хорошо.

8.

Приехала моя мама, привезла деньги на шкаф для детского белья - просила, чтобы эту покупку сделала я сама. Но мне всё ещё было так плохо - постоянно кружилась голова. Всё-таки попросила съездить в магазин нашего папочку. Он охотно согласился, взял деньги и уехал. Его не было до самого вечера, не появился он и ночью, и на следующий день тоже. Я поняла, что его не будет долго. Я сидела на кухне и плакала. Мне казалось, что всё рухнуло, под ногами - бездна. Я начала понимать, что моё сокровище, наш папа - просто алкоголик. Все его важные дела - это бесконечные пьянки.

Если бы я тогда отделилась от него, ушла - это было бы счастьем. Но я не понимала этого. Просто стала оценивать его как больного, который не управляет своими поступками. Это было для меня ещё хуже, чем прежде обожествление. К моей любви добавилась жалость. Теперь я уже не в силах оттолкнуть его и готова бороться за него с ним самим.

9.

Наш папа появился только через месяц - грязный, пьяный, страшный, уже с откровенным лицом алкаша.

Я приказала ему помыться, побриться, переодеться, привести себя в нормальный вид. Он подошёл к сыну и удивился, что тот сильно вырос за время папочкиного отсутствия. Милый мой! Сколько раз ты будешь ещё этому удивляться!

Лечиться он не соглашался, считая себя абсолютно здоровым, умным, красивым и т.д. Согласился лишь тогда, когда его в очередной раз побили за долги, и он попал в больницу. Конечно, всё это было так больно, так страшно, но я не знала, что папочка - это ещё не горе. Горе ждало впереди.

10.

В октябре начались холодные дожди. Сырость, туман. Стало трудно купать сына - делать это приходилось всё в той же комнате – на малюсеньком пяточке. Комната наполнялась паром, всё отсыревало. Проветривать было опасно – в форточку дул ледяной ветер, пронизывая всё до самой двери.

Поэтому вскоре случилось то, что не могло не случиться. Ночью сын закашлял - сначала слабо, потом всё сильнее. Я встала, взяла его на руки. Он был горячий как печка. Ужас неизвестности глянул на меня блестящими от жара глазами. Сердце моё оборвалось. Сразу отяжелели и как бы отнялись ноги. Что делать? У кого просить помощи?

Я выбежала в коридор, держа сына на руках, метнулась налево, направо. Постучала в дверь соседки - самой старшей из нас - Доры. Она сказала: «Пошли в комнату, измерим температуру.» Оказалось - тридцать восемь. Дора осталась с сыном, а я побежала вызывать «скорую».

Как долго ждала я врача - целую вечность. Всё это время как бы не жила - всё замерло во мне. Видела только лицо сына, слышала его кашель, дыхание.

Я ничего не знала тогда о болезнях, почти ничего - о лечении. Потом, через десять лет, мне стало известно, что лекарства, которыми лечили сына, разрушают иммунную систему, и организм остаётся открытым для всякой инфекции. Но я в то время слушалась врачей, и это было ошибкой, за которую потом расплачивался мой сын. И я тоже.

11.

Сыну не становилось лучше. Кашель усилился, приобрёл какое-то страшное звучание. Я была в отчаянии. Каждый раз, когда сын кашлял, сердце моё разрывалось на куски.

Через неделю ночью он захрипел, его вырвало... Я снова будила Дору, бегала за «скорой», ждала её в какой-то судороге - сын такой маленький, если слизь на минуту перекроет дыхательные пути... Казалось, вокруг нашей комнаты летает призрак смерти.

Так мы с моим мальчиком попали в больницу.

В больничной палате обитало восемь человек – четверо взрослых и четверо больных детей. Все стирали пелёнки, сушили их тут же на батарее. Воздух в этом медицинском учреждении был ещё хуже, чем в общежитии, где мы жили. Но самое страшное, что сыну не становилось лучше от лечения. А через неделю наступило ухудшение. Возможно, что это произошло от плохой больничной пищи, которую он почти не ел. Ещё через три дня снова поднялась температура. Сын плакал уже около суток. Был поставлен диагноз - дизентерия. Откуда же она взялась, если я мыла руки по сто раз в день. Прежде, чем дотронуться до ребёнка, я мыла руки с мылом по два раза. Откуда же инфекция? Мне, наивной, и в голову не пришло, что инфекция могла попасть с больничной пищей. Я тогда думала, что это не возможно.

12.

События, которые происходили в этом забытом Богом бараке, не обнадеживали нас. Вот в угол палаты поставили девятую кровать. Новая обитательница оказалась молодой мамой, было ей лет восемнадцать. Во время обхода мы увидели вместо ребёнка живой скелетик, который цеплялся за жизнь единственным, чем ещё мог - криком. Кричал громко, как это делают здоровые дети. Рекомендации были те же... Молодая мама сутки поила ребёнка водой, а потом бросила. Она, окаменев, сидела около кровати, не проявляя никакого интереса ни к чему. Через три дня ребёнок умер.

Чёрное крыло смерти накрыло нашу палату. Долго эта чёрная тень висела над пустой девятой кроватью.

Рядом с нашей палатой лежали дети без матерей. Исполнилось ребёнку полтора года - маму уже не пустят в больницу. Некоторые дети в этой палате не переставали плакать неделю, две. Мамы лишь украдкой смотрели на своих детишек в окно, ведь увидев маму, ребёнок начинал плакать с новой силой.

Встречи этих детишек с мамой и папой, когда их выписывали, невозможно передать словами. Дети, ещё не осознавшие себя до конца, оторванные от родителей, через неделю-другую теряли надежду увидеть маму когда-либо. В их лице появлялась отчуждённость и безнадёжность, как у детдомовских детей. Они понимали, что теперь у них нет защиты, что они среди чужих. Дети выросли на глазах, становились серьёзными как старички.

И вдруг через огромный жуткий срок, наполненный болезнью, болью уколов, горечью таблеток, страхом - вдруг этот ребёнок видит маму, почти забытую, потерянную навсегда - так чувствовал каждый из этих детей. Истерика, судорожный крик, слёзы. Детские руки, которыми ребёнок цеплялся за маму, невозможно было оторвать, чтобы надеть пальто.

Дети из детдомов и совсем маленькие из дома ребёнка тоже поступали в эту палату. Они не плакали. Тем, которые уже ходили самостоятельно, умели говорить, нравилось в больнице. Я узнала это от Дениса - красивого мальчика трёх лет. Денис всем охотно улыбался, ходил по пятам за теми, кто с ним заговаривал. Нянечку, которая меняла бельё, выносила горшки из этой палаты, он просто любил, обожал её, хотя всё внимание, которое она оказывала Денису, заключалось в одном – во время переодевания няня разговаривала с ним. Больше на разговоры времени не было.

Денис рассказал мне, что мама и папа у него есть, но они отказались от сына. “Мама с папой пьют”, - сказал Денис совсем как взрослый. Он объяснил мне, что дома у них ничего нет, только голые стены. Мама и папа подолгу не бывают дома, поэтому Дениса отдали в детдом. Но в

детдоме ему не нравится, потому что там все бьют его - и воспитатели, и дети. А вот в больнице хорошо - никто не бьёт Дениса, не отбирает пищу, разговаривают с ним. Как же мало надо ребёнку, брошенному на произвол судьбы, чтобы почувствовать себя счастливым.

Он был доволен, красивый мальчик Денис, находясь в тифозном бараке, где воздух пропитан инфекцией, где в коридоре стоят баки, наполненные грязными пелёнками, где дети плачут день и ночь, Денис был счастлив, потому что никто не бьёт его и не отнимает пищу.

15.

В детской палате появилась новая пациентка. Это девочка, которую принесла старая цыганка. Старуха громко вопила, причитала, но за этим криком не слышалось горя. Это был механический шум. Что-то странное чудилось в этой сцене.

-Как же я отдам тебя! Здесь все чужие! Кровиночка моя! - вопила старуха, но её чёрные глаза успевали встретиться со всеми взглядами, устремлёнными на неё из дверей палат.

Как только девочку взяла на руки няня и понесла в палату, старуха тут же шмыгнула за дверь. Врач долго не могла поставить диагноза. Лишь рентгеновский снимок показал, что у ребёнка смещены рёбра. Девочка, когда её принесли, дышала с трудом, у неё была температура. Через сутки рёбра выправились, температура упала, скоро девочка стала здоровой. Она ни разу не заплакала за всё это время, даже когда ей ставили уколы.

Сердобольная старушка не пришла за своей «кровоночкой». Всё время, пока мы находились в больнице, девочка жила в детской палате, никто не разу не навестил её. Няня сказала - это обычный случай - цыгане так часто бросают детей. И это правда - в отличие от сказки, что у цыган чужих детей не бывает.

16.

У девочки, которая лежала на соседней кровати, ухудшилось состояние. Это утверждала мама. Уже в который раз говорила она об этом врачу.

- Я не нахожу, что ваши дела так плохи, - говорила врач.

Мама просила прослушать ребёнка, врач слушала, пожимала плечами.

- Никаких хрипов, всё хорошо. Чаще поите её водой.

Но мать не успокоилась, она что-то чувствовала, просила назначить рентген. Врач сказала, что не видит необходимости. Я видела отчаяние мамы, она почернела, не могла есть и спать.

Тяжело было смотреть, как она дрожащими руками поит и поит свою дочку, уговаривая её выпить ещё ложечку, словно вода, действительно, даст чудесное исцеление.

Прошло несколько дней. Я проснулась от громкого крика. Это был звериный рёв. Девочка, та самая девочка, у которой врач не находила ухудшения, умерла ночью. Кричала мать. Склонившись над дочерью, она рычала, кусая губы, размазывая кровь по лицу. Она не плакала. Глаза её были безумны.

Я неосознанно взяла сына на руки и вышла в коридор. Меня шатало во все стороны, страх железными тисками сжал сердце.

- Господи, что делать, скажи мне? - шептала я.

Смерть, чёрная, ледяная заглядывала в окна тифозного барака, стоявшего под Китай-горой.

Через год после этого я встретила на улице мать умершей девочки. Она рассказала, что при вскрытии выяснилось – одно лёгкое у девочки было целиком залито гноем.

17.

Сыну уже были проведены три курса лечения с перерывами на 3-4 дня. Кололи разные антибиотики. Я насчитала уже более двухсот уколов, но анализы упорно показывали, что сын болен. Он в последнее время стал резко слабеть - перестал есть, двигаться, не открывал глаз. У него от постоянной боли спрятались все вены на руках и ногах. Сёстры уже не могли попасть в них иглой.

Когда ко мне приезжала мама и мы разговаривали через форточку в туалете, я уже не скрывала своего отчаяния, не могла казаться бодрой, чтобы не пугать её.

В последний раз мама приехала, когда моего сыночка положили под капельницу. Он лежал совершенно белый. Синие тени под глазами, опущенные уголки губ. Я, сидя около него, увидев маму, заплакала.

18.

Стоя под дверью процедурной палаты, я услышала разговор сестры и нянечки, которая ей помогала. Они говорили о том, что врач назначила моему сыну лекарство, которое уже запрещено к употреблению.

Когда сестра вынесла мне сына, я сползала по стенке на пол - последние силы оставили меня.

- Беги отсюда. Тебе больше нельзя здесь оставаться, - услышала я словно сквозь вату шёпот сестры.

Вечером мы с помощью мамы сели в такси и самовольно оставили больницу.

19.

Милый мой сыночек! Не иначе как Бог помог нам. Ещё два-три дня в больнице, и у меня не было бы сына. Ты бы умер в этом деревянном бараче, где за окнами всё время пряталась смерть.

Как потом стало ясно, сын перестал двигаться, не открывал глаз от постоянной боли, огромного количества лекарств и голода - больничная пища не питала детский организм. В ней не было всего того, что необходимо ребёнку. Мясо, которое там давали, мог прожевать лишь голодный бродяга с волчьими зубами, но никак не восьмимесячный ребёнок.

Через два дня кормления крутым бульоном с протёртым мясом мой сын ожил, открыл глаза, улыбнулся. Никакого поноса у него не осталось и в помине. Просто ребёнку не хватало нормальной калорийной пищи.

В свои восемь месяцев он съедал по большой тарелке супа и просил ещё. Он так изголодался в больнице, что готов был есть каждую минуту. Целый месяц он ел и ел - ничего больше. Верхний слой кожи сошёл с него, как с ящерицы.

20.

Нищета наступала. Становилось всё труднее жить почти без денег. Нужно было идти на работу. С кем оставлять сына? В садик ему ещё рано, в яслях нет мест. Но жить дальше без денег нельзя – сына нужно кормить, одевать, обувать. Он быстро растёт. На папу надежды нет. От него я так и не получила за всё это время ни копейки.

Когда в очередной раз приехала мама, мы решили, что выход у нас один - моего сыночка на время заберут дед и бабушка. Я выйду на работу, добьюсь для него места в яслях.

Мы собрались и отправились на вокзал. Мой сыночек побывает в доме дедушки и бабушки, в моём родном доме, где я выросла, в моей родной деревушке, которую я любила так же, как и своих родителей.

Когда мы приехали и пошли в первый раз гулять, сын очень удивлялся всему - курам, важно гуляющим по двору, собаке, кошке, деревьям - старым огромным вётам на берегу. Был месяц май, ярко светило солнце, шумела река. Мы оказались в раю.

Но скоро мой сын остался в этом раю с дедушкой и бабушкой - мне пришлось уехать, нужно было зарабатывать на жизнь.

Сын плакал, когда я пошла за ворота, моё сердце рвалось на куски. Впервые я расставалась с сыном. Это было почти невозможно - меня как будто разрезали на две части - одна принадлежала сыну, другая уходила от него всё дальше и дальше.

21.

Выйдя на работу, я решила всерьёз заняться нашим папочкой. Напомнила ему, что он собирался лечиться. Он не отказывался от своих слов, но просил немного подождать - у него осталось одно важное дело, которое ему нужно закончить. Хотя я уже не верила важности его дел, всё-таки согласилась. Придя с работы, я напрасно прождала папочку весь вечер - домой он не явился. Отдёрнув штору на книжной полке, я обнаружила пропажу почти всех книг, которые покупала постепенно вот уже в течение пяти лет, часто - на последние деньги.

Мне стало плохо, подкосились ноги. Так вот оно, то важное дело, о котором он говорил. Книги, моё

единственное имущество, которое очень бы пригодилось сыну, когда он пойдёт в школу. Исчезло всё - около сотни книг. Я сидела в пустой комнате словно в столбняке.

Папочка явился домой через три недели и сказал, что готов идти к врачу. Почему я не выгнала его в тот момент, не развелась с ним? Я надеялась на лечение, верила, что наш папа станет другим человеком.

22.

Прошёл месяц после лечения, и папочка снова вечером не явился домой. Пришёл на следующий день - мятый, грязный, с похмелья. Я снова повела его к врачу, и снова всё повторилось. Наконец, наш папа был помещён в ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий – так называлось это заведение, где и врачи были алкаголиками. Но я этого не знала и вела туда папочку в надежде на чудо.

Я надеялась, что он после лечения продержится хотя бы полгода, но его хватило только на месяц. То, что было потом, страшно даже вспоминать. Он потащил из дома всё, что попадало под руку. Вещи, которые я покупала с таким трудом, исчезали одна за другой. Он снова продал все книги. Самая страшная потеря - четыре тома словаря Даля, особая книга – в ней каким-то образом заключена великая энергия жизни. Я очень любила читать её поздно вечерами. Слова русской речи в славянском написании - какая музыка! И вот её нет. Я болею этой книгой до сих пор, словно у меня отсекли руку.

23.

Развод - я думала, что это можно сделать быстро. Какая наивность! Папочка к моему удивлению заявил, что куда уходить не собирается - ему причитается жилплощадь, словно не понимал, что нашу однокомнатную «хрущобу» никогда не разменять. Я с сожалением смотрела на это существо, не имеющее жалости к себе, к своему сыну, ко мне.

Расставание затянулось на годы. Папочка и не жил в нашей квартире, как и прежде, но регулярно появлялся, чтобы что-то выпросить, украсть, просто взять – по его понятиям.

Когда сын пошёл уже в пятый класс, лишь тогда папочка сделал нам подарок - выписался из нашей

квартиры. Но свои имущественные набеги, то есть просто кражи, не оставил и по сей день.

24.

Жизнь земную, эту страшную бессмысленную суету, в которую меня как бы бросила чья-то железная рука, не оставив выбора, эту жизнь я не могу считать настоящей - это не жизнь вообще.

Настоящее я всё время искала, рвалась к нему, пытаюсь взлететь, пробиться к Духу (к Богу). Иногда, очень редко, это удавалось. Я чувствовала Бога, видела куски яркой жизни. В ней было и Добро, и Зло, но это иное Добро, иное Зло - великие величины.

Попытаюсь бледными земными словами рассказать об этом. Может быть, это не удастся. Трудно передать краски и чувства непередаваемого.

Жизнь в Духе

Полёт в астральном теле

1.

Когда мрак наступает, сгущаясь в ночь, и воет ветер, словно перед бурей, тяжёлое тревожное чувство раздирающее на куски, переполняет Душу так, что кажется - ещё секунда, и либо мир перевернётся, либо исчезну я, либо свет ослепительной истины полыхнёт в глаза. Каждое мгновение ощущается как преддверие какой-то невероятной перемены. Сонмы былых мгновений наплывают со всех сторон, словно всё прошлое Земли хлынуло в ту точку пространства, где съжившись не то от страха, не то от радости, светится живым комочком моя Душа. Вот уже все прошлые мгновения Земли окружают Её, они уже внутри - и Она знает то, что было в немыслимой глубине времён. Одна за другой отрывочные яркие картины мелькают перед Её взором.

Какая-то сила поднимает Её против воли к небу, тащит в седое облако, и Она растворяется в нём, оказавшись вдруг в некоем гулком пространстве, скорее - в Колодце времени. Чей-то голос или звон музыкального инструмента сопровождает полёт в колодце.

Каждый звук, отражаясь от невидимых стен, тысячекратно отражается в сознании. Тело, которое цеплялось за летящую Душу, становится огромным и тяжёлым, и в то же время - исчезает.

Полёт неожиданно заканчивается. Душа попадает в светящееся лёгкое пространство, где время течёт произвольно, а не последовательно, где моя Душа имеет множество обликов, имён, где она свободна, может в одно и то же мгновение находиться в разных точках времени и пространства.

2.

Сегодня Душа моя по имени Мария летает в удивительной стране. Весь год там светит солнце. Оно сверкает и тогда, когда на небе тучи. Лес олеандров шелестит на склонах гор, и кактусы горбатые, кривые среди равнин песчаных обитают. Там по желанью может хлынуть ливень, или пустыня волнами барханов вдруг заструится, словно океан. Через минуту поле красных маков волнуется от ветра. То ромашки белые смеются, то снегом пахнет, то весною, или летучий жёлтый лист вдруг закружится в воздухе осеннем. Всё это в полнозвучной тишине или под звуки музыки далёкой. Здесь времени отпущено на всё. Душа моя в стране Покоя. Душа моя – Творец и Господин. Она едина с этим миром, где всё живое полнится Любовью и движимо лишь ей. Тут нет различий, кто ты - человек, растение, животное или камень. Тут всё и вся – лишь облики Любви. Полёт свободен и прекрасен, и длится долго - несколько веков.

3.

Моя Душа без имени. Она попала в Царство Чёрных Сил. Там солнце огромное багровое быстро скользило вниз, заливая небо алым пламенем. Сумерки чётко обрисовали цепь гор на горизонте. Корявые руки деревьев превратились в чёрные силуэты. Мохнатая необъятная ночь упала быстро и охватила всё бархатными лапами. В этой крошечной тьме моя Безымянная ищет Главное Здание, где, может быть, из окна увидит Чёрную Звезду.

А вот и проводник – это юноша с бледным светящимся лицом. Он открывает тяжёлую дверь и

приглашает войти. Они карабкаются вверх - на чердак. Здесь мрачно всё, безмолвно. Сплетение балок образует узорчатую решётку. Вон проводник у чёрного окна. Он говорит: «Ты хотела увидеть Чёрную Звезду, поэтому должна погибнуть».

Кто-то упругий и неуловимый охватывает Безымянную сзади и тотчас отпускает. Бежит моя Душа сквозь баррикады балок, торопясь, дрожа. Как будто свет мелькает впереди, но тьма и ужас следуют по пятам. И вдруг - обрыв.

Душа падает стремительно и безнадежно. Вот Она видит месяц тонкий, чуть заметный Он висит над самой высокой горой. Глядя на него, Душа вспоминает, что может летать, и летит. Переплетения колючих проводов мешают Ей, ловят в свою металлическую паутину. Душа устала и летит совсем низко над землёй, впереди река – не хватит сил перелететь её. Река ревет, затягивает в пучину, хватается струистыми руками. Зелёные мощные потоки тянут Безымянную в бездну, но тут чья-то рука подталкивает Её и вытаскивает на мост.

Чья-то Душа без глаз, без определённых черт, помогла Ей. И тотчас на сером пятне лица вспыхнули огромные синие лучистые глаза. «Так вот как из Мрака рождаются Души,» - подумала Безымянная и улыбнулась. В этот момент у меня родился сын.

4.

Сегодня имя мне Елена. Я плутаю в тёмном дремучем лесу. Огромные хлопья снега летят с высоты. Как быстро холодает. Сквозь белый сон снегопада вижу избушку - я знала, что найду её, ведь скоро Новый год.

В избушке тепло, топится печь. Тишина удивительная, только дрова в топке потрескивают. Я жду хозяина, но вдруг слышу престранный разговор, вернее, даже монолог.

-Вам не приходило в голову, - прозвучал голос как будто из-под дивана, что в печке за заслонкой, а также в буфете за тарелками и стаканами, очень уютно? Там тихо всегда, никто не суетится. Сядешь где-нибудь в уголке на корточки, и так приятно, что никто не знает, где ты. Никто не говорит тебе надоедливых слов. Ты можешь думать обо всём, о чём только ни пожелаешь. Или также в печке. Сиди себе в полумраке и размышляй о жизни.

Люди снаружи ходят, что-то делают. А спроси их, что и зачем, они удивятся, и, пожалуй, не скажут. Не потому, что не хотят, а потому, что не знают. Тепло, хорошо здесь, в печи за заслонкой. Тихо так! Муха пролетит, так словно самолёт реактивный в этаккой тиши. Самая прелесть такого существования заключается именно в том, что никто не знает, что ты есть. Но что будет, если кто-нибудь вдруг узнает об этом? Тут может быть лишь два выхода.

Первый - стусеваться, перебраться в новый уголок и продолжать размышлять о жизни. Но тут есть новая опасность, вернее, не новая, а та же самая старая – вас могут обнаружить и здесь. С каждым таким случаем вы всё более и более будете терять спокойствие. И, наконец, настанет такой момент, когда вы поймёте, что куда бы ни прятались, везде эти настырные существа, люди, найдут вас.

Второй путь - вы делаете вид, что в буфете или в печке оказались случайно, что вы здесь ни при чём, выходите и начинаете жить как все. Но внутри, про себя, вы знаете и помните, что есть множество таких укромных уголков, где хотя бы на время можно спрятаться и побыть в одиночестве пусть даже несколько секунд. И тут уже только эта возможность будет служить вам опорой в жизни. Она-то и поможет сохранить спокойствие внутреннее, что гораздо важнее, чем спокойствие внешнее.

Если человеку постороннему вы кажетесь сердитым, взволнованным или радостным, хотя внутри у вас не звучит ни одна нота, то это даже хорошо. Это даёт возможность думать, что вы как все и не вызывать подозрений, а между тем вы владеете тайной. Да, это не менее приятно, чем существование в печи за заслонкой.

Ах, сколько их, этих укромных уголков! Им всем и не догадаться никогда. Я очень люблю, например, жить в картинах. Вы видите перед собой какую-нибудь картину, предположим, «Среди долины ровныя». Дорога перед вами и дуб.

Сядешь, бывало, наземь с той, другой стороны дуба, которая никому не видна, и сидишь, сколько душе угодно. Перед тобою холмы, холмы уходят вдаль, скрываясь в дымке, лёгкий ветерок гладит лицо. Никто не может проникнуть сюда, никто не потревожит тебя грубым словом. Сладкая печаль, тоска на сердце, и так хорошо. Или часто

я прячусь в стихотворение: На солнце тёмный лес зардел, в долине пар белеет тонкий...

Какие это прекрасные мгновения! Утро, дальний зубчатый лес, тонкий пар – именно, тонкий, и пахнет свежестью и весною. Этого не передать словами – надо пережить самому много раз. За это и люблю я ночь, что она тоже тайна, которую знаешь лишь ты. А вы как думаете?

- Я думаю, что после всего сказанного вам нельзя верить, - ответил кто-то басом. - Любопытно, а где вы прячетесь сейчас?

- Если вам действительно любопытно, пожалуйста. Но когда скажу, сразу же спрячусь в другое место. Так что, где я, вы всё равно не узнаете. Во время нашего разговора я прятался в объекте по имени Елена. Вон она сидит на диване. Елена думала, что слышит чей-то голос, а я был в ней самой. Видите, тут существовало сразу несколько тайн. Вы не знали, где я, хотя думали, что я перед вами. Елена думала, что я под диваном, а я был внутри неё.

Голоса затихли. Сзади кто-то потрогал меня за плечо и шепнул: «Елена...»

Я обернулась - передо мной на спинке дивана сидел горящий попугай.

-Здравствуй, - сказал он, - вот я одурачил тебя и ещё раз. Я ведь был один и разговаривал сам с собой.

-Таких попугаев не бывает, - мелькнула мысль.

- Правильно, я и не птица вовсе, а таракан.

Действительно от ног моих торопливо побежал и спрятался под печкой рыжий таракан.

- Елена, пора домой, - сказала я себе.

5.

Чей-то сладкий высокий голос зазывает меня в распахнутую дверь.

- Аида! Жду тебя!

И я иду, хотя что-то удерживает меня, мешает, но не может остановить. За дверью есть источник света - как будто заря занимается там. Вхожу и вижу - комната пуста. Я с облегчением вздыхаю, но вдруг замечаю в левом углу кресло, кто-то сидит в нём. Как же я сразу не обратила внимания на это.

Вот кресло поворачивается, и становится понятно, что человек сидит, низко опустив голову, как будто спит. «А вдруг не спит», - думаю я, и снова холод сжимает

сердце. Но человек, вздрогнув, медленно поднимает голову. У него белое меловое лицо, резкие черты. Он открывает глаза - взгляд его пронзителен и страшен. Сердце обрывается и падает с немыслимой высоты.

- Нет, не на меня! Смотри не на меня! - кричу я, понимая с опозданием, что это Беда, почти Смерть.

Но молча смотрит на меня Посланец, и ясно становится, что изменить ничего нельзя. Эта встреча состоялась холодной осенью, когда заболел мой сын.

6.

Какая бездна открылась мне сегодня за окном. Стою на подоконнике восьмого этажа в той квартире, где я живу. Какая бездна! Я вижу многие галактики. Они медленно вращаются, величественно и синхронно, подчиняясь какому-то общему закону. В их движении спрятана великая тайна Вселенной. Она зовёт меня, эта живая тайна, я слышу голос: «Лети!».

И я лечу, легко поднимаясь выше и выше. Всё ярче звёзды, они уже так близко. Огромные светила. Мне кажется, в безмолвии я слышу, как они вершат свой вечный бег. Но я всё ещё не добралась - мне надо выше, выше, к самым звёздам. Наконец, я начинаю чувствовать их излучение. Упругой волной оно касается моего лица, ещё, ещё...

Как же я не понимала раньше, что звёзды живые? Слышу мелодичные голоса - это речь, но совсем не знакомая мне, похожая на пение. И странно, но я вдруг начинаю понимать эту речь.

- Не приближайся слишком к желаемому - истина может обжечь. Наблюдай издали, смотри - и ты всё поймёшь, узнаешь, откуда ты, куда идёшь. Умей ждать.

Звонко и плавно звучала речь, долго ещё звенел глубокий хрустальный голос.

- Так вот он какой, космос, - подумала я, - наконец-то он рядом. Даже не так - я растворена в нём.

Упругие волны излучения образуют ветер. Этот тёплый ветер подхватывает меня, и я делаю огромный круг под самыми звёздами. Полёт даётся мне необыкновенно легко.

Огромная радость, восторг охватывают меня. Полёт продолжается долго - до самого утра, пока звёзды не начинают меркнуть, а небо светлеть.

Я снижаюсь широкими кругами по спирали, земля всё ближе, яснее, и вот я снова на подоконнике восьмого этажа - у себя дома.

Но всеобъемлющий восторг, который дал мне космос, не покидает меня, я поняла, что бессмертна, что жизнь имеет смысл, который до поры скрыт от нас, но каждый узнает о нём в свой час. Мы - дети звёзд. Звёзды и мы - единое целое.

И долго потом в земной жизни ждала я Знака звёзд, пыталась найти его в ночном небе, в рисунках облаков, в силуэтах деревьев, гор, голосах степи. Вот-вот должен был появиться этот Знак, но видно, ещё не время.

7.

Мрачное низкое небо. Тяжёлые чёрные тучи. Северо-западный ветер с дождём. Каждый порыв ветра - мокрая пощечина.

Между чёрной землёй, превратившейся в болото, и чёрным небом движется толпа людей. Чернота давит и сверху и снизу. Вот-вот небо и земля сомкнутся, и людям не останется места.

Впереди толпы, чуть выделяясь из неё, идёт кто-то, похожий на вождя. Люди, цепляясь друг за друга, с трудом вытаскивая ноги из грязи, как бы карабкаясь в гору, стараются не отстать от вождя. Если они потеряют его из вида, то останется только мрак, только тучи над головой, только грязь по колено и дождь.

Я без имени и без лица, как и все в этой толпе, бреду, не зная куда. Туда, куда все... Мы идём так долго, что люди забывают обо всём, даже о вожде. Движение совершается механически однообразно. Тело перестаёт чувствовать холод, сырость. Глаза не понимают - мрак или свет впереди.. Но в тот момент, когда люди почти сливаются с грязью, вдруг движение прекращается. Те, кто был сзади, постепенно подтягиваются, и толпа выстраивается в ряд на берегу какого-то озера. Вождь стоит на небольшом пригорке в стороне.

Вода в озере имеет чёрный цвет, как земля и небо. Вождь взмахивает рукой и указывает на противоположный берег, где видны чёткие силуэты мёртвых безлистных деревьев. Люди несколько минут стоят в раздумье, потом двое - трое входят в воду. Слышатся

подземные толчки, земля проваливается под ногами. Многие сползают в озеро вместе с обвалившимся берегом. Крики, стоны, вой ветра...

Очнувшись, понимаю, что шла не туда, потому что в городе, в каком-то далёком городе в каменном доме на верхнем этаже остался мой сын. Я бегу в поисках этого города, и вот он - впереди. Я узнаю улицы, некоторые здания. Гул землетрясения доносится сюда всё отчётливей. Надо торопиться, чтобы успеть спасти сына. Вот тот самый подъезд, и я бегом мчусь наверх. Но квартира пуста. Он испугался и спрятался на чердаке, успокаиваю я себя. Кричу, зову сына, но никто не откликается. Где же он?

Выбегаю на улицу и в черноте ночи вижу, что кто-то стоит. «Сыночек мой!» - кричу я и бросаюсь к нему, но натываюсь на невидимую стену. Я не могу дотронуться до него - мешает какая-то преграда. И вдруг я вижу, что над сыном, вытянув руки над его головой, возвышается чёрная фигура.

- Сатана! - кричу я. - Оставь его! Ты не смеешь!

С разбегу толкаю я эту гигантскую фигуру. Все силы моей Души вкладываю я в этот момент в свои руки. И свершается чудо. Сатана падает в грязь, сливается с ней. Дождь хлещет по её вязкой поверхности. Чей-то голос, медленно удаляясь, звучит над нами: «Ты видела будущее...»

«Нет, сказала я, - ты не обманешь меня. Это было лишь настоящее». Но за сына я борюсь и по сей день.

8.

Грязный тротуар. Много людей. Они бегут, торопятся - одни вверх, другие вниз - кто куда. Я тоже иду среди них. Один поток движется вместе со мной, другой течёт навстречу. Но вот что-то нарушилось в этом встречном потоке. Появился некто, имеющий совсем другую, свою скорость, свой ритм. Два ярко-голубых глаза в рыжих ресницах. Ресницы длинные и как бы светятся от солнца.

Всё остальное из другого мира - нечёсанные грязные космы, такая же борода, мятая фуражка лохмотья, костыли, парализованные, навечно согнутые в коленях ноги. Разве такое может быть? Разве такое бывает?

Синие, синие глаза в солнечных ресницах... я прохожу мимо не в силах оторвать взгляд от этого лица. Но я прохожу мимо и иду дальше. Расстояние между нами увеличивается.

Нет, я не могу уйти, пока не узнаю, кто это. Синие глаза, золотые лучи ресниц... Резко поворачиваю и перехожу в поток, который течёт навстречу. Теперь я иду следом, почти следом за синеглазым. Он движется медленнее, чем все. Я постепенно догоняю его. Что скажу, когда поравняюсь? Не знаю. И надо ли вообще что-то говорить. Какое-то время я иду за его спиной. Боже мой, что за рвань на его ногах! Что за лохмотья на теле! Это человек, дошедший до крайней точки бытия. У него нет забот о поддержании тела, в котором живёт его Душа. Почему я иду за ним? Почему мне так больно за него? Отчего мне кажется, что я знаю его? Вот мы идём рядом. Господи, вразуми!

Сильный порыв ветра срывает фуражку с его головы, бросает на проезжую часть, где мчатся машины одна за другой. Синеглазый пытается костылём достать фуражку, но это ему не удаётся, ведь нагнуться он не может. Я поднимаю фуражку, подаю ему, а в рваный карман пиджака кладу сложенную пополам цветную бумажку. Он смотрит на меня своими синими глазами и говорит: «Зачем так много...»

Я бегу прочь, теперь я знаю всё. Произошло смещение времён. Я встретила себя, только не знаю - в прошлой или будущей жизни. Да это и не важно, Душа в любом теле и в любом измерении - Душа, и я узнала Её.

9.

Какая метель! Снежинки таких размеров, что не верится в их реальность. Они огромны и тяжелы, и в то же время летучи. Я в снежном, любимом мною царстве. Брожу одна по улицам какого-то незнакомого города. Людей нет. Тишина, если не считать воя ветра. Дома засыпаны снегом, аллеи завалены сугробами. Когда очередной порыв ветра налетает сзади, я поднимаюсь вместе с огромными снежинками и лечу вверх - всё выше и выше. Теперь я, наверное, снизу выгляжу как чёрная точка в снегопаде, как ворона, которая залетела слишком высоко и не может справиться с ветром.

Сверху снегопад кажется ещё красивее, чем с земли. Внизу, вверху, в необозримой дали - лишь огромные хлопья снега. Потоки ветра свивают их в немыслимые узоры - живые, текучие, вечно меняющиеся. Вот снежинки стремительно несутся к земле. И я с ними - снова на земле около деревянного дома, смотрю вниз с вершины сугроба. Его намело под самыми окнами, но между сугробом и стеной дома осталось не заметённым узкое пространство, как бы щель. На дне этой щели у самых окон, закрытых ставнями, я вдруг замечаю чьё-то бледное лицо. Неужели кто-то скатился в эту щель и замёрз? Наклоняюсь пониже и слышу хриплый голос: «Руку дай...» Но сказано это было так невнятно, что я не могла понять смысла, поэтому спросила: «Что, что вы хотите?»

- Руку дай! – донеслось до меня вместе с резким запахом спиртного. Подаю руку. Полуголое существо в резиновых сапогах на босу ногу цепко хватается за мою ладонь. Я вытаскиваю из снежной щели женщину. Вернее, когда-то это была женщина.

Скользя резиновыми подошвами по снегу, она деревянно шагает вниз по улице. «Вы знаете, куда идти?» – кричу ей вслед. Она хрипло и громко отвечает: «Вали Максимовой, двадцать».

-Помоги ей. Господи! - думаю я.

Улица Вали Максимовой находится в городе, где я живу. Значит, я уже дома. Мой полёт окончен. Сегодня мне уже не подняться в небо.

10.

Вижу горы крупным планом. Вот дикий камень - изваяние самой Природы - сидит на вершине задумчивый кочевник, поджав под себя ноги. Рядом в той же позе - женщина. Справа и слева от них - дети.

Много веков сидят они, медленно течёт их беседа. Плывут над ними облака, гудит ветер. Снизу доносится гул реки. Сейчас лето, но и зимой не замолкает она, бурная, родниковая. Наравне с каменным кочевником над рекой висит коршун. Медленно кругами движется он в воздухе. От реки наклонной стеной, усыпанной гранитным щебнем, возносится гора, на которой и сидит кочевник. Я некоторое время кружусь рядом с коршуном, потом поднимаюсь выше, лечу над вершиной, потом вдоль горного хребта. Там,

за разгорячёнными зноем соснами, за их ароматом и вечной зеленью, начинается горный луг - словно кто-то щедрой малиновой волной плеснул по склону, и разлилась она веером от вершины вниз - цветы невиданных размеров и форм.

Я летаю над ними, крошечная, как пчела, пробираюсь внутрь цветов, качаюсь вместе с ними на ветру. Оказывается, когда ветер проносится между огромных лепестков. Внутри цветка слышна его вечная песня. Она смешивается с волнами пыльцы, и я покидаю цветок, омытая с головы до ног живым ароматом цветов.

Странно, что такие неземные цветы растут рядом с обычными знакомыми с детства соснами. Странно, что никогда раньше я не видела их.

- Откуда вы? – спрашиваю я у цветов.

- Мы всегда были здесь, на этом склоне. Мы знаем тебя, всех, кто приходит в горы. Просто многие люди смотрят и не видят и сотой доли из того, что их окружает. Мы растём в пространстве цветов. Всё живое и неживое имеет свои измерения, своё пространство жизни. Многие люди, родившись, получают возможность видеть всё, знать все виды пространства. Их Душа может сохранить это свойство, но такое удаётся немногим.

Пространство Зла постепенно захватывает людей и они перестают видеть Вселенную - только своё жизненное пространство, только свой коридор. Наступает слепота. Люди ползут по узкому туннелю. Им кажется, что ничего иного нет на свете.

-Так вот что такое моя земная жизнь! – думаю я. – Туннель, Пространство Зла. Какое счастье, что я могу иногда пробиваться сквозь его каменные стены!

ПОТЕРЯВШАЯ ПРОШЛОЕ*

**История основана на событиях, происшедших в конце 90-х годов прошлого века, но все совпадения с реальными людьми случайны*

1.

Она нашла себя на железнодорожном полотне, шагавшей по коричневым шпалам. Рельсы убегали вдаль по высокой насыпи, сверкая на солнце. Далеко внизу лежала жёлтая согра с тонкими, как спички, белыми берёзками в пёстрых платочках. По всем признакам собиралась осчастливить Землю ранняя весна.

Солнце щедро припекало, от земли между шпал поднимался прозрачный пар. Понятно было, даже не прикасаясь рукой, что шпалы тёплые - высушены и прогреты так, что хотелось пробежаться по ним босиком.

Где-то стрекотали сороки, рассыпая звук словно горох. Синицы настойчиво вызванивали пространство от земли до самого зенита. Небо, чистое и ясно - синее, звало куда-то, словно напоминая, что необязательно ходить по земле, можно попробовать и взлететь.

Она двигалась вдоль рельсов в сторону видимого вдали города, и вдруг остановилась. Странные вопросы возникли в её сознании, словно включилась лампочка:

- Как я сюда попала и куда иду? Что это за город виден впереди?

С удивлением, нараставшим как снежный ком, она поняла, что ответов на эти вопросы у неё нет. Растерянность и ужас накатили серой колючей волной. Кровь бросилась в лицо, задрожали руки.

- Как моё имя? Кто я? - спросила она себя, и не смогла ничего ответить. - Сумочка... На плече висит дамская сумочка. Там должны быть документы. Конечно! Нужно было сразу сообразить!

2.

Она долго перебирала всё, что лежало в сумочке - компактная пудра, помада, расчёска, маленькие маникюрные ножницы, катушка белых ниток, гелевая ручка с синими чернилами, открытка, конверт, носовой платочек, кошелёк с деньгами, несколько ключей на брелоке в виде сердечка - внутри него сверкали разноцветные блёстки, переливаясь в какой-то вязкой прозрачной жидкости.

Никаких документов не было - ничего, даже какого-нибудь удостоверения или пропуска, визитки или хотя бы адреса на бумажке. Она осмотрела пальто, в которое была одета. Пальто новое красивое, глубокого чёрного цвета, длинное, приталенное. Шапка норковая, тоже новая и красивая, с изящно изогнутыми небольшими полями. Сапожки кожаные с каблуком средней высоты. Она осмотрела все карманы - и внутренние, и наружные. Но и там ничего не обнаружила.

Как-то сразу потеряв силы, она присела на блестящий рельс и попыталась вспомнить своё имя. Где-то в глубинах сознания всплывали и снова уходили в небытие какие-то имена - Мария... Елена... Ирина... Нет, это не то! Саша... Катя... Ия... Сознание не давало подсказки, не откликалось на эти имена.

-Что же делать? - спросила она вслух. Голос прозвучал глухо и незнакомо. - Даже собственный голос я не помню.

Трещали сороки, пели синицы, светило солнце, но ей казалось, что уже вечер, и вот-вот нагрянет ночь. Тревога поднималась изнутри, словно ил со дна омута.

-Нужно идти в город, обратиться в милицию. Может быть, что-то известно - например, есть заявление о пропаже человека. А может быть, встретится кто-то из знакомых, и тогда память подскажет всё остальное - сказала она себе.

Встала и пошла вперёд, ускоряя шаг. Потом почти побежала, но остановила себя - надо спокойнее, ведь ещё не известно, что там, в городе, ожидает её. А вдруг никто не потерялся, и нет там никаких знакомых, и тогда... Что тогда?

3.

Шпалы, шпалы - бесконечные шпалы. Когда же, наконец, рельсы приведут её в город! Он приближается, но так медленно. Вот уже, слава богу, потянулись какие-то низкие бетонные здания - наверное, склады. Видны

многоэтажки, впереди – прямо по курсу - мост-виадук. Уже можно различить автомобили, споро пролетающие по нему над полотном железной дороги.

Наконец, она вышла на широкий проспект, который пересекал рельсы. Виадук как раз и был частью этого проспекта.

Она повернула направо и двинулась в сторону круглой площади, где толпился народ – здесь располагались сразу трамвайная и автобусная остановки.

-Что это за площадь? – спросила она.

-Красных коммунаров, - ответила пожилая женщина с сумкой.

-А город как называется? – задала она вопрос и увидела, что у женщины удивлённо взлетели брови.

- Это Самара. А вы что, не знаете, где живёте?

- Не знаю, - сказала она честно. – Объясните мне, как найти ближайшее отделение милиции.

-Пройдите одну остановку вдоль трамвайной линии, поверните налево - на улицу Победы. Садитесь на сорок первый автобус и езжайте три остановки. Там выйдите и спросите у прохожих. Отделение милиции - с левой стороны от перекрёстка.

-Самара, Самара... - думала она, продвигаясь сквозь толпу к улице Победы. – Здесь я живу или нет? Или я попала сюда ещё откуда-то?

Она внимательно смотрела по сторонам, ожидая, что встретит знакомое здание, человека или память вытащит некий узнаваемый образ улицы. Но память молчала.

4.

В отделении милиции за бетонно-стеклянной облезлосиней перегородкой сидел скучающий человек в форме. Он что-то писал. Постучав в приоткрытую дверь, она прошла внутрь, поздоровалась и сказала:

- Мне нужно с вами поговорить.

- В чём же дело, говорите, - откликнулся человек в форме, не отрываясь от своих бумаг.

- Дело в том, что я не знаю, кто я.

- Как это? - удивился милиционер и, подняв на неё глаза, внимательно осмотрел. Увидев, что перед ним

хорошо одетая молодая женщина, не похожая на бомжа или проститутку, он удивился ещё больше.

- Расскажите подробнее, что произошло, - сказал он. – Как ваше имя?

- Имени я тоже не знаю, - сказала она. И рассказала всё, начиная с того момента, как осознала себя идущей по рельсам.

- Неужели ничего не помните из того, что было раньше? Может быть, у вас есть дети? Обычно матери всегда помнят своих детей.

Она задумалась, погрузившись в сознание как в некое огромное пустое пространство – живой, но глухой и непроглядный туман. Ни один образ, похожий на что-либо детское, не возник в памяти.

- Нет, - сказала она, - я не могу вспомнить.

- Хорошо, давайте составим протокол, запишем всё. Потом пойдём к оператору на компьютер - он поищет информацию о пропавших людях. Может быть, что-то найдётся. Давайте запишем вас под условной фамилией Неизвестная. А имя... Какое бы вы хотели пока условное имя?

- Пусть будут две последние буквы фамилии - Ая.

- Хорошо. Даже красиво – Ая Неизвестная.

5.

- Задача не из лёгких, - сказал оператор. – Надо просматривать все файлы. Искать придётся только по внешнему виду. Сейчас мы вас сфотографируем, и вы можете идти. Поиск мы проведём сами. На это потребуется неделя – запросим соседние города, Москву.

Он сделал фотографию с помощью компьютера.

- Ну, вот и всё пока, - сказал оператор. – Вы свободны.

- Но мне некуда идти, - тихо пробормотала Ая.

- Да, конечно. Сейчас решим этот вопрос. Как ваше имя?

- Настоящего имени я не знаю, а записали меня в протокол - Ая Неизвестная.

- Пойдёте в психобольницу. С потерей памяти - это туда.

- Пожалуйста, не отправляйте меня в эту больницу. Я вас очень прошу. Проведёте поиск, и если ничего не обнаружится, тогда уж...

Парень замялся, потом сказал: «Хорошо».

Оператор позвонил куда-то, попросил приютить свою подопечную на одну неделю. Потом повернулся к ней и сказал:

-Пойдёте в вырезвитель. Там есть квартира с отдельным входом - наш гостиничный номер для гостей, там плита, две кровати. Спросите медсестру Машу. Она вам откроет помещение. Деньги у вас есть?

-Есть пятьсот рублей, - сказала Ая.

-Ну, пока вам хватит, а потом посмотрим - может быть, найдутся родные. Вырезвитель - через два квартала, на улице Гагарина.

-Спасибо Вам, до свидания, - сказала Ая и вышла в коридор.

6.

Ая поселилась в скромном гостиничном номере, который, действительно, находился в здании вырезвителя, но вход в номер - с противоположной стороны, и поэтому казалось, что это обычная гостиница. Только нет коридоров, нет других номеров с постояльцами и дежурных по этажу. Но одиночество сейчас было очень кстати – Ая всё время старалась что-то вспомнить из прошлого, как-то заставить память открыть свои кладовые - ведь были же они где-то! Но пока ничего не удавалось. Память не отвечала на сигналы. Ни команды, ни образы внешнего мира не действовали.

Всю неделю Ая старалась ездить по городу, пытаюсь вспомнить хотя бы какую-нибудь улицу, магазин, остановку или здание.

Она каталась в метро, выходила на разных станциях, бродила возле них по улицам. Но ни одна из них не вызвала пока никакого отклика в сознании. Ая поняла только, что метро - это не новость для неё. Значит, раньше она уже пользовалась таким транспортом. Но было это в Самаре или где-то в другом городе – не ясно.

Тогда она решила пересечь на трамвай. Добралась пешком до улицы Двадцать Второго Партсъезда и решила прокатиться в первом подошедшем к остановке вагоне – это был девятнадцатый маршрут.

7.

Трамвай медленно и упорно стал одолевать длинный пологий подъём - катился, подвывая, всё в гору, и в гору. Потом повернул направо, налево. Пробрался по широкой улице между светлых девятиэтажек. Когда вагон в очередной раз поворачивал направо, Ая вдруг ощутила желание выйти. Но осмотревшись вокруг из окон трамвая, она не нашла ничего знакомого, поэтому выходить раздумала. Решила ехать до кольца.

Кольцо оказалось совсем недалеко от последнего поворота. Вагон проплыл мимо строящегося православного храма, опутанного деревянными и металлическими лесами, и оказался на довольно широкой площади.

-Поляна Фрунзе, - объявил женским голосом трамвай, - конечная.

Ая вышла на площадь, прошлась вокруг, внимательно пригляделась к храму, к цветным высотным жилым домам. Особенно ей понравилась раскинувшаяся вдаль и внизу пойма Волги, расцвеченная коричневыми, зеленоватыми, жёлтыми кустарниками, на которых кое-где сохранились прошлогодние сухие листья.

Память и на этот раз не подсказала ей ничего. Ая вернулась к своей приветливой гостинице тем же путём - на девятнадцатом трамвае.

8.

На следующий день она прокатилась по четвёртому маршруту. Пролегал он через весь город - длинное кольцо охватывало и промышленные районы, и большую часть старого центра. Самара понравилась Ае. Она смотрела на город глазами приезжего, ведь ни этих улиц, ни площадей не держала в себе её память. Всё казалось новым, как бы увиденным впервые. А может быть, так и было на самом деле.

Она вслушивалась в названия остановок, стараясь уловить что-то знакомое в этих словах: улица Советской Армии, пединститут, улица Карбышева, Овраг подпольщиков, дом культуры «Звезда», проспект Ленина, железнодорожный вокзал, улица Тухачевского, автостанция «Аврора»... Больше всего Ае понравился Овраг подпольщиков и проспект Ленина.

В Овраг трамвай, действительно, спускался по длинному склону, но оврага там, конечно, не было. На этой остановке с таким романтическим названием уютно устроилось

трамвайное кольцо и маленький служебный домик, куда и отправились на пять минут водитель с кондуктором. Часть пассажиров вышла, часть осталась в вагоне. Ая спросила у соседа по сиденью, не пойдёт ли трамвай обратно. Оказалось, что четвёртый маршрут ходит только в одну сторону. А в обратном направлении можно уехать, но уже по маршруту с номером двадцать три. То есть оба трамвая ходят одним и тем же закольцованным путём, но навстречу друг другу.

Такое не часто встречается. Ая призадумалась, стараясь разбудить память - может быть она вспомнит эти два трамвая, бегающие по одному маршруту навстречу друг другу. Но нет, всё это воспринималось как новая информация.

Только через два часа вернулась Ая на ту остановку, с которой началось её путешествие. Самара не хотела рассказывать ей о совместном прошлом. Может быть, его просто не было никогда.

9.

Ая не теряла надежды вспомнить какие-то детали из прошлого, катаясь по городу. Сегодня она снова доехала до понравившегося ей Оврага и пересела там, на кольце, на трамвай под номером двадцать.

Этот вагончик с квадратным красно-белым лицом увёз Аю в старый центр Самары. От проспекта Ленина свернул он в сторону Волги, и несколько раз поворачивал ступеньками всё вниз и вниз, пока не достиг улицы Фрунзе.

Здесь трамвай повернул налево, обогнув мрачный величественный католический собор. Ая внимательно рассматривала острые высокие шпили, готические двери, узкие окна. Такую картину память не должна была забыть, если, конечно, Ая видела этот собор раньше. Но память упорно молчала.

-Улица Ленинградская, - равнодушно сообщил водитель.

Ая вышла наружу и долго бродила по красочной шумной улице, на которой гудела ярмарка, и двигался поток людей. Она надеялась, что встретит кого-нибудь, кто окажется знакомым. Или некто окликнет её в толпе по

имени. Она не знала, что это будет за имя, но если человек обратится к ней, тогда...

С улицы Ленинградской Ая переместилась на улицу Высоцкого – здесь тоже толпилось много людей - на круглой площади было несколько конечных автобусных пунктов.

Потом она перешла на площадь Революции. Здесь столпотворение не уступало ярмарке - это было узловое кольцо многих автобусных маршрутов.

Ая с надеждой бродила среди людей, внутренне ожидая услышать зовущий её знакомый или незнакомый голос. Но никто не обращал внимания на элегантную даму в чёрном - мало ли таких дам в больших городах.

Молчала память, не желая выявить в плотном тумане забвения хоть какую-нибудь малую деталь из прошлого.

10.

Странно, но Ая постоянно ждала телефонного звонка. Ей казалось, что вполне кто-то может вспомнить о ней и позвонить. Здравый смысл подсказывал, что это невозможно. Никто не знает, где она находится. Никто не знает номера телефона в этой квартире, которая встроена, словно кирпичик, в большое здание печально-весёлого заведения. И всё-таки она ждала.

Ждала, когда пила крепкий сладкий чай с булочкой. Ждала, когда лежала в тёплой ванне. Ждала утром и вечером. И даже ночью.

Телефон и вправду зазвонил, но это был оператор милицейского компьютера.

-Приходите завтра в десять ноль-ноль. У меня есть для вас хорошая информация, - сказал он ровным голосом, но Ая услышала в этих спокойных интонациях довольную нотку человека, вручающего драгоценный подарок.

- Скажите сейчас, - заволновалась она.

- Нет, я не могу говорить всё это по телефону. Придётся завтра и сами увидите, а сегодня я должен срочно отлучиться по служебной надобности. Вы уж извините, что заставляю ждать. Не волнуйтесь, всё будет в порядке.

Ая сидела, всё ещё держа трубку в руке, и странная жгучая радость заполняла её, выливаясь откуда-то из сердца.

Неужели кончится этот плотный туман, который отнял у неё целую жизнь! Неужели она сможет вспомнить, кто она, кто её родственники, может быть, дети?

Ей стало страшно. Почему-то захотелось остаться здесь, в этой уютной гостиничной квартире и никуда не ходить, ничего не узнавать. Пусть всё будет так, как сейчас. Она понимала, что это секундный порыв, просто страх перемен, который заложен в каждом живом существе. Конечно, она не знает, что её ждёт, но все-таки оператор сказал - всё будет хорошо. Надо верить в это. Раз он сказал, значит так и есть.

11.

-Ну, вот - смотрите, - сказал оператор, уступая Ае место перед компьютером.

На светлом фоне в окне с левой стороны, занимая половину экрана, смотрело на Аю её собственное лицо. Справа она прочитала: Марина Жарптица, 1970 года рождения, жительница г. Самары, блондинка, рост 165 см, глаза синие, лицо овальное, особые приметы - маленькая родинка на правой щеке. Была одета в черное демисезонное пальто, кожаные коричневые сапоги с каблук средней высоты, в норковую шляпку. При себе имела чёрную дамскую сумочку небольшого размера.

Ушла из дома 22 марта 2001 года на работу и не вернулась. Всех, что-либо знающих о месте нахождения Марины Жарптицы, просим сообщить по телефону 24 – 14 – 75 или по телефону 02.

-Ну, вот и всё, - сказал оператор.-Ваши мытарства кончились. Вас ищут родственники уже целый год. Они здесь – в соседней комнате. Приготовьтесь - сейчас вы их увидите.

- Да-да, конечно, - растерянно сказала Ая. Она почему-то по-прежнему мысленно называла себя так, привыкнув к этому имени за несколько дней.

Операто распахнул дверь, и из смежной комнаты появились незнакомые люди - молодая женщина, очень похожая на Аю, пожилая женщина – тоже неуловимо чем-то похожая на них обеих, и мальчик лет десяти.

-Марина! – воскликнула пожилая женщина и бросилась к Ае.- Ты жива!

Она обнимала Аю, целовала её, и та чувствовала, как тёплые слёзы текут по щекам этой женщины, но вспомнить, кто это - Ая не могла.

-Мама! – крикнул мальчик. – Мама, это я! Ты узнаёшь меня?

Ая погладила его по светлым волосам – таким же, как и у неё самой.

-Узнаю, сынок, - сказала она, чтобы не обидеть мальчика. Но вспомнить его Ая не могла, хотя напрягала память так, что разом заболела голова.

-Ничего, - пыталась успокоить Аю молодая женщина, так похожая на неё. – Ты ещё вспомнишь всё.

Она говорила это потому, что поняла - Ая никого не узнаёт, не помнит даже сына.

12.

-Марина, я - твоя младшая сестра Рина. Нас так и называли: ты - Марина, а у меня - часть твоего имени – Рина. Это наша мама. Её зовут Нина. Фамилия у меня и у мамы – Аринины. А у тебя фамилия твоего мужа – Жарптица. Красивая фамилия, редкая. Ну, вспомнила?

Ая покачала головой - нет, она не помнит, ничего - ни имён, ни фамилий. Ей было стыдно, но память не откликнулась на эту осязаемую живую информацию.

-А это - твой сын, Славик. Марина, помнишь его? Сына помнишь?

-Кажется, помню, - неуверенно сказала Ая.

-Вот на фото твой муж - Павел. Он сейчас в командировке, завтра должен приехать домой. Помнишь, где твой дом?

-Не совсем... Одна я не смогу его найти.

-Конечно, мы отвезём тебя домой. Поехали! - сказала Рина и взяла Аю за руку. – Я уверена - дома ты всё вспомнишь!

Ая видела, как плачет пожилая женщина, которую Рина назвала их мамой. Слёзы текли и текли по её щекам, глаза сияли - ведь она снова обрела дочь, хотя ещё вчера не надеялась на это. Бесконечный страшный год - бездна неизвестности - разделяла их. Но вместе с радостью Ая заметила в глазах матери мимолётный, однако явственно проступавший страх. Не только дочь не узнавала своей матери, но и мать почувствовала нечто чужое в родной

дочери. Она не понимала и не верила, что можно не помнить н и к о г о, даже собственную мать и собственного сына.

13.

Они дружно вышли из отделения милиции и Рина повела всех к трамвайной линии.

-Смотри, Марина, и вспоминай! - сказала Рина. – Мы едем к тебе домой, в твою квартиру, в твой район – на улицу Солнечную. На каком трамвае мы должны ехать, помнишь? Славик, ты не подсказывай.

Они стояли на той же остановке, откуда Ая начала свои путешествия по Самаре.

-На девятнадцатом? - спросила она наугад.

-Можно на этом, а можно – на седьмом. Ты вспомнила или угадала?

-Угадала, - созналась Ая.

-Ну, ничего – ещё вспомнишь, - подбодрила её Рина.

К остановке подкатил седьмой номер и все вошли в вагон. Седьмой маршрут повторил путь, проделанный Аей на девятнадцатом трамвае. Она хорошо помнила, как ехала по городу в цветном вагончике, как он свернул сначала направо, потом - налево, и покатил всё прямо и прямо между светлых многоэтажек, пересекая несколько улиц, и в том числе - одну очень широкую и шумную под названием «Московское шоссе».

Вспомнила она и ту остановку, на которой у неё появилось желание выйти. Это была как раз улица Солнечная. Но она тогда не вышла из трамвая, потому что не вспомнила ни названия улицы, ни своего района.

14.

Действительно, на том последнем повороте недалеко от кольца, где Ая чуть было не вышла в свою первую поездку, находилась остановка Солнечная. Они втроем перешли трамвайные пути, потом пересекли широкую улицу Ново-Садовую, и двинулись вниз – в сторону Волги, вольно раскинувшейся вдаль на своей просторной пойме. Спускались по кривому тротуару узкой улочки мимо строящегося большого дома из красного кирпича, мимо какого-то низкого служебного здания, стоящего в зарослях кустарников и деревьев. Слева на пригорке среди сухих

диких трав Ая заметила большой сероватый мраморный крест на таком же пьедестале. Справа чуть ниже по улице стояла маленькая православная церковь с позолоченным куполом.

-Ну, что - вспомнила что-нибудь? – спросила Рина.

-Мне кажется, что этот крест и эту церковь я видела когда-то очень давно.

-Это уже хорошо, - обрадовалась Рина. – Значит память начинает работать. Так постепенно ты и вспомнишь всё.

-Может быть, - откликнулась Ая и тут же поправилась, - Должна вспомнить!

Улица Солнечная пролегалa по самому краю заросшей кустарниками поймы реки. С одной стороны на Солнечной стояли цветные высоты. Они вольно карабкались вверх по склону до самой улицы Ново-Садовой. С другой стороны - раскинулись дебри диких кустарников, сбегавших всё ниже и ниже, вплоть до песчаного берега Волги.

Ветер с реки дул прямо в лицо, гнал по небу быстрые белые облака, светило солнце - улица оправдывала своё название. Здесь и вправду было светло, ветрено и солнечно.

-Ну, говори - куда нужно идти?- сказала Рина.

-Не знаю, - ответила Ая после раздумья.

-Ладно, Славик, веди маму домой, - разрешила Рина.

-Пошли, мама, - сказал мальчик и взял Аю за руку.

Они повернули налево и направились к цветному десятиэтажному дому, стоявшему за каким-то сооружением, напоминавшим не то больницу, не то спортклуб. Мальчик вошёл в первый подъезд, потом - в лифт. Квартира находилась на восьмом этаже.

-Марина, помнишь свою дверь? – спросила Рина.

Ая постояла с минуту, разглядывая то одну, то другую дверь, но узнать свою не смогла. Память упорно молчала.

-Смотри, вот твоя дверь. Вспоминай - эту узорную зеленую обивку заказывала ты сама. Помнишь? Приходил мастер и работал целый день, чтобы всё классно выглядело.

-Давай войдём внутрь, может быть, там я найду какую-то яркую деталь, - попросила Ая.

Квартира понравилась ей - большая прихожая, просторная кухня, две комнаты, окнами выходящие на разные стороны здания, одна - с балконом, другая - с лоджией. Особенно хороша была большая комната с окнами на Волгу. Такие дали открывались из окон, что хотелось стоять и смотреть, или выйти в лоджию и полететь туда, где видна была широкая ещё не полностью освободившаяся ото льда река.

Всё понравилось Ае - и новая мебель, и красивые серебристые жалюзи на окнах. Одно было плохо - она не помнила этой квартиры, и ни один предмет в ней не показался ей знакомым. Нет, конечно, она когда-то видела такие квартиры, бывала в них, ничто не удивило её, не показалось новым. Но всё-таки ощущения, что эта квартира именно её, не возникло.

Ая присела на пухлый бархатный диван, внимательно осмотрелась, вслушалась в свои внутренние подсказки, но память молчала.

- Давайте попьём чаю, - предложила Рина, - авось и вспомнишь, как готовила обеды и мыла посуду, а?

- Да, хочется горячего чая, - подтвердила Ая, - я пошла на кухню, похозяйничаю немного.

- Что же произошло? Почему Марина не помнит ничего? Нужно идти к врачу, нужно восстанавливать память, - сказала Рина, когда Ая вышла из комнаты.

- Да, нужен психиатр. А может быть, и хирург - вдруг всё это из-за травмы? - согласилась мать Рины.

- Подождём приезда Павла. Пусть Марина увидит его - может быть, это будет та самая деталь, которая разбудит память. Хотя... Если она не помнит сына, то скорее всего и муж не поможет. Но проверить нужно обязательно, тем более что ждать недолго.

16.

Павел открыл дверь своим ключом, вошёл в дом и замер - перед ним стояла его жена Марина, живая и невредимая. Он растерянно рассматривал её, словно видел в первый раз в жизни. Сердце его забилось так, что, казалось, вот-вот стук оборвётся. Да, это Марина - её лицо, глаза, улыбка... Марина, которую он уже не надеялся когда-либо

увидеть. Целый год - никаких вестей, ни звука, ни телеграммы или телефонного звонка.

-Марина! - прошептал он. – Ты жива!

-А ты - Павел? - спросила Ая, смутившись и отступив назад.

-Марина! Это я, ты не узнаёшь меня?

Ая молчала, внимательно вглядываясь в его лицо, стараясь уловить знакомые чёрточки, может быть, какое-то слово, интонацию...

-Павел, Марина забыла почти всё, что было раньше. Но она вспомнит - нужно подождать, - сказала Рина, выходя из кухни.

-Марина! Ты не помнишь меня? Совсем не помнишь?

Ая пристально смотрела на этого светловолосого красивого мужчину. Она очень хотела вспомнить хоть что-нибудь - может быть знакомое движение руки, выражение лица, на худой конец - вещь, например, рубашку или пиджак.

-Завтра мы пойдём к врачу - будем восстанавливать память гипнозом, - сказала Рина.

-Да, конечно, нужно к врачу, - согласилась Ая.

17.

-Та-ак, - произнёс врач, отрываясь от своих записей, - на что же мы жалуемся?

-Я привела к вам сестру. Её зовут Марина Жарптица. Год назад моя сестра ушла утром на работу и пропала. Несколько дней назад нам позвонили из милиции и сказали, что Марина нашлась - сама явилась в отделение, но пришла потому, что не знала, кто она. Они даже записали её условно - Ая Неизвестная. Своего имени она не помнила. Всё, что было в прошлом, для неё сейчас тоже белое пятно. Она не помнит никого из родственников, даже сына и свою мать.

-Всё, что рассказала ваша сестра, это правда? – спросил врач, обращаясь к Ае.

- Да, всё правильно. Я не вспомнила даже себя. Я не могу считаться Мариной. Я до сих пор называю себя Ая Неизвестная. Мне почему-то легче так вписываться в жизнь. Ни свой дом, ни квартиру, ни одну из вещей в

доме и никого из родственников я не узнаю. Для меня - это совершенно новые люди.

-Скажите, а в квартире, в городе, в метро вы ориентируетесь нормально? - спросил врач.

-Да, хотя город, именно Самару, я воспринимаю тоже как что-то новое - для меня здесь нет знакомых улиц, нет зданий, которые я бы хорошо помнила, я не видела ни одного знакомого лица, хотя много ездила на общественном транспорте.

-Ну, что ж, я выпишу вам кое - что, будете принимать в течение недели. Потом придёте ко мне ещё раз. Если за это время вам не станет лучше, попробуем другие методы.

-Спасибо, доктор, - сказала Ая, - до свидания.

Они вышли с Риной из кабинета, пробрались по коридору, заполненному больными, и спустились в раздевалку.

-Будем надеяться, что эти лекарства тебе помогут, - сказала Рина.

-Будем надеяться, - эхом отозвалась Ая. - Я очень хочу всё вспомнить, иначе мне придётся начинать жизнь заново. И самое обидное, что не с начала, а с какого-то момента, который я не выбирала.

-Ничего, - взяла её за руку Рина, - главное, что ты жива. Могло быть и хуже. А сейчас - как-нибудь перетопчемся. Правда, же?

-Ты права, - ответила Ая. - Надо жить, двигаться вперёд, тогда память, может быть, и откликнется.

18.

Ая решила съездить на своё предприятие, где она работала ещё год назад. Это был Самарский жиркомбинат. Рина сказала, что пока Марина Жарптица числится на комбинате ведущим технологом, никто не увольнял её. Но человека на её место уже приняли, ведь работу, которой занималась Марина, нужно делать каждый день.

Рина рассказала, как проехать до комбината, и Ая отправилась на улицу Ново-Садовую, на ту самую остановку Солнечную. Она поднялась в гору тем же путём, каким шли они в первый раз вчетвером к её дому.

На комбинат с остановки Солнечной отправлялся всё тот же девятнадцатый трамвай. Ая вошла в голубой вагончик, села у окна и приготовилась внимательно

наблюдать за всеми деталями маршрута – ведь она ездила этим путём столько лет и дважды в день. Неужели в памяти не будет никакого отклика?

Трамвай легко скользил по блестящим рельсам, покачивался на стыках, подвывал и урчал, словно сытый кот. Мелькали длинные разноцветные высотки. Вагон повернул направо, оставив в стороне какой-то сквер. Потом на остановке Ставропольской трамвай повернул налево и заскользил всё вниз и вниз, торопясь на свою конечную станцию с красивым названием Юнгородок.

Вот медленно и осторожно, гремя на многочисленных сплетениях рельсов, пересёк вагончик уже знакомую Ае круглую многолюдную площадь Красных коммунаров, прокатил по тому самому мосту-виадуку, который две недели назад первым встретил Аю при входе в город.

Ая помнила, что ей выходить на первой за этим мостом остановке, потом двигаться направо на узкую улочку ГСП. Что это за название, она не знала. Пройдя направо, как ей объяснила сестра, Ая увидела длинный бетонный забор, железные ворота для проезда автомобилей, потом мраморное крыльцо и неприметную деревянную дверь с табличкой : Самарский жиркомбинат.

Она вошла внутрь. Справа находилась лестница, ведущая на второй этаж, прямо - крутящийся турникет и окошечко для выдачи пропусков.

Ая назвала своё бывшее имя – Марина Жарптица - и ей, ничуть не удивившись, выдали пропуск с фотографией. С кусочка картона, улыбаясь, смотрела в мир ясным взглядом она сама. Ая прошла за турникет, спустилась с крыльца и оказалась на территории жиркомбината. Почти напротив проходной тянулось длинное двухэтажное здание с низким входом. Цех твёрдых маргаринов - прочла Ая на вывеске.

Это название ни о чём не говорило ей. Она решила заглянуть внутрь – это не помешает. Может быть, картины производства, где она проработала много лет, разбудят клетки в глубинах памяти, и она вспомнит этот цех.

Направо у входа в здание она увидела дверь с надписью – Начальник цеха. Заглянула туда. Мужчина в белом халате, сидящий за столом, поздоровался с ней.

-Заходите, Марина Васильевна, - сказал он. – Мы ведь вас потеряли. Расскажите, что случилось, где вы были целый год? Мы знаем, что родственники вас искали, но...

-Извините меня, - сказала Ая, - но я ничего не смогу вам рассказать по той простой причине, что я ничего не помню. Я вот смотрю на здание цеха, на вас – и ничего! Память молчит. Я не могу вспомнить даже собственного сына и себя в прошлом. Даже имя Марина Васильевна для меня чужое.

-Неужели так всё плохо? - удивился мужчина. – Может быть, припомните моё имя. Меня зовут Николай Иванович Дёмин. Я - начальник цеха твёрдых маргаринов. Вот за этим столом - напротив меня сидит технолог цеха Шакова Татьяна Николаевна. Помните её?

-Николай Иванович, и технолога цеха я не помню. Хотя понимаю, что работала, вероятно, и с вами, и с Татьяной Николаевной много лет. Наверняка общались по несколько раз в день. Ничего не помню. И того, что случилось со мной, как я потерялась, где была - вспомнить не могу.

-Может быть, мы пройдем в цех - вдруг память заработает, когда увидите наше родное безобразие.

-Конечно, - согласилась Ая, - пойдёмте. Но, наверное, нужен халат?

-А вот в шкафу висит - ваш, между прочим.

Они прошли в коридор, повернули направо и оказались в производственном помещении. Слева, справа, прямо по курсу - повсюду работали гремящие, дымящие агрегаты, объединённые в линии. В начале каждой линии - огромные баки – смесители. Об этом сообщали надписи, нанесённые краской на оборудование: смеситель водной фазы №1, смеситель водной фазы №2, смеситель жировой фазы, рабочий смеситель. Дальше шли агрегаты, обросшие инеем. На них было написано: «Вотатор №1», «Вотатор №2.» После них тянулась длинная труба кристаллизатора. Наконец, линия заканчивалась автоматом с табличкой ФУМ.

-Что такое ФУМ? – спросила Ая сквозь железный гул цеха.

-Марина Васильевна! Это фасовочно - упаковочная машина. Не помните?

Ая покачала головой - не помнит она ни ФУМа, ни другого оборудования, густо смонтированного в тесном

пространстве цеха. Видно, что цех старый и оборудование тоже.

Людей на линиях также много, как и оборудования. Кто-то, встречаясь с Аей, здоровался с ней. Она отвечала, не показывая вида, что никого не помнит.

Она постояла некоторое время, наблюдая, как из этого железного лязгающего ФУМа, выскакивают бруски маргарина уже завёрнутые в цветной пергамент, как девочки-упаковщицы вручную укладывают эти бруски в картонные ящики. Потом пронаблюдала, как на другой линии идёт фасовка маргарина большими порциями в картонные ящики.

-Это фасовка монолита, - крикнул ей в ухо Николай Иванович. – Помните, как вы писали техпроцесс на эту линию?

Ая посмотрела на него печальным глазом и покачала головой. Если бы она вспомнила хоть что-то, случилось бы чудо. Теперь это стало окончательно ясно. Память заблокирована наглухо.

19.

Ая прошла и по другим цехам жиркомбината. Взобралась на четвёртый этаж колонны дезодорации растительного масла, побывала в цехе мягких маргаринов, наблюдала, как работает линия изготовления шоколадного масла.

Долго лазила по майонезному цеху. Люди здоровались, спрашивали, куда она пропала. Многие думали, что их ведущий технолог лежит в больнице. Ая старалась не показывать свою потерю памяти. Она вела себя так, как будто всё нормально.

Когда Ая прошла в хранилище – холодильник, пришёл гонец от её начальника - первого зам. директора.

-Зубриенко хочет поговорить с вами, - сказал он.

-Хорошо. Где он находится? - Как всегда у себя в кабинете.

-А кабинет где? Меня долго не было, может быть, что-то уже изменилось, - сказала Ая уверенным тоном.

-Нет, ничего не изменилось. Кабинет у него в здании управления на четвёртом этаже.

Ая направилась к проходной - здание управления стояло рядом с цехом твёрдых маргаринов. Она поднялась по бетонной лестнице, окрашенной в синий цвет, на четвёртый этаж, нашла кабинет Зубриенко, постучалась и вошла.

В большой квадратной светлой комнате за письменным столом, придвинутым перпендикулярно другому длинному столу, сидел маленький человек с выдающейся вперёд нижней челюстью. Он явственно напоминал Наполеона. Но это был современный Наполеон, потому что перед ним стоял работающий компьютер.

-Здравствуйте, - сказала Ая.

Человек, молча, указал на стул. Ая села за длинный стол и вопросительно посмотрела на хозяина кабинета.

-Марина Васильевна, - начал он, - мы вас потеряли. Я знаю, что родственники разыскивали вас, но информации не было. Где же вы пропадали всё это время ?

-Боюсь, я не смогу вам объяснить этого, - ответила Ая.- Дело в том, что я ничего не помню из прошлого. Не помню даже себя и своего имени, не знаю, как ваше имя и отчество. Мне кажется, что вижу вас впервые. Как пропала и где была - не знаю. Ни в одном из цехов я тоже не нашла ничего знакомого для себя.

-Ясно, - задумчиво протянул Зубриенко.- Меня зовут Георгий Леонидович. Так что - будем знакомы ещё раз. Что ж, лечитесь, вспоминайте своё прошлое. Главное, надо вспомнить наши технологии, чтобы можно было продолжить работу.

-Спасибо, - сказала Ая, - до свидания! Я постараюсь вернуться на комбинат.

-Удачи! – коротко бросил ей вслед Зубриенко.

20.

Когда Славик убежал в школу, а Павел уходил на работу, Ая оставалась одна. Она не ощущала себя ни матерью, ни женой. И оба мужчины, и взрослый и маленький, чувствуя это, старались ей не докучать. Они понимали – необходимо ждать, пока не проснётся память. Ая готовила обед, стирала, занималась уборкой, рассматривала книги в шкафу, подолгу смотрела на далёкую петлявшую между пологих синих гор Волгу. Но изнутри всё время

предательски пробивалось ощущение, что она чужая в этой квартире, в этом городе и даже в этом мире.

Через неделю они с сестрой снова отправились к врачу. После беседы он предложил активизировать память методом гипноза – хотя бы в состоянии гипнотического сна вспомнить то, что произошло, когда Ая пропала.

-Вы хотите вспомнить то, что с вами случилось год назад, когда вы весенним днём 22 марта отправились на работу?

-Да, я хочу это вспомнить, - уверенно ответила Ая.

-Хорошо. Садитесь поудобнее вот сюда - в кресло. Расслабьтесь. Закройте глаза. Сейчас я буду называть цифры и на счёт «десять» вы крепко заснёте. Готовы? Начинаем.

Ая закрыла глаза и стала внимательно слушать, как врач считает: «Один... Два... Три...»

На счёт «четыре» голос гипнотизёра стал доноситься до неё словно бы издалека. Она как будто погружалась в глубину океана. Голос всё глуше, глуше. И на счёт «Десять» Ая провалилась в какую-то бездну.

Но вот перед глазами возникло светлое пространство, и она услышала всё тот же голос.

-Сегодня 22 марта 2001 года. Раннее утро. Вы вышли из своего дома. Куда вы направились?

- Я вижу, как иду по тропинке вверх – к остановке трамвая. При выходе на улицу Ново-Садовую передо мной останавливается большая красивая иномарка. Что это за машина, я не знаю. Цвет серебристый, форма обтекаемая, похожа на каплю, окна тонированные, номера не вижу. Открывается дверца. Выходят двое мужчин в красивых костюмах, тоже серебристого цвета, и предлагают мне сесть в машину. Я отказываюсь. Они говорят, что довезут меня до моей работы. Берут меня под руки и сажают в автомобиль. Людей вокруг нет, только несколько человек вдали на остановке трамвая.

-Дальше. Рассказывайте дальше, - приказывает всё тот же голос.

-Мы движемся вдоль по улице Ново-Садовой. Вот проехали перекрёсток - пересечение с улицей Советской Армии, вот мы напротив городского парка. Вход в него - на правой стороне улицы. Сам парк занимает большое пространство и простирается до самого берега Волги. Мы въезжаем прямо в ворота и движемся вглубь парка.

Проехали колесо обозрения, едем дальше. Вот уже берег Волги. Я вижу небольшой дом в самом глухом уголке парка. Дом двухэтажный, со всех сторон зарос густыми кустарниками. Мы выходим из машины и пробираемся по узкой тропинке в зарослях карагача, лип и черёмухи.

-Что вы видите теперь? - спрашивает голос гипнотизёра.

-Я вижу высоко резное крыльцо. Дом тоже весь в причудливой резьбе, очень красивый, похож на терем. Мы открываем светлую узорчатую дверь, проходим в коридор. Стены его обшиты некрашеным жёлтым деревом. Кажется, что здесь витает запах смолы и ещё чего-то, похожего на ароматические курения. Может быть, это какой-то храм. Мы открываем ещё одну такую же светлую деревянную дверь и оказываемся в большой, ярко освещённой комнате. Источника света я не вижу. Кругом множество каких-то приборов, пультов, компьютеров. Много незнакомого мне оборудования. Это явно какая-то лаборатория. Вижу двоих людей, одетых в серебристые комбинезоны. Похоже, что это сотрудники лаборатории.

Один из мужчин, которые привезли меня сюда, говорит: «Садитесь, пожалуйста. Мы хотим предложить вам уникальный эксперимент. Не подумайте, что это розыгрыш. Мы - генетики. Наша лаборатория - это последнее слово науки. Если вы согласитесь, мы опробуем на вас новую технологию ускоренного создания клона. Для этого вам должны ввести гостевой ген. Вот этот ген, программирующий ускоренный рост потомства, в нашем случае этот будет клон, который мы хотим вырастить из вашей клетки, и нужно ввести в организм. Не бойтесь. Мы давно работаем над этим и выяснили, что лично вам это не причинит никаких неудобств. Смотрите на монитор - сейчас мы покажем, что происходит с организмом, когда в него вводится такой ген».

Я смотрю на монитор. Там один из сотрудников лаборатории набирает в шприц «культуру гостевого гена» – это надпись на пробирке. Он вводит эту культуру обезьяне – шимпанзе. Далее на экране видно, как гостевой ген в виде активного шарика внедряется в клетки шимпанзе, растворяется в клеточной жидкости и исчезает. Обезьяна живая и здоровая кушает банан. Вот эта же обезьяна через

три, пять, десять лет. Ни в крови, ни в других органах её нет никаких изменений.

А вот сотрудник лаборатории берёт у этой обезьяны яйцеклетку, помещает в капсулу и стимулирует программу её развития - это сообщается текстом на мониторе. Через некоторое время в капсуле уже видна делящаяся клетка. Тот же сотрудник лаборатории изымает её из капсулы и помещает в законное, отведённое природой место - то есть пересаживает обезьяне – матери. - Что же дальше? - спрашивает голос врача.

-На мониторе хорошо видно, как яйцеклетка прикрепляется к плаценте. Начинается развитие плода. Текстовым сопровождением сообщается, что развитие плода в таком эксперименте ускоряется в десять раз. Далее показано, как рождается детёныш обезьяны и как он за один месяц становится взрослой самкой. Так работает гостевой ген.

Мужчина в серебристом одеянии говорит мне, что я смогу получить собственный взрослый дубль, то есть своего двойника, всего за восемь месяцев после его рождения. А для вынашивания плода потребуется только один месяц.

Я спрашиваю у них, почему выбрали меня. Один из них отвечает: « Ваш организм не имеет отрицательных отклонений. Именно это и является главным фактором в эксперименте. Думайте, если согласитесь, мы начнём. Вы ничего не потеряете, даже наоборот приобретёте - появится на свет ваш двойник или ваша дочь, если захотите так считать. Вся работа будет хорошо оплачена. Этой суммы вам хватит, чтобы полностью изменить свою жизнь и жизнь близких. Сын у вас уже есть, других детей не будет. Вам и вашим родственникам ничего не грозит».

-Могу я позвонить домой, сообщить, где я?

-Пока нет. Мы сами это сделаем, если вы согласитесь остаться в лаборатории. Мы всё объясним вашим родственникам.

-Что же было потом? - спрашивает голос гипнотизёра.

-Я думала целую неделю, потом согласилась. Очень хотелось заработать. И всё произошло именно так, как мне показали на мониторе.

-А сейчас вы при слове «ноль» проснётесь, - услышала Ая голос врача. – Я начинаю обратный счёт. Десять... Девять...

Ая проснулась, открыла глаза и увидела свою сестру Рину и врача.

-Как вы себя чувствуете? - спросил он.

-Хорошо.

- Вы помните то, что видели во время сна?

- Нет, - прислушавшись к себе, сказала Ая.

-Ничего. Мы выяснили уже многое. На следующем сеансе узнаем остальное. А сейчас вам нужно отдохнуть. Придѣте ко мне завтра.

21.

Ая с сестрой вышли на улицу. Ярко светило солнце. Почки на деревьях уже были готовы раскрыться. Звонко перекликались синицы, суетились воробьи, слышен был и новенький голос скворца. Ая шла медленно. Она всё ещё ощущала себя как бы в полусне.

-Ты можешь рассказать мне, о чём я говорила в состоянии гипноза? - обратилась она к Рине.

-Ты знаешь, доктор пока просил ничего тебе не сообщать. Завтра он закончит свои сеансы и тогда решит, что делать. Давай подождём. Мы должны его слушаться, чтобы не навредить тебе.

-И всё-таки, о чём же я говорила? Что произошло год назад?

-Марина! Подождём до завтра. Врач сам тебе всё скажет. Не обижайся на меня. Я дала ему слово молчать.

-Ладно, - согласилась Ая. – Будем ждать.

Когда они вернулись домой, Ая прилегла на диван и уснула крепким младенческим сном. Проспала до самого вечера – так подействовал на неё сеанс гипноза.

Она видела, как стоит на берегу Волги - на высоком холме. За спиной в густых зарослях витает плотный аромат черёмухи, цветущих яблонь, поют диковинные птицы, сияя радужным оперением. Вот из белых черёмуховых облаков появляется Бог в серебристом одеянии. Он берёт её за руку и они летят, свободно паря над ширью реки, вдыхая запах её медленных вод. Они летят над вершинами пологих гор, сплошь покрытых лесными зарослями. Полёт продолжается долго, пока солнце не расплывается малиновым заревом,

окрасив полнеба разными тонами розового, пурпурного, сиреневого цвета.

22.

-Продолжим наш сеанс, - сказал доктор. – Приготовьтесь. На счёт «десять» вы заснёте, но будете постоянно слышать мой голос и выполнять мои команды. Начали. Один... Два...Три...

Ая снова провалилась в глубокую бездну. Через некоторое время перед глазами её возник светлый экран.

-Вчера мы закончили наш сеанс на том, что вы согласились на генетический эксперимент. И всё, что вы видели на экране монитора в лаборатории, было опробовано на вас. Что произошло дальше?

-У меня родилась девочка - очень красивый ребёнок. Это и был мой клон. Я кормила её своим молоком две недели. А потом уже не было надобности в этом. Девочка быстро росла. Каждые две недели равнялись примерно полуторам годам жизни обычного ребёнка. И так продолжалось до тех пор, пока её биологический возраст не сравнялся с моим. Через одиннадцать месяцев после рождения нас уже было невозможно различить по внешнему виду. Но жизненный опыт, то есть объём информации, заложенный в хозяйку и её клона, конечно, сильно отличался.

-Вы любили свою дочь? Или вам легче называть её клоном? - услышала Ая голос гипнотизёра.

-Я любила её, но и боялась. Не знаю почему, но страх время от времени вдруг накатывал на меня. Наверное, это оттого, что слишком быстро росла эта девочка. Что-то неприятное было в этом, что-то тревожное. Вела она себя как и полагается ребёнку, но только до того дня, когда создатели клона решили внести в её мозг программу стандартных знаний. После этого она за один день стала взрослым человеком. И мы в буквальном смысле превратились в двойников. Различие заключалось только в том, что она не имела знаний о моём прошлом. У экспериментаторов была разработана программа внесения клону стандартного набора знаний. Внести чужой индивидуальный опыт человека в сознание клона они пока не могли.

-Как вы назвали свою клонированную дочь? - спросил гипнотизёр.

-Я назвала её Ая.

-Тогда ответьте, кто вы - Марина Жарптица или клон по имени Ая ?

-Я - клон. Меня зовут Ая. Марина Жарптица - это моя мать – хозяйка.

-Где находится Марина Жарптица?

-Она осталась в лаборатории.

-Сейчас на счёт «ноль» вы проснётесь. Будете чувствовать себя хорошо и бодро. Начинаю обратный счёт: Десять... Девять... Восемь...

23.

Ая очнулась от гипнотического сна. Перед ней стоял доктор. В отдалении на стуле сидела Рина.

-Как вы себя чувствуете? - спросил врач.

-Хорошо, - ответила Ая.

- Голова не болит?

-Нет. Сегодня мне намного лучше, чем вчера.

-Ну, что ж, я думаю теперь уже можно кое-что рассказать вам. Вы готовы выслушать?

-Говорите же. Я хочу всё знать, - заторопилась Ая.

-Ну, во-первых, вас, действительно, зовут Ая и вы – не Марина Жарптица.

-А кто же я? Где родилась? Кто мои родные?

-Не удивляйтесь, но вы - клон. Вы - клонированная дочь Марины Жарптицы. Рина - это ваша тётя, а не сестра. Мать Рины и Марины - ваша бабушка. Сын Марины Жарптицы - это ваш родной брат. Он старше вас, хотя по возрасту ещё мальчик. А вы младше его, хотя по виду - взрослая женщина. Муж Марины – это ваш отец. Хотя, что я говорю... У вас же нет биологического отца. Сейчас понятно, почему вы не помните прошлого. Потому, что это прошлое не ваше. Ая молча смотрела то на доктора, то на Рину, стараясь уложить услышанное в своё сознание.

-Вы ещё обдумаете всё, что узнали. Рина расскажет вам детали. А я думаю - мне нужно обратиться в милицию. Они должны попасть в эту лабораторию и во что бы то ни стало найти Марину, - сказал врач.

-Конечно, - отозвалась Рина. – Вы правы.

По дороге домой Рина рассказала Ае всё, что услышала во время сеанса. Ая, потрясённая, молчала. Значит, она - не настоящий человек, а всего лишь клон. Что такое клон? Может ли такое создание жить обычной жизнью? Что произойдёт с ней со временем? На эти вопросы не ответит никто, даже, наверное, сами экспериментаторы. А может быть, Ая уже не первая? Ведь таких случаев, когда люди находят себя где-то в незнакомом месте и не помнят, кто они, кто их родственники - таких случаев уже много.

И где сейчас её мать - Марина Жарптица? Почему она не вернулась? Ей же обещали заплатить за этот эксперимент и отпустить домой, к родным? И почему Ая помнит, как Марину увезли в лабораторию – откуда ей это известно? Может быть, даёт о себе знать клеточная запись стрессовой информации? Эта мысль сама собой возникла в голове, словно кто-то подсказал её Ае.

Что она должна делать сейчас - ведь никакой профессии у неё нет. Значит, нужно учиться. Нет никаких документов – ни об образовании, ни о рождении. Видимо, экспериментаторы рассчитывали, что все будут считать Аю Мариной. Но тогда они и не планировали вернуть Марину домой, а просто обманули её. Где же она сейчас? Жива ли?

Всё это обрушилось на Аю, как снежная лавина. Мысли метались в голове, словно их носило ветром. Нет, нужно успокоиться. Сейчас главное - попытаться найти Марину. Тогда у Аи будет свидетель. А пока эта информация не будет принята всерьёз ни одним человеком. Кроме её родных, конечно. Они-то знают Марину и смогут сейчас определить, что Ая - это другой человек.

Врач позвонил в милицию, встретился с оперативником Ивановым, который некоторое время занимался поисками Марины Жарптицы, рассказал ему всё, что выявилось на сеансах гипноза. Оперативник старательно составил протокол и сказал:

-Мы съездим в этот парк на Ново-Садовой и проверим, что там находится. Если эта лаборатория действительно существует, мы найдём Марину Жарптицу. А если лаборатории нет, то дело придётся закрыть. Вашу пациентку будем считать Мариной. А вам придётся её лечить от потери памяти.

-Давайте сначала всё же проверим - есть ли такая лаборатория, - сказал доктор.

-Да, конечно. Это не займёт много времени. Скорее всего, завтра мы проведём выезд на место и сообщим вам результат.

26.

Милицейский УАЗик пробирался по узким асфальтированным дорожкам городского парка в направлении берега Волги. Слева и позади осталось колесо обозрения, качели, торговые киоски и уличное кафе с яркими игрушечными стульчиками и такими же столами. Дорожка ушла вправо, и УАЗик стал спускаться с пологой горки на берег реки.

Дорожка уперлась в густую стену кустарников и деревьев. Оперативники вышли из машины, сгибаясь, стали пробираться по узкой тропинке к дому, крыша которого возвышалась над зарослями.

За живой зеленой стеной они увидели небольшой двухэтажный дом, со всех сторон окружённый кустами карагача, липами и черёмухой.

Высокое резное крыльцо. Дом тоже весь в причудливой резьбе, очень красивый, похож на терем - всё так, как и рассказывала женщина под гипнозом.

Оперативники открыли светлую узорчатую дверь, прошли в коридор. Стены его были обшиты некрашеным жёлтым деревом. Здесь витал запах смолы и ещё чего-то, похожего на ароматические курения. Действительно, похоже на какой-то храм. Нажали на блестящую кнопку, расположенную рядом со светлой деревянной дверью. Через минуту (в это время казалось, что кто-то рассматривает их) дверь открылась, и они оказались в большой, ярко освещённой комнате. Кругом множество каких-то приборов, пультов, компьютеров.

-Да, гипноз - великая вещь! - сказал оперативник Иванов. – Есть тут кто-нибудь?

Из боковой комнаты вышел мужчина в серебристом комбинезоне.

-Слушаю вас, - вежливо обратился он к непрошеным гостям.

-Лейтенант Иванов. Я занимаюсь делом о пропаже молодой женщины Марины Жарптицы. По некоторым сведениям она должна находиться в вашей лаборатории. Предъявите свои документы и сообщите нам всё, что вам известно по этому делу.

-Вот мои документы. Я - Демьян Демьянович Плутон, доктор экологии. Наша лаборатория занимается только проблемами экологии планеты и в том числе - бассейна Волги. Вот документы о регистрации, аккредитации, о постановке на учёт в налоговых и всех других контролирующих органах. Что касается пропавшей женщины, то я впервые слышу об этом от вас. Вы можете осмотреть все помещения лаборатории. Здесь идёт обработка и анализ проб воды, почвы, воздуха, растений, минералов и многого другого. Здесь находятся только наши сотрудники. Посторонних нет.

-Мы воспользуемся вашим разрешением, - сказал Иванов. - Проведите нас, пожалуйста, по всем помещениям лаборатории.

27.

Оперативники старательно осмотрели все рабочие и вспомогательные комнаты в доме. В каждой из них работало по два сотрудника. Одеты все были в такие же серебристые комбинезоны, как и доктор Плутон. Каждый вежливо отвечал на вопросы оперативников. Все дружно отрицали своё знакомство с пропавшей Мариной.

-У нас нет сотрудников - женщин и не было никогда. Доктор Плутон предпочитает работать с мужчинами. Он считает, что мужской интеллект больше подходит для научной работы, - утверждали все одно и то же.

Лейтенант Иванов, убедившись, что в здании нет ничего подозрительного, извинился и отправился со своими сопровождавшими восвояси. Они выбрались из зарослей в парк, подошли к УАЗику и закурили.

-И всё-таки, есть что-то странное в этой лаборатории. Может быть, это оборудование? Здесь много таких приборов,

которых я никогда в жизни не встречал. Конечно, я не учёный, но бывать в разных научных учреждениях мне доводилось. Был и в космическом центре, но ничего подобного я не видел даже там. Неудобно было расспрашивать, что это за агрегаты - такая информация вроде бы к делу не относится. Эх, специалиста бы сюда послать!

-Зачем тебе это надо! И так всё ясно - женщина потеряла память, заблудилась, а теперь нашлась. Её лечить надо, может, и вспомнит всё, - сказал весёлый сержант Вася Сизый.

- Может быть, ты и прав, - задумчиво пробормотал Иванов, - но странная лаборатория всё-таки!

-Закрывай дело, и брось голову ломать – женщина ведь нашлась, - улыбнулся Сизый.

-Так – то оно так. Придётся на том и успокоиться. Выставлю наблюдателей дня на три – если ничего нового не обнаружится, закрою дело. Поехали!

28.

Дело о пропаже Марины Жарптицы было закрыто. Но Ая не теряла надежды найти свою “мать”. Она постоянно ловила себя на том, что внимательно всматривается во все встречные лица. В глубине души жило ожидание чуда. Она много раз приходила к тому терему на берегу Волги, сидела там, наблюдая за всем происходящим в окрестностях. Пыталась говорить с сотрудниками лаборатории, но ничего не добилась.

Наконец, решила, что не стоит больше этого делать. Ведь её рассказ мог быть простой фантазией, сказкой, нарисованной сознанием под гипнозом. Скорее всего, так и было.

Ая шла по тропинкам осеннего парка, удаляясь от терема-лаборатории. Добралась до остановки, села в маршрутную «Газель». На сиденьях дремали только два пассажира. Ая смотрела в окно заднего вида. Маршрутка резво бежала по Ново-Садовой. Асфальт дорожного полотна, многоэтажные здания, цветные вывески магазинов, грибки торговых точек, суесящиеся люди – всё это плавно и быстро уносилось прочь от бегущей машины, легко заменялось другими картинками, словно стираясь навсегда. Какая-то

странная магия рождалась и притягивала взгляд к этому стремительно убегаящему и исчезающему миру. Казалось, что маршрутка вместе с пассажирами несётся в жерло некоей чёрной дыры, где неизбежно превратится в точку.

И вдруг Ая поняла, что она обычный человек, потерявший память. Сознание стёрло её прошлую жизнь вот так же, как сейчас при движении маршрутки легко исчезала, стиралась одна картинка за другой. Она поняла и причину того, что произошло. Её сознание долго не хотело принимать ту действительность, в которой приходилось существовать.

И сразу же Ая вспомнила свои детские мечты. Она, худенькая девочка с большими белыми бантами в тугих косичках, воображала себя принцессой в золотых нарядах. Принцесса жила, именно *жила*, в огромном замке на берегу океана. Больше всего на свете она любила вот это огромное южное небо, вечную песнь живого океана и неоглядную лазурную даль, куда вечером пряталось солнце. С возрастом мечты потускнели, яркая волшебная картина погасла. Но сознание, видимо, не смирилось с этой потерей. И вот в один из самых тяжёлых дней, когда заболел сын, а оставить его было не с кем, случились неприятности на работе, когда отбыл в очередную командировку муж, стало казаться, что выхода нет. Ая вспомнила то жуткое состояние паники, тупика и как она собралась уехать из города. А дальше – провал.

-Значит, я – Марина. Ая – это маленькая принцесса из той, детской мечты. И она, похоже, спасла меня в трудную минуту. Она увела меня в какой-то другой мир, открыла дверь там, где, казалось, не было выхода.

ИСТОРИЯ АНТИХРИСТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу Истории Антихриста положены реальные персонажи - это небезызвестная Мария Деви Христос и женщины с Алтая, из которых одна объявила себя дочерью Люцифера, желающей показать людям истинный, светлый образ своего Отца, а другая объявила себя Христом.

В повести показано, как Антихрист, действуя под маской Христа, искажает Евангелие.

*История Антихриста должна быть
зеркальным антиподом Истории Христа
Из высказываний о. Артемия*

ИСТОРИЯ МАРИИ

1.

В день её рождения не грянули громы небесные, но тихо-тихо упал с берёзы первый жёлтый лист - родилась она под знаком Девы. Ярко сияли звёзды, приветствуя ночное дитя.

Родители её Аким и Анна сами не поняли, радоваться им или печалиться, а никто из посторонних не объяснил этого. Выпили Аким и Анна по одной, продолжая привычный процесс, положили дочку на мягкие постели да и забыли про неё.

Так что люди, пришедшие отобрать младенца по причине лишения Акима и Анны родительских прав, почтенными родителями замечены не были, как и пропажа любимой дочки.

И поехала Дева Мария с чужими людьми в дальнюю дорогу на гремящем автобусе - в большой город, в неродной дом...

2.

Так Мария попала в детдом, где она и воспитывалась до восемнадцати лет, страстно мечтая однажды послать всех

детдомовских добрых мам туда, откуда они и прибыли, по её мнению, на поверхность Земли.

Наконец, её желание исполнилось – в восемнадцать лет отправили Марию из детдома в большую жизнь, и стала она жить самостоятельно, зарабатывая на хлеб, как получится.

Постепенно Мария поняла, что легче всего получить кусочек хлеба с маслом от щедрых любовников. Но мечты её простирались дальше - до приобретения надёжного источника средств, коим мерещился неведомый пока законный муж.

3.

И подвернулся, и посватался в то время к Марии один незавидный мужичонка по имени Еська. С лица воду не пить, подумала мудрая Мария, да и согласилась за него замуж, имея в виду свои мечты о надёжном куске хлеба. Еська на обещания не скупился. Слова денег не стоят, думал хитрый бедолага, а баба - она всегда в хозяйстве пригодится.

Так они, желая использовать друг друга, сыграли роль молодожёнов. Свадьба удалась на славу – гуляли весело и шумно. Съедено и выпито было немало, ещё больше спето песен и сказано тостов. И гости, и молодые, довольные и счастливые, гудели три дня. Потом началась семейная жизнь.

Однако, очень скоро Мария поняла, что Еська и сам хлеба не добывает, и ей мешает, распугивая любовников своим законным видом.

Ума Марии было не занимать, поэтому быстренько ушла она от Еськи, не побоявшись ничьих пересудов, и стала жить своим вольным домом, знакомясь с кем следует, пуская в дом того, кого Бог послал для увеличения прибыли в имуществе.

Лучшей её подружкой и правой рукой в делах стала соседка - Елизавета Предтечина.

4.

Однажды Елизавета, выпив лишнего, вдруг услышала как бы голос, как бы ангельский, который сказал:

- Пора тебе, Елизавета, сына родить.

-Вот ещё, - возмутилась Лиза, - зачем он мне нужен!

И как ей показалось, тем дело и кончилось. Однако, надо помнить, что Голоса - дело серьёзное и противное. Без причины даже чирей не вскочит - а тут такая весть, да прямо в уши!

5.

На шестой день после ссоры с любовником вострубил звонок в прихожей. Мария, запахнув махровый халат, открыла дверь. Там, благоухая словно самогонный аппарат, стоял дед Гаврилка.

-Радуйся, благодатная, Господь с тобою! Благословенна ты между жёнами,- сказал Гаврилка с тайной надеждой.

- У меня пусто! - предусмотрительно перебила его Мария.- Да не забудь - ты мне должен полбутылки. Когда отдашь?

-Когда родишь, - невнятно буркнул Гаврилка.

-Ладно, шутник, иди гуляй, пока я добрая! – Мария хлопнула дверью перед носом наглого старика. - Пойти что ли к Лизке - у неё точно должно остаться после вчерашнего. Ну, Гаврилка - совсем крыша съехала у старого!

6.

-Привет, Лизок! Выпить осталось? - бодро спросила Мария через порог.

-Заходи, глотнём помаленьку, - улыбнулась Лиза. – Уборочку сделаем, разгребём всё безобразие и выпьем по глоточку с кофейком.

Через час в уютной кухне уже пахло кофе, налито было вино в бокалы. Девушки, хлебнув по глотку за хорошую жизнь, разрумившись, продолжали свою интересную беседу.

-Знаешь, - сказала Лиза загадочно, - кажется, я залетела.

- Как это? По-настоящему ?

-Настоящее не бывает. Протянула время , а теперь поздно - рожать придётся.

-С чем я тебя и поздравляю! - объявила Мария. - Слушай, и мне дед Гаврилка накаркал то же, хрен старый! Шуточки у него с ранья!

Звенят бокалы, пахнет свежим кофе - гуляют девушки!

Суд да дело - полдня пролетело. А там и месяцы прошли.

РОЖДЕНИЕ ВАНЕЧКИ ПРЕДТЕЧИНА

Не успела Лизка оглянуться, как пришла пора - грянул гром, и отправилась она в роддом.

Лизка легка на подъём - ей собраться, что голому подпоясаться - вот и отбыла, да и родила пацана. Имя дала ему Иван.

Сначала хотела в честь отца своего назвать Захаром, да вспомнила, что папаша гулял часто, гонял мать да куражился, в общем, зловерный был мужик. Вот и стал младенец Ванечкой, хотя в Лизкином роду Иванов не встречалось.

-Ванечка Предтечин! – хорошо звучит, думала Лизка. – Интересно, как там Машка родит? Надо же, дед Гаврилка накаркал, и как в воду смотрел! Убогий, убогий, а глаз у него – алмаз! Ладно, не моё дело. Главное, чтобы Ванечка счастливым рос, - мечтательно сказала вслух Елизавета.

ИСТОРИЯ ХРИСТИ

1.

Ох, недаром Елизавета в роддоме про Марию вспомнила! Мария на сносях в деревню поехала. Стоит Мария у стога сена, дёргает клочки для коровы - тут и началось всё! Да так быстро события развивались, что родила она прямо у стога - в хлеву. Хорошо - родственники набежали, помогли, а то бы - труба!

А родила Мария девочку – белобрысую, длинную да костлявую. Тут бабка Анжела возьми да и ляпни:

-Вот радость-то? Спасительница родилась. Теперь забудешь, как любовников в дом таскать.

-Заткнись, старая, и так тошно! – объявила Мария.

-Христей, Христей назови – хорошее имя, полезное! – не унималась бабка.

-Без тебя знаю! – заявила счастливая мамаша.

Однако, бабкино имя так и прилипло, словно тут и было. Христя - и только! Так и осталось.

2.

Все три любовника Марии были люди учёные: один - астролог, другой - астроном, третий - уфолог. В тот день, когда родилась Христя, они увидели на небе новую необыкновенную звезду, которая двигалась с большой скоростью, приближаясь к Земле, и наконец, стало видно, что это металлическое светящееся тело, по краям которого светились иллюминаторы, а в носу горел мощный прожектор.

-НЛО, - подумали разом все три любовника Марии, хотя находились в разных местах, и наблюдали объект с разных точек. На голубоватом борту НЛО зажглась надпись: Родился Царь - Князь Мира сего.

Любовники сразу подумали о своей подопечной - она не сегодня-завтра должна была родить. Но, теща свой научный интерес, каждый из них побежал звонить в столицу в уфологический центр, чтобы сообщить о необычном явлении и передать информацию о Рождении Князя Мира сего.

Однако, уфологи в столице ничуть не удивились - сообщений об НЛО поступало к ним великое множество и каждый день.

После этого каждый из любовников - и Гаспар, и Мельхиор, и Валтасар - собрались ехать поклониться младенцу.

И хотя находились они в разных местах, перед каждым из них появился тот самый НЛО, и летел впереди, показывая дорогу к Христе.

Любовники Марии встретились перед домом, над которым завис НЛО. Войдя в дом, увидели они младенца и его мамашу. Каждый из них привёз с собою подарки - шампанское и конфеты, подгузники и пистолеты, автомобильчики и ракетные установки. Своими дарами мудрые мужи хотели показать, что хотя и родилась девочка, но это не значит, что она не Князь Мира сего.

-Царь волен иметь любой облик, - заявил Валтасар.

-То Царь, то Спасительница! - возмутилась Мария. - Несёте чёрт-те что! Но всё равно - спасибо за подарки! Отметим рождение дочки.

Тут припомнился ей муж - бедолага Еська.

-Где-то теперь этот непутёвый! Так и не узнает, что у меня дочка родилась.

Но ошиблась Мария - слухом земля полнится, и Еська уже знал о прибавлении в его бывшем семействе. Был он в это время в пути, потому что странный голос сообщил, что он – Еська - в сороковой день после рождения должен понести младенца в церковь и получить благословение от нищего Семёна, что собирает деньги на пропой на паперти.

3.

Нищий Семён всем говорил, что пьёт он горькую уже лет триста. И что пора ему на покой, но до этого должен он увидеть Князя Мира сего. Никто не слушал его безумных речей, но в тот день, когда Мария и Еська подошли к церкви с Христей, Семён взял её себе на руки и сказал: “Теперь ты, Владыко, отпустишь меня, раба твоего, из этой жизни в другую, потому что глаза мои увидели Князя Мира сего, и то, что ты приготовил для всех людей”.

Мария и Еська удивились словам Семёна, но ещё больше удивились они предсказанию о младенце.

-Вот из-за него будут спорить в народе, - сказал Семён, - одни спасутся, а другие погибнут. А тебе самой оружие пройдёт Душу.

Тут же у церкви стояла попрошайка Анна восьмидесяти четырёх лет, и она узнала Царя – Князя Мира сего и пошла рассказывать о его пришествии на Землю. Но так она грязна была, оборвана, что люди шарахались при виде её, и никто не понял, о чём хочет сообщить им эта старушка - нищенка.

4.

Как-то так вышло, что весть о рождении Князя Мира сего, которую Валтасар, Гаспар и Мельхиор передали по телефону в столицу, всё-таки не осталась незамеченной и дошла до Верховного.

-Что ещё за Князь? Кто такой? – спросил Верховный.- Никаких Князей, кроме меня не может быть. Откуда весть пришла ?

-Все телефонные звонки из одного места - города-крепости Бобыргана.

-Всех юношей из этой местности отправить на войну! Пусть пороху понюхают, - приказал Верховный. Он, конечно, не знал, что Князь Мира родился в облике девочки.

По приказу Верховного многие тысячи юношей были посланы на войну в чужую страну, погибли там или были ранены. Повсюду раздавались вопли и крики матерей, которые неутешно плакали о своих детях, невинных мальчишках, погибших по приказу Верховного.

В это самое время непутёвая мамаша решила оставить новорождённую дочку у бабушки и уехать на край света - на Дальний Восток - в поисках счастья, то есть богатого жениха. Уехала Мария, надеясь на скорое возвращение с богатым мужем - капитаном дальнего плавания, а между тем война, затеянная для гибели народившегося Князя Мира, продолжалась, и умножались жертвы, положенные на алтарь его. В общем, время бежало своим чередом. Но Мария не вернулась к своей дочке, потому что новые любовники требовали внимания и не торопились становиться мужьями. Некогда было ей вспомнить о своей дочурке. Посещали Христю иногда только учёные мужи – Валтасар, Гаспар и Мельхиор. Они объяснили ей, кто же она на самом деле.

Так и росла Христя у бабушки, укрепляясь Духом в борьбе с сиротством. С самого раннего детства показывала она необыкновенную сообразительность. Например, когда бабушка пригласила детей на её День Рождения, то именинница плюнула в горшок с пельменями так, чтобы все это видели. Дети отказались есть пельмени и они достались Христе.

5.

Бабушка Христи каждый год ездила на праздник Пасхи в Храм Божий. Когда Христе исполнилось двенадцать лет, бабушка взяла её с собой в Храм. По окончании праздника, бабушка, подъезжая к дому, стала искать Христю в толпе, думая, что она где-то в трамвае вместе со всеми. Но Христи нигде не было. В сильной тревоге бабушка поехала обратно и нашла Христю, беседующую со священником.

Она внимательно слушала, что он говорил, задавала вопросы и отвечала, когда священник что-то спрашивал. Необыкновенный разум Христи, её ответы и странные речи повергли священника в изумление.

Бабушка подошла к ним и сказала:

- Что ты, Христя, делаешь - я же потеряла тебя.

На это Христя ответила :

-Зачем тебе искать меня ? Разве ты не знаешь, где мне должно быть, чтобы знать поле битвы моей?

Этими словами Христя показала, что она не та, какую выглядит, что она и есть Князь Мира, пришедший на Землю для великого дела, которое и поручил ей Отец её – Люцифер. Ни бабушка, ни священник не поняли тогда этих слов.

После они поехали домой, и Христя продолжала жить с бабушкой в сиротстве, трудах и борьбе за существование - так Отец её учил своё чадо для будущих великих дел. Постепенно Христя поняла, что многое может – может читать мысли людей, если захочет, и владеет гипнозом.

Через некоторое время вернулась и мать её Мария, которая растеряла всех своих любовников, постарела и решила посвятить себя дочери. Но Христя прекрасно знала, кто её настоящий родитель, поэтому отнеслась к приезду мамы весьма равнодушно.

6.

Ванечка Предтечин, сын Елизаветы, с ранних лет был предоставлен самому себе - жил как в пустыне. Елизавета занималась собой, было ей не до сына. Часто дома и поесть –то было нечего - хоть акридами питайся.

Когда исполнилось Ивану тринадцать лет, влюбился он в Христю и скоро понял, кто она на самом деле. Это объяснили ему всё те же Гаспар, Мельхиор и Валтасар. Понял Иван свою роль и стал возвещать везде, что в скором времени люди будут свидетелями явления Князя Мира сего.

-Сочтите грехи свои, потому что приблизилось Царство Его, говорил он. И эти слова означали, что явится скоро Некто, кого все примут за Спасителя, и будет он призывать в Царство Своё.

Время пророков ещё не наступило – Иван был первым из них, поэтому народ, услышав о нём, собирался послушать слово его и по телевидению, и в больших залах.

Кто верил его словам и не боялся назвать грехи свои, того Иван принимал под защиту Князя Мира и учил их разным приёмам - как стать ясновидцем, как лечить людей руками, как лечить их словом .

Пройдя обучение, каждый получал документ о принадлежности Князю Мира (свидетельство об окончании магических курсов).

Многие думали, что Иван и есть тот самый Князь Мира, но он объяснял, что вслед за ним идёт сильнейший, у кого он, Иван, не достоин развязать даже ремень на обуви:

- Я учу вас ясновиденью, а он будет осенять вас Духом своим и Огнём.

Идея Ванечки Предтечина о Мессии очень понравилась Христе. Это то, что мне нужно для великой карьеры, думала мудрая отроковица.

7.

-Привет, Ванёк! - помахала рукой нарядная Христя.- Ну, ты просто Предтеча какой-то! Работаешь классно! Так держать, дорогой! Надо только усилить рекламу. Выдашь мне своё свидетельство, а я проведу сеанс гипноза.

Некоторое время Христя смиренно ходила на Ванечкины занятия, как прилежная ученица. Пришло время выдавать Свидетельства об окончании курсов. Ванечка поздравил Христю с успешным окончанием обучения и присвоил ей звание магистра белой магии.

Раздались аплодисменты, и тут все увидели сияние над головой Христи и услышали голос: « Сей есть сын мой возлюбленный, в котором моё могущество!»

Ванечка упал на колени и провозгласил: “Дух Князя Мира осенил нас!” После этих событий слух о школе Ванечки Предтечина пошёл по всей стране.

8.

-Ванечка, я исчезаю на сорок дней, - отдавала указания Христя. - Мы должны блюсти форму - Иисус сорок дней был в пустыне. Ты тут без меня не теряйся - трудись, люди должны всё время получать новую информацию, чтобы про нас не забывали. Ну, гуд бай! Я полетела.

Сорок дней и сорок ночей никто не видел Христю – даже Ванечка, её основной любовник.

Через сорок дней Христя в белом платье пришла на берег Катуня, где Иван проводил занятия. Увидев её, Иван сказал: “Вот Спаситель Ваш, Князь Мира – Новый Христос!”

И рассказала Христя людям, как сошёл на неё с небес Дух в виде сверкающего НЛО и забрал её в пустыню на

сорок дней и ночей. Три дня и три ночи она ничего не ела. И тут приступил к Христе Господь, и убеждал её отказаться от магии и того могущества, которое она даёт всем, окончившим школу Ивана Предтечина. Но Христя не поверила, что это Господь и не отказалась от своих талантов.

-Если ты Господь, - говорила ему Христя, - покажи мне чудеса Господни, тогда я поверю тебе.

-В писании сказано - не искушай Господа Бога твоего, - ответил тот, кто называл себя Господом. После этого он поднял Христю на высокую гору, показал ей Райские Кущи и сказал: «Откажись от магии и всё это я дам тебе!»

Но Христя снова не поверила ему и ответила так: «Пока кроме слов ты ничего не дал мне!» И тогда тот, кто называл себя Господом, отступил от неё.

И вот Христя снова здесь, чтобы быть вместе со всеми и с помощью знаний, которые они получили в школе Ивана Предтечина помогать людям во их спасение.

Многие после этого присоединились к Новому Христу, чтобы вместе с ним творить чудеса. Среди них первым был Андрей, которого Иван назвал Первозванным. Потом пришли Пётр и Филипп - бывшие любовники Христи. Ещё одного своего будущего любовника Христя искала специально - ей нужен был юноша с именем Нафанаил. Узнав, что она и есть Новый Христос, они хотели помогать ей, ибо чувяли, что дела разворачиваются большие.

И Христя, разъезжая со своими помощниками по городам и весям, творила много дел необычных, хотя многие и сомневались в чудесной природе этих дел. Кто-то утверждал, что это гипноз, а кто-то утверждал и худшее, подозревая Христю в использовании наркотиков для своей паствы.

Но Христя шла своим путём, не взирая на клеветников, ибо не страшны они для Князя Мира. Всё покупается и продаётся, считала Христя.

После явления народу Христя решила подкрепить свою славу совершением чудес. Она была приглашена на свадьбу - её подруга выходила замуж. Вина и водки было столько, что невеста забеспокоилась, как бы гости не перепились и штабелями не уложились. Зная способности Христи в гипнозе, подруга попросила помощи.

Внимание! - провозгласила невеста, - Сейчас вы увидите чудо! Она откупорила бутылку водки, налила стопочку и поднесла одному из гостей. Тот попробовал и сказал : «Хороша, проклятая !» После этого невеста налила ещё стопочку из той же бутылки и поднесла второму гостю. Он попробовал и воскликнул: « Да это газировка!» Удивились гости и стали пробовать каждый по стопочке. Но во всех оставшихся бутылках , действительно, оказалась газировка.

Так Христя, как и Христос, начала путь свой и явила силу свою. Правда, гости, которые пили «газировку», уже дома опьянели так, что три дня протрезветь не могли

9.

Приближался праздник Пасхи. Христя, придерживаясь Евангелия, решила явиться на праздник в храм. Войдя внутрь, она увидела, что там полно народу и идёт служба.

Никто не обернулся, не обратил внимания на Христю. Тогда она прошла в первый ряд и громко сказала:

- Здесь нечего делать молящимся, потому что это Дом Торговли и Отца Моего.

Увидев и услышав это, служители церкви стали спрашивать у Христи :

-Каким знамением докажешь нам, что имеешь власть так поступать?

Христя ответила им словами Христа: «Разрушьте этот храм и я в три дня воздвигну новый!»

- Никто, кроме Господа не имеет права говорить так! – пытались вразумить её священнослужители.

- Раз я говорю это, значит я здесь! – объявила Христя.

Люди, услышав такие слова, крестились и говорили: «Чур меня, чур!» Но некоторые засомневались - а вдруг эта женщина и вправду Мессия.

Указав на них, Христя заявила : «Вот голос народа моего!»

Оставив в недоумении людей, Христя покинула храм. Она знала, что молва - великая помощь в её делах.

10.

Среди людей, поражённых чудесами Христи, был один начальник по имени Никодим Никодимович. Он видел и слышал представление, которое дала Христя в храме. Узнав

по своим каналам, где живёт Христя, он явился к ней в гости поздно вечером и пытался узнать, действительно ли она Мессия.

Мудрая Христя сказала ему: «Многие считают так, ибо кто как не Князь Мира, может совершать такие чудеса!»

-Что же нужно делать, чтобы заслужить милость Князя Мира? - спросил Никодим Никодимович.

Христя, изучившая Евангелие, отвечала так, чтобы не нарушить образа Мессии.

-Истинно, истинно говорю тебе, нельзя войти в Царство Отца Моего, если не изменишь себя полностью. Тот, кто не родился вновь в грехе от Духа Князя Мира, не может войти в Царство Его.

Христя объяснила Никодиму Никодимовичу, что человек, родившись от земных родителей, так и остаётся червём земным. Родившись же в грехе от Духа Князя Мира, человек становится частью Его и получает его могущество.

Потом Христя сказала, что она пришла на Землю, чтобы построить Храм Отца своего для всех, кто достоин войти в него, дать им могущество, славу, богатство.

Никодим Никодимович с этого времени сделался тайным учеником Нового Мессии, рассуждая так: «Не могут же все быть богатыми и счастливыми, а я, побыв рядом и войдя в доверие, женюсь на ней - тогда мне будет дано всё! Нельзя упускать такой случай - а вдруг, правда всё, что она говорит.»

Так Никодим Никодимович, как и многие другие был пойман на жадности и любопытстве. Мудрая Христя знала, что и где сказать, когда промолчать, когда действовать. Сиротская жизнь многому научила её.

11.

Создав себе рекламу - молву, следующую по пятам, Христя приступила к финансовому обеспечению своей коммерческой Программы.

Для начала она, ни много – ни мало, решила заручиться поддержкой столичных чиновников. «Мне нужна бумага, пробивающая любую броню!» – сказала себе Христя. Так она отправилась в столицу, где её, конечно, никто не ждал.

-Пойду с Именем Отца Моего, и пусть мне откроются все двери! - приказала себе Христя. Она знала, что наглость и напор всегда дают результат.

Прибыв в столицу, Христя пошла прямо в Детский Фонд. Это было время, когда мода на такие организации вошла в обиход. Там её, действительно, выслушали. Проект, который Христя привезла для показа, сулил золотые горы всем детишкам в её родном сибирском городке. Чиновники, удивлённые её энтузиазмом, выдали документ, который позволял Христе действовать от имени Детского Фонда.

Один из столичных чиновников, поражённый раскрепощённостью сибирячки, даже пригласил Христю в гости к себе домой. Надо сказать, что у этого чиновника был великовозрастный сын, который никак не мог расстаться со своей девственностью. На этой почве у него началась депрессия. Чиновник, будучи заботливым отцом, попросил Христю помочь в этом горе.

- Святое дело! - отозвалась мудрая Христя. Она знала, что долг платежом красен.

Наутро в седьмом часу, точно по Евангелию, болезнь покинула великовозрастного юношу. Так Христя легко завоевала столицу, обеспечив себе помощь влиятельного чиновника.

12.

Постепенно усердными стараниями возросло число учеников Христи. Многие из них обожали её и преданно служили своей царице везде, где бы она ни приказала - в городе ли в деревне, днём или ночью, в постели или на торжище. Вот из таких, талантливо преданных – как говорила Христя, решила она, следуя Евангелию, выбрать двенадцать, и назвав их Апостолами, то есть посланниками, отправить в народ для проповеди своего учения.

Это было не просто - ведь имена их должны совпадать с именами Божьих Апостолов. Но в конце концов всё устроилось.

Первым избранным был Сеня - по отцу Петрович.

Вторым - брат его Андрюша. Ванечка Предтечин дал ему прозвище – Первозванный.

Третьим Христя выбрала Яшеньку, а четвёртым - брата его Ванечку. Ванечке дала она прозвище Богослов и велела ему выучить Евангелие, чтобы от зубов отскакивало. «Иначе выброшу из команды!» - строго заявила Христя. – Ты будешь проповедовать Откровение Иоанна.»

Пятым избрала она мальчика по имени Филиппок. Был он глуповат, но имя очень подходило. «Без жертв в таком деле не обойтись,»- решила Христя.

Шестого Христя искала так долго, что чуть не потеряла надежду. И всё из-за имени. Нафаня - пойдя найди такую редкость. Но усилия её не остались втуне. Нафаня был найден в староверческой глухой деревне. Неохотно пошёл он за Христей, но потом полюбил её больше отца и матери.

Седьмой Апостол Фома тоже был найден с трудом, но очень полезным человеком оказался – любил с отмычками побаловаться.

Восьмым избрала она Матюшу по кличке «Левый». Специализировался он на левых доходах, что приносило немалую пользу.

Яшка Второй был объявлен девятым Апостолом. Чтобы не путать с Яшкой Первым, часто звали его по отчеству – Алфеич. Папаша у Яшки тоже из староверов – только они упорно хранили такие древние имена.

Симка – ревнитель охотно стал десятым Апостолом . Он ревностно проповедовал и на личном примере показывал, что такое настоящий грех. Грешен был Симка и не скрывал этого. Выпить, подраться, украсть, солгать - всё это умел он мастерски, играючи и с выдумкой!

Одиннадцатый и Двенадцатый Апостолы имели одинаковые имена - каждого звали Иудой. Христя долго уговаривала этих юношей из еврейских семей. Они согласились только после того, как Христя пообещала сменить им имена. Новое имя, подаренное Одиннадцатому Апостолу было благозвучно и красиво – нарекли его Фёдором.

Двенадцатый же Апостол получил прозвище - Чудо-Юдо, чем весьма доволен остался. Часто сообщал он всем, что любит Христю больше всех.

Всем Апостолам Христя велела проповедовать *вред греха*, ибо знала, что если проповедовать вред, то люди будут считать, что там-то и находится самая большая польза. Так уж устроен человек. А в подтверждение проповедей дала им Христя документ о принадлежности к Детскому Фонду и разрешение вести агитацию за экологию, за народную медицину, за оздоровление детей , заботу о животных.

Велика уже была свита Нового Христа – Князя Мира, но Христа шла вперёд. Всё больше людей вовлекала она в свою орбиту, заманив одного обещаниями много заработать, другого – лестью, блеском будущей славы, третьего – запугивая близким Судом Божиим. Ко всем находила она свой ключик, зная, что слаб человек. И пошли за нею двенадцать Апостолов, и потом – ещё семьдесят, и много, много других. Велико число грешников на Земле!

13.

После избрания Апостолов назначила им Христа совещание на лоне природы – на горе за городом, назвав его народным гулянием. И люди, уже наслышанные о Христе и талантах её Апостолов, пришли посмотреть на проповедников. У многих теплилась надежда, что они подойдут по своим качествам и будут взяты в Царство Князя Мира или, на худой конец, исцелятся от болезней, пообщавшись с Апостолами.

Видя перед собой множество народа, Христа взошла на гору и стала проповедовать, призывая всех поклониться Князю Мира. Для этого Христа дала им десять Заповедей служения Князю и рассказала Христовы притчи на свой лад.

По окончании народного гуляния Христа обратилась к людям: « В этой Нагорной проповеди дан вам Новейший Закон, чтобы вы черпали в нём силу для служения Князю Мира! А сама я пришла не нарушить Закон, но исполнить Его!»

Какие же Заповеди дала Христа людям? Это были как будто Заповеди Христа, но так они выглядели только для тех, кто не знал Слова Божьего, то есть для грешников. Они и были её главной добычей в этот праздник.

14.

Всем, кто будет исполнять её наставления или Заповеди, Христа обещала блаженство в настоящей и будущей вечной жизни. Вот что говорила Христа в *своих* Заповедях.

Заповедь первая. Блаженны Нищие Духом, потому что дано им будет Царство Князя Мира. Будьте Нищими Духом – то есть надейтесь только на помощь Князя Мира! Он – источник ваших удач!

Заповедь вторая. Блаженны Плачущие, ибо они утешатся. Плачущие – это те, кто плачет о своих грехах, не понимая, что за них они получают компенсацию (богатство, славу, власть). Поняв это, они утешатся здесь, на земле.

Заповедь третья. Блаженны Кроткие, потому что они получают во владение Землю. Кроткие – это те, кто не ропщет на испытания, посланные, кем бы то ни было, но ищут возможности приспособиться любой ценой. Такие люди мутируют и выживают в любых условиях.

Заповедь четвёртая. Блаженны Алчущие и Жаждущие Правды, потому что они насытятся. Алчущие - это те, кто желают Правды (Знания), как голодные желают хлеба, а жаждающие - воды. Они получают знание от Князя Мира, станут знахарями и насытятся в буквальном и переносном смысле.

Заповедь пятая. Блаженны Милостивые, потому что они помилованы будут. Милостивые - это те, кто благосклонно относятся к чужим грехам. Такие верные слуги будут не только помилованы, но и хорошо награждены Князем Мира. Им будет явлена Его особая милость.

Заповедь шестая. Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Князя Мира. Чистые сердцем – это люди, преданные только Князю Мира, служащие Ему без колебаний и с любовью ко греху. И они увидят того, кого так любят.

Заповедь седьмая. Блаженны Миротворцы, ибо будут названы Сынами Князя Мира. Миротворцы - это те, кто добиваются мира путём войны (так, например, действуют американцы). Они, действительно, Сыны Князя Мира, плоть от Его плоти.

Заповедь восьмая. Блаженны Изгнанные за Правду, потому что их есть Царство Князя Мира. Изгнанные за Правду – это люди, несущие Идею Всемирного Вечного Зла. Такие грешники навсегда изгнаны от Бога и не прощается им этот грех, как хула на Бога. И велика же награда им - они уже сейчас находятся в Царстве Князя Мира - это их Царство!

Заповедь девятая. Блаженны терпящие злословие (доносы) за свою веру в могущество Князя Мира

Заповедь десятая. Блаженны те, кто терпят бесчестье и притеснения за свою веру и службу Князю Мира.

Радуйтесь и те, и другие, ибо велика будет награда ваша - вы уже в Царстве Его.

Так Христя просвещала народ, не знающий Слова Божьего. И все Незнающие, слушая её складные речи, принимали эту проповедь за истину и многие верили, что, действительно, видели Пророка Божьего.

15.

Нетерпеливые ученики и многие из слушателей во время народных гуляний часто спрашивали Христю:

-Когда же придёт Царство Князя Мира и каково оно будет?

Христя, хорошо изучившая Евангелие, отвечала словами Иисуса:

- Не придёт Царство приметным образом и не скажут , вот оно - здесь. Или вот оно - там. Ибо Царство Князя Мира внутри вас есть.

И дальше она объясняла, что для поисков Царства не нужно ехать за тридевять земель, куда-то за моря, не требуется для этого подниматься к облакам или спускаться в бездну. Нужно искать Царство Князя Мира на том месте, где ты живёшь

Признаком Царства Князя Мира является осознание того, что всё, противное Воле Князя Мира, становится противным и человеку. Так, например, сильный пожирает слабого, и слабый своей слабостью и моралью, своим упованием на Бога, омерзителен сильному и богатому. Ибо кто не служит Князю Мира, тот враг Его.

Радуйтесь, говорила Христя, ибо рядом Царство Князя Мира – все любят силу и богатство, деньги и славу, а поклоняясь этим идолам, поклоняются и служат Князю Мира. Где те, кто отказались от денег? Где те, кто отказались от войн? Кто из вас возлюбил ближнего своего? Все вы - дети Отца Моего, вещала Христя.

И люди соглашались с ней без протеста, и восторгались:
-Вот он, Мессия, говорящий Правду! Слаб человек и не хочет отказаться от грехов своих – Христя знала это. На этом и строила свой бизнес.

16.

Тем временем Ванечка Предтечин, правая рука Христи, успешно богател на своих школах магии, и постепенно стал зарываться. Не хотел делиться с Христей доходами, считая уже себя главным в бизнесе.

Христя всё чаще стала подумывать, что же предпринять при таком раскладе? Да что тут думать, решила мудрая пророчица - гипноз, и все дела!

И вот Ванечка Предтечин уже следует в полной задумчивости к оживлённой автомобильной трассе и выходит неожиданно на дорогу прямо перед бешено мчащейся иномаркой. Скрип тормозов, удар - и готово! Был Ванечка, и нет Ванечки!

А тут и Христя оказалась неподалёку. Подошла она тихой сапой к иномарке и говорит крутому водителю:

- Ну, что, Ирод, сделал своё дело? Так и уезжай поскорей!

А я ничего не видела, ничего не слышала.

На том и порешили. Так не стало Ванечки Предтечина, и виновата в том была его дурная голова - плохо работала, вот и лишилась своего хозяина.

17.

Христя старалась везде, где только возможно, подчеркнуть своё сходство с Иисусом. Особенно любила она говорить языком Евангелия, когда её слышала публика.

Так на пути в Манжерок, где Христя организовала очередной детский фестиваль, Христя громко спросила у своих Апостолов: «За кого принимает меня народ?»

Одни сказали – за колдунью, вторые - за экстрасенса, третьи - за пророчицу.

- А вы за кого почитаете меня? – обратилась она к Апостолам.

Петруша ответил за всех: «Ты - сын Князя Мира!»

Христя похвалила его за такую веру и сказала словами Евангелия: «Ты, Пётр, камень по вере своей. На этом камне и создам Церковь Мою и ничьи усилия не разрушат её. А тебе, Петруша, дам ключи от Царства Князя Мира, и кому ты зачтёшь грехи, тот и пойдёт в Царство Князя Мира.»

Таковую же власть Христя обещала и всем другим Апостолам своим. Люди, которые были вокруг, внимательно прислушивались к громкому разговору и многие думали, что удостоились лицеизреть Пророчицу и святых.

А Христя, следуя Евангелию, громко говорила, что скоро люди своими глазами увидят могущество Князя

Мира, ибо она, Христя, примет страдания на кресте от его врагов, а Князь Мира спасёт её и воскресит.

Это генеральное представление Христя давно уже обдумывала и тщательно планировала, опасаясь только одного - вдруг ей помешают какие-либо непредвиденные обстоятельства, ведь в грандиозном спектакле по её плану должны были участвовать люди ни сном ни духом не ведавшие об этом.

18.

Христя постоянно говорила о Втором Пришествии Иисуса для спасения землян. Для своей рекламы она использовала всё, что было на слуху, о чём вещали печать, радио, телевидение. Особенно любила она рассказывать о другой инкарнации Христа на Земле – о Григории Грабовом. Этого мошеника преследовала прокуратура, но Христя утверждала, что всё это происки бесов, что Грабовой – истинная инкарнация Христа.

Чтобы поддерживать образ Спасителя, щедро одарённого талантами, она участвовала в экологических движениях, в фольклорных мероприятиях, стала рисовать картины. Всё это по кирпичику укрепляло её имидж и, что греха таить, давало хлеб насущный - такой толстый хот-дог.

Любила Христя свой вкусный хот-дог и не желала с ним расставаться, поэтому усердно пропагандировала свои достоинства.

Вот Христя добивается помещения под выставку-продажу своих картин. Смиренно встречает посетителей, дарит им буклеты – памятки с репродукциями своих творений, предлагает купить её шедевры.

Вот Христя уже участник экологических экспедиций, пишет очерки в защиту дикой природы, борется за открытие заповедных зон, и т.д.

Вот Христя старается за детей из бедных семей, помогает им, пропагандирует милосердие как Иисус.

Вот Христя ратует за спасение домашних животных - собак и кошек.

Не было такой области, где бы не пригодились таланты Христи. И везде ненавязчиво сообщалось, что она дочь Марии только по человечеству, а на самом деле...

19.

Наконец, Христя приступила к исполнению своего грандиозного замысла, который должен был окончательно убедить всех в её избранности и принести в конце концов большие дивиденды. В согласии с Евангелием начать пришлось в среду, когда до праздника Пасхи оставалось два дня.

В первую очередь Христя выдала подробную инструкцию Апостолу Иудушке. Он должен был добыть тридцать долларов для изготовления реквизита - без него представление не мыслилось.

Христя решила отправить Иудушку к церковному начальству бить челом и просить помощи в устройстве народного праздника, посвящённого Дню Пасхи - такого мероприятия для атеистов, которое обратит их лицом к церкви.

Иудушка, придя к бабушке, взглянув на строгие лики икон, слегка призадумался и решил рассказать всё начистоту. Он поведал о том, что Христя хочет взойти на крест, изобразить погибель на нём и потом воскреснуть.

Бабушка внимательно посмотрел на Иудушку, помолчал, потом сказал:

-Даю тебе, чадо, тридцать долларов с тем, чтобы ты помог нам разоблачить эту вредную авантюру. Согласен ли ты ?

Иудушка ответил согласием, получил тридцать долларов и отбыл к своей Спасительнице. Надо было торопиться - времени оставалось мало, а работы много. В первую очередь, найти плотника, чтобы мог изготовить помост - Голгофу, сделать деревянный крест, бутофорские гвозди - вобщем, подготовить сцену для представления.

Иудушка взялся за дело с большим воодушевлением, надеясь угодить на всякий случай обоим заинтересованным сторонам - и Христе, и бабушке.

Через три часа в городском саду уже звонко раздавался стук топора, деловитый голос ножовки, суетились помощники плотника. Иудушка раздавал указания, что и как должно выглядеть, где установить помост, крест и т.д.

Светило яркое солнце, сияли маленькие новенькие листочки на тополях, пели весенние песни воробьи. Иудушка присел на угол помоста, прикрыл глаза и заблажило сердце его.

Но не понял Иудушка, что это было – не знал он, какая роль отведена ему Христей в пасхальном спектакле.

А Христя тем временем уговаривала своего одноклассника - он должен был сыграть роль случайного прохожего, который пригласит Христю и Апостолов на тайную вечерю.

-Зачем тебе это надо? - удивлялся наивный одноклассник.

-Ты что, не хочешь немного заработать? У тебя деньги лишние?

Этот убойный аргумент как всегда сработал безотказно.

20.

В четверг Христя собрала своих Апостолов. Все задавали один вопрос : «Где будем праздновать Пасху?» Христя точно по сценарию ответила : « Пойдите на Площадь Советов, там увидите человека, несущего сумку с продуктами. Последуйте за ним, и когда дойдёте до его дома, спросите - где вам собрать стол на Пасху.»

Отправившись на площадь, Апостолы Петруша и Ванечка Заведеев, действительно, увидели человека с сумкой, пошли за ним и при входе в дом, спросили, где можно собрать стол для Нового Христа на Пасху. Человек, ничуть не удивившись, пригласил их к себе и показал комнату, где они смогут провести сегодняшний вечер.

Вечером Христя продолжила спектакль, пригласив всех на квартиру гостеприимного прохожего, которым был, конечно, её одноклассник.

Когда все уселись за стол, Христя, соблюдая сценарий, сказала: «Очень я хотела есть эту пасху с вами, прежде моего распятия, чтобы рассказать, что вы должны делать.»

Сняв верхнюю одежду, Христя перепоясалась полотенцем, и, налив воды в тазик, стала мыть ноги своим соратникам и отирать их полотенцем. При этом она повторяла, что теперь они должны делать то же самое, то есть служить ей и Князю Мира. Её не смущала такая вольная трактовка Евангелия.

После этого Христя разломала хлеб и возвестила: «Сие есть тело моё - ешьте его в помощь вам!»

Потом налила красного вина и сказала: «Сие есть кровь моя - пейте её в помощь вам!»

И все приступили к трапезе. Звенели ножи и вилки, лилось вино, журчал негромкий разговор. Но Христя не забывала о продвижении сценария. Накушавшись, она объявила, что один из них предаст её. Все загомонили, завозмущались, переглядываясь, спрашивали :» Кто же это?»

Иудушка , зная , что рыльце в пушку, наклонившись к Христе, тоже спросил: « Не я ли ?»

-Ты, - ответила Христя. Но многие не слышали этого и продолжали возмущаться.

Тогда Христя сообщила громко: « Тот, кому я подам кусок хлеба.»

И она, помакнув в соль, подала хлеб Иудушке, сказав при этом: «Что делаешь, делай скорее.»

Иудушка толком не понял ничего, но на всякий случай вышел вон, отправившись в городской сад, где заканчивалась постройка помоста для представления.

21.

Христя после ухода Иудушки ещё некоторое время посидела с Апостолами за столом, потом пригласила всех на праздник в городской сад и направилась туда в их сопровождении.

Издалека видны были огни, освещавшие горсад и помост, где готовилось пасхальное представление для любопытных горожан – для тех из них , кто в этот вечер перед Пасхой не посчитал нужным быть в церкви. Много таких любопытных набралось уже на месте представления. Все ждали артистов.

Войдя в сад, Христя сказала как полагалось по сценарию: «Посидите здесь, я пойду помолюсь Отцу Моему !» Взяв с собой Петрушу, Яшеньку и Ванечку, Христя пошла в глубь сада.

Отойдя немного от Апостолов, Христя сосредоточилась, дала гипнотическую установку толпе, стоящей перед помостом, своим Апостолам , особо – Иудушке, и настроилась на натуральное исполнение своей трудной роли.

Петруша, Яшенька и Ванечка, вкусившие вина и сытных яств на трапезе, заснули, пока ждали Христю.

Подойдя к ним, Христя воскликнула : «Встаньте все - вот приблизился предающий меня !» С этих слов началось грандиозное вечернее представление в городском саду.

В это время к ним приблизился Иудушка и сказал : «Радуйся, учитель! Крест уже готов!» И поцеловал Христа.

-Зачем целуешь меня, ведь ты уже предал? – громко произнесла она слова Христа.

Вместе с Иудушкой в сад вошли несколько милиционеров и батюшка.

-Кого вы ищите? - спросила Христя поспешно, чтобы кто-нибудь не испортил сценарий задуманного представления. - Мы ищем авантюристку, именующую себя Новым Христом, - ответил батюшка, глядя прямо на Христю.

Милиционеры и батюшка обступили Христю и повели в центр сада, где был построен помост и стоял бутафорский крест. Апостол Петруша попытался оттереть одного из милиционеров и пробраться к Христе. Но та сказала ему с пафосом : «Убери меч! Все, взявшие меч, мечом и погибнут!»

Апостолы, испугавшиеся такого поворота событий, не ожидавшие прихода милиции, потихоньку ретировались и разбежались.

Только двое из них следовали за Христей, окружённой стражами порядка. Толпа зрителей приветствовала артистов бурными аплодисментами и криками «Браво!» - очень уж натурально играли лицедеи. Зрители не знали, что милиционеры настоящие. Многие не знали и батюшку, считая, что он тоже артист.

Христя , облачённая в белый балахон - одежды Белого Братства, смиренно следовала через толпу, подавала руку для пожатия, махала приветственно зрителям.

Вечерние огни, празднично настроенная толпа, помост из свежеструганных досок, смолистый запах, витающий над толпой - всё гениально выстраивало ту роль, о которой Христя давно мечтала. Она знала, что живые легенды приносят сумасшедшие дивиденды, но всё-таки не ожидала, что соберётся такая большая толпа.

-Да, Ванечка Предтечин, светлая ему память, славно поработал на мою рекламу! - подумала Христя, внутренне усмехаясь.

Делегация «артистов» во главе с батюшкой проследовала через толпу зрителей к помосту. Здесь Христя

повернулась спиной к помосту, милиционеры окружили её полукругом, а батюшка как бы встроился в этот живую изгородь.

Зрители приготовились смотреть представление. Батюшка стал подробно спрашивать Христю о тех проповедях и притчах, что она рассказывала людям во время народных гуляний и прочих праздников.

- Скажи нам, правда ли, что ты рассказывала притчи из Евангелия от имени Иисуса?

- Разве не Иисус дал эти притчи, чтобы люди слушали их? – отвечала мудрая Христя.

- Объясни, как ты трактуешь притчу о горчичном зерне? Что такое по – твоему это зерно?

- Все знают, - ответила Христя, - что речь идёт о Царстве Князя Мира, что царство это подобно зерну горчичному, которое человек посеял на поле своём. Сначала оно мало - меньше всех других семян, а потом, когда вырастет, становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.

- Ну, хорошо. А десять Заповедей, которые ты проповедовала народу, где ты нашла их? Или придумала сама? Что ты принесла людям в этих Заповедях?

- Давно известно, что сказано - не мир я принёс на землю, но меч!

-Кем сказано?

-Тем, кто знает Слово.

- А кто же по –твоему Князь Мира? Это Иисус или кто-то другой?

-Князь Мира - это Отец Мой и ваш, - сказала Христя, улыбаясь. - Так ты Дочь Князя Мира? Или сын Князя Мира?

- Это ты говоришь, что я Сын Князя Мира, - снова усмехнулась Христя.

-Нет, нет, - раздался голоса из толпы зрителей, - она давно называет себя Сыном Князя Мира! Пусть докажет это!

-Да, это будет справедливо, - сказал батюшка.

Христя молчала. Один из милиционеров толкнул её и потребовал: « Ну, говори!»

Один из зрителей предложил: «Пусть её ученики подтвердят, что она - Сын Князя Мира».

Но все молчали и никто не назвался учеником Христи. Зрители стали оглядывать друг друга, пытаясь найти хотя бы одного Апостола. Один из зрителей узнал, наконец, Петрушу. «Вот ученик её», - указал он на спрятавшегося за спинами других Апостола.

Все обратились к Петруше. Он побледнел, растерялся и, наконец, вымолвил : « Я ничем не могу подтвердить это, у меня нет доказательств.»

-Но ты же ходил за нею и видел чудеса, которые она творила.

- Не видел я никаких чудес, - оправдывался Петруша.

- Что это было - чудеса Божьи или чародейства? - не отставал от Петруши батюшка.

-Не знаю никаких чудес, - повторил бедный Петруша.

- Зачем же ты ходил за нею и восхищался её делами? – наступал батюшка. - Я ходил за нею, потому что она платила мне, - сообщил Петруша.

- Ответь тогда, кто она, по- твоему? – спросил батюшка.

- Не знаю, кто она, - сказал Петруша.

Христя, стоя спиной к помосту, слушала интересный диалог и улыбалась - всё шло точно по сценарию. Но публика уже потеряла меру - и не понимала, спектакль ли смотрят зрители или помогают милиции и батюшке выяснить личность арестованной.

24.

Больше всех суетился и бегал вокруг помоста Иудушка, но никто из зрителей не признал в нём ученика Христи, потому что он всё время поддакивал батюшке. Люди думали, что это служитель церкви.

Христя же, обратившись к нему, громко сказала : « Ты не просто предал меня, ты предал Князя Мира и дело Его. За это ты примешь погибель в скором времени!»

Но Иудушка и все стоявшие вокруг смеялись словам Христи. Иудушка надеялся, что больше не увидит её. Он думал - пришёл конец весёлому спектаклю, а Христя пойдёт в кутузку.

Не рассчитал Иудушка - Христя применила для исполнения своего сценария любимый метод - гипноз.

Правда, её предсказание сбылось только через несколько дней, как было определено в Евангелии.

А было это так. Случился тёплый весенний день. Солнце сияло, прожаривая землю и воздух. Погода была по-настоящему летней. Пели синицы, зеленела трава. Шумела весенняя вода в бурной вздувшейся реке.

Иудушка долго сидел на берегу, смотрел в течение вод зачарованным взглядом. Что-то тянуло его к воде, что-то толкало омыть себя в живом потоке священных вод. Он не знал, что так действовала программа гипноза, наложенная на него Христей.

Вода, несущаяся с белков, ещё не впитавшая тепло солнца, мутная и страшная, притягивала Иудушку, словно магнит. Он неотрывно смотрел в гудящий поток – до головокружения.

-Нет, какое купание! Разве можно сейчас лезть в воду? – говорил ему здравый внутренний голос. И тут же возникала мысль, что ничего страшного в этом нет - окунуться возле берега – и тут же обратно. За то какой бодрячок будет после!

Иудушка даже почувствовал кожей сладкий след холодной воды после мгновенного купания. Долго сидел он на берегу в раздумье, борясь с искушением, слушая гул реки.

Наконец, всё же решился - стал раздеваться. Солнечные лучи погладили его по голой спине и словно подтолкнули к воде.

Иудушка, думавший, что осторожно войдёт в воду у берега, быстро окунётся и выскочит обратно, вдруг с разбега нырнул в ледяной поток. И никто больше уже не видел его.

Водолазы долго искали Иудушку по дну реки, но так и не нашли. Горные реки глубоки и жадны воды их - не отпускают свою добычу.

До сих пор где-то в тайном омуте ведёт свою долгую беседу с русалками Иудушка по прозвищу Чудо-Юдо.

Христя вспоминает о нём с сожалением, но никто не виноват, что сценарий жизни жесток и не оставляет выбора. Так думает Христя порою, а другие давно забыли и о Ванечке Предтечине, и об Иудушке. Живые думают о живых.

В то время как толпа смеялась над Христей в городском саду, подошёл к помосту один высокий господин из депутатов. Звали его Понтий Иванович Пилат.

-В чём вы обвиняете эту женщину? - спросил он у батюшки.

-В том, что она называет себя Сыном Князя Мира и призывает народ в Царство его.

-Так ли это? - спросил Понтий Иванович у Христи. Но она молчала.

-Что же ты молчишь? Видишь, все хотят знать, - снова сказал Понтий Иванович, - ты Сын Князя Мира?

- Это ты говоришь, что я Сын Князя Мира. А я пришла в этот мир, чтобы свидетельствовать об Истине. Всякий, кто от Истины, слушает голоса моего! - возвестила Христя словами Евангелия.

Удивился Понтий Иванович, слушая такие умные речи и сказал батюшке: « Она не говорит ничего плохого и не призывает народ ни в какое Царство. Я не нахожу вины у этой женщины.»

-Но она хочет устроить представление об Иисусе Христе! - возмутился батюшка.

- Так ведь это сейчас не запрещено, - разумно возразил Понтий Иванович. - А, впрочем, нужно проконсультироваться у Антипия Васильевича Ирода - он юрист со стажем и скажет вам, есть ли крамола в этом спектакле. Он, кстати, где-то здесь, я видел его.

-Ан-ти-пий Ва-силь-е-вич! - проскандировала толпа.

Юрист со стажем пробрался к помосту, чтобы сказать своё веское слово.

Антипий Иванович Ирод много слышал о женщине, именующей себя Сыном Князя Мира и показывающей всякие непонятные фокусы. А теперь, наконец, и увидел её.

-Ну, что ж, неплохо да ещё и молода! - подумал он тайно. А вслух сказал: « В каком бы то ни было спектакле, нет большой вины. Вот если бы эта женщина не платила налоги, тогда её можно было бы привлечь. Но спектакль бесплатный, как я понимаю. Так это?» - обратился Антипий Иванович к Христе.

Она подтвердила его слова и внимательно посмотрела на батюшку. Тот смутился, хотел что-то сказать, но промолчал.

- Чтобы понять, виновна эта женщина в чём-либо или нет, мы должны посмотреть спектакль, после чего и будет ясно -наказывать её или наоборот - наградить , - рассудил Антипий Иванович.

- Да-вай спек- такль! - стала скандировать толпа зрителей.

27.

Один из милиционеров подтолкнул Христю к помосту, и она, давно уже вжившаяся в роль, медленно двинулась, как Иисус на Голгофу.

Народ вокруг помоста весело смеялся, глядя, как она с трудом передвигает ноги, качается на ходу, словно вот-вот упадёт.

- Ну, артистка! - раздавались восхищённые голоса.

А Христя тем временем настраивала свою программу выхода Астрального тела, чтобы всерьёз изобразить смерть на кресте.

Она смотрела вниз – под ноги, на чистые деревянные ступени. Так же медленно прошла до креста по доскам помоста и подняла глаза на крест.

Изготовленный стараниями Иудушки крест был невысок – чуть выше роста Христи, чтобы она могла, стоя на помосте, прислониться к распятию и положить руки на его поперечину.

28.

Христя прислонилась спиной к шершавой поверхности креста, раскинула руки в стороны и стала гипнотизировать толпу. Её одноклассник , в клоунском одеянии, которого она наняла за хорошую плату, взял большой бутафорский гвоздь , цветной деревянный молоток и стал вбивать этот гвоздь между пальцев Христи в заранее просверленную дырку.

Потом он проделал то же самое с другой рукой Христи, весело пританцовывая и напевая что-то себе под нос.

Самый большой гвоздь он вбил у щиколоток Христи между ног. Люди громко смеялись, глядя на клоунские прыжки и продолжали смеяться, когда на ладонях Христи

вдруг появились следы от гвоздей и потекла кровь. Все думали, что это цирковой трюк. Кровь появилась и на ногах Христи, проступив через обувь.

Клоун продолжал веселиться, прибывая над головой Христи надпись: Новый Христос – Сын Князя Мира.

Когда надпись была прибита, клоун взглянул на Христю и хотел ей подмигнуть. Крик ужаса вырвался у него, потому что было видно, что Христя умирает.

- Она умирает! - закричал одноклассник, но люди засмеялись ещё громче, думая, что он шутит, и всё это – часть сценария.

-Она умирает по-настоящему! - крикнул клоун, обращаясь к батюшке. Тот поднялся на помост и приблизился к Христе. Увидев, что в её лице нет ни капли жизни, батюшка перекрестился и сказал : «Бог справедлив! Он наказал богохульницу! Она мертва!» Люди замолчали, замерли, затем бросились бежать, кто куда. Никому не хотелось быть обвиняемым в этой странной истории. Люди разбежались, думая, что Христя, наверное, говорила правду - она, действительно, Новый Иисус , иначе никак нельзя объяснить того, что произошло.

Так спектакль, задуманный Христей, подтвердил легенду о Новом Христе. Слухи о происшедшем быстро распространились по городу и за его пределами.

Но спектакль , закончившийся для зрителей у помоста, продолжался. Милиция встала на стражу, охраняя место происшествия, к которому уже рвались поклонники Христи.

29.

Иосиф Семёнович Аримафейский с тем самым Никодимом, который хотел жениться на Христе, обратились за помощью к Понтию Ивановичу. Они просили помочь добиться разрешения - забрать тело Христи с помоста.

- Не по – божески будет оставить её здесь на ночь, - говорил Иосиф Семёнович.

-Да-да, - вторил ему Никодим. – Позвоните в прокуратуру, попросите, ведь всё уже запротоколировали. Нет необходимости оставлять тело на всеобщее обозрение.

Понтий Иванович сделал несколько звонков по мобильнику и сообщил : «Можете забрать тело и отвезти в морг - распоряжение прокурора!»

Когда все формальности были утрясены, Иосиф и Никодим помазали тело Христа ароматическими маслами, завернули его в ткань и увезли в морг.

30.

По прошествии субботы, ночью, на третий день после представления, Христа проснулась в морге. Она давала себе установку на летаргический сон и пробуждение через три дня. Оглянувшись вокруг, Христа вздрогнула - противно проснуться в таком месте, да и холодно.

Завернувшись в большую скатерть, в которую Никодим завернул Христа, она пошла к выходу.

Сторож, увидев покойника, шествующего между трупов, бросился бежать. Так что Христа спокойно вышла из печального заведения и отправилась в город.

Тем временем сторож в сопровождении милиции вернулся в морг. Обыскав все углы, они не нашли тела Христа.

- Ты видел, что она сама шла? Может быть, кто-то нёс её? - спросил один из милиционеров.

- Шла так же, как я сейчас хожу, - ответил сторож.

- А ты часом не пьян? - принялся милиционер.

- Ни сном – ни духом! – уверенно сказал сторож и дохнул прямо в лицо милиционеру.

- Что ж мы ищем живого среди мёртвых? - сказал другой милиционер. – Надо срочно найти её учеников и допросить их. Найти эту авантюристку - иначе скандал!

Христа тем временем, шествуя домой, встретила знакомых женщин по имени Магдалина и Мария. Они удивились, что Христа жива, так как были на представлении в горсаду. И Мария, и Магдалина побежали с горяченькой новостью по квартирам Апостолов, сообщая, что Христа воскресла.

Когда Христа явилась домой, там её уже ожидал Апостол Петруша. Он был несказанно рад, что Христа жива, так как не был посвящён своей хозяйкой во все подробности сценария. Христа первым делом набросилась на горячий кофе с молоком, так как вынужденный пост и холод истощили её силы. Уплетая бутерброды с колбасой, Христа сказала: «Надо подкрепиться, а то сейчас явятся менты.

31.

Христя радовалась, что сценарий воплощается почти точно по Евангелию, и по её плану, конечно. Это мой будущий бизнес - радовалась Христя. На воскресении и вознесении будут стоять мои доходы ! Уж я-то знаю, что нужно, чтобы люди делали взносы.

Когда Христя доедала четвёртый бутерброд, запивая его горячим кофе, действительно явились двое милиционеров.

- Гражданка Христя ? – спросил один из них.

- Так точно! - бодро ответила Христя. – Я готова пострадать и далее за Отца моего!

И талантливую артистку оттранспортировали, как говорят в народе, *на тюрьму*. Там-то и посетили её Апостолы.

- Мир вам, дорогие мои! - приветствовала их Христя. – Как Отец Мой послал меня в мир, так и я посылаю вас!

Все с удивлением рассматривали Христю, а Фома даже потрогал её, чтобы убедиться, что она жива.

А Христя, играя далее свою знаменитую роль, заявила так громко, чтобы слышало её как можно больше народу: «Примите Духа Князя Мира! Кому зачтёте грехи, тому и зачтутся! Кому не зачтёте, тому с этим и оставаться !»

Потом Христя сказала : “Не удивляйтесь, если услышите, что нет меня. Это значит - вознеслась я к Отцу Моему. Ждите после этого сошествия Духа”.

И действительно, скоро прошёл слух, что Христи нет на тюрьме. И все Апостолы стали говорить в народе о её вознесении. Многие люди верили в это, так как своими глазами видели представление в горсаду, но позднее встречали Христю в городе уже живой.

32.

Вскоре после этих событий появилась в небе хвостатая комета и висела несколько месяцев, видимая всем.

Апостолы утверждали, что это Дух Князя Мира отметил планету своим сошествием и сообщил всем о пришествии Нового Христа на грешную Землю.

Так Христя основала секту Нового Христа, куда молодёжь валом повалила в надежде на чудесную жизнь.

Христя была не одинока - многие и многие делали деньги на легенде Второго Пришествия. Многие объявили

себя Мессиями и проповедовали в образе Христа, искажая Евангелие каждый по-своему.

Были они добры, как Христа, лечили людей руками и словом, кто как мог или не мог, называли себя разными именами, но истинное Имя им всем было - Сын Князя Тьмы, Милосердный Антихрист.

ЭПИЛОГ

История Антихриста не закончилась. Она продолжается, покуда жив Грех на Земле. Идея Антихриста по утверждению многих мыслителей может быть повержена Духовным Светом России, ибо с Россией связано Будущее Всего Человечества.

БЕСЕДЫ С ИИСУСОМ

Глава 1. Ничего случайного...

1.

Я встретила с ним случайно. Хотя... Ничего случайного, как известно, не бывает. Наша встреча произошла в самое тяжёлое для меня время. Тогда я потеряла свой дом.

Заканчивались три провальных года скитаний по чужим углам. Заработав в большом областном городе какую-то сумму на покупку жилья, я вернулась в родные места. Здесь по-прежнему не платили людям за работу, и жильё стоило баснословно дёшево. Город, который я считала родным, встретил меня отстранённо-равнодушно.

Ранняя весна захватила улицы, улочки и переулки - сугробы таяли, скукоживаясь и исчезая. Вместо них на свет божий являлась какая-то осклизлая чернота, обрывки бумаг, смятые сигаретные пачки, окурки и прочий мусор – любимое творение горожан.

Люди бежали по грязным улицам, прыгая через лужи. Счастливыцы – на почти бесплатную работу, прочие – кто куда, по делам суетным.

У каждого из них на лице, словно маска, проступала железная уверенность в правоте. В какой правоте? Неважно. Каждый стремился туда, где его ждало нечто рациональное – дом, магазин, почта, фрезерный станок на рабочем месте...

И только одна я не знала, что ждёт меня за углом, не говоря уже о дне завтрашнем. «Завтра» для меня было таким далёким и неясным, что не стоило даже и представлять себе его таинственные горизонты. Я уже привыкла скитаться, меняя адреса, ненадолго привыкая к новому жилищу, соседям, легко теряя всё это снова и снова.

Родными были лишь птицы да весеннее солнце. Оно светило всё ярче. Синицы и воробьи галдели бесстрашно и весело. Под звуки их оптимистической симфонии я взшла, словно на подмостки сцены, на высокое крыльцо гостиницы «Центральной». Обернулась, охватив ясный день одним взглядом и вобрав в себя его энергию. Она мне понадобится, ведь теперь мне придётся долго скитаться в родном, но чужом и равнодушном городе. Смогу ли я здесь найти свой дом?

2.

Две недели прожила в гостинице. Вечерами, сидя за столом, я включала телевизор. За окнами сгущались сумерки. Зажигались окна в домах напротив. Весёлые огни подмигивали празднично сквозь прорези в занавесках. Я пила кофе и меня не покидала иллюзия домашнего уюта. Казалось, что это и есть мой дом с красивой настольной лампой на столе. Но утром от иллюзии не оставалось и следа.

Всё это время я искала по газетным объявлениям квартиру, которая продавалась бы подешевле. По пятам за мной уже бродила толпа чёрных дилеров – квартирных жуликов, которых расплодилось во множестве на рынке недвижимости: наглые тётки с хитрыми глазками и добрыми речами, молодые люди, предлагающие решить все проблемы разом и т.д. Я была для них удобной добычей – приезжая, не имеющая угла, зато имеющая какую-то сумму денег. Но жулики работали не профессионально, неосторожно обнаруживая свои тайные намерения. Мне пока удавалось счастливо миновать их сетей.

Но деньги таяли, а дешёвое жильё для покупки всё не попадалось. Выход был один – снять на время недорогую квартиру или комнату. Я звонила по всем предложенным в газете телефонам, но везде мне сообщали одно и то же: «Квартира уже сдана». Остался лишь один адрес, где не был указан телефон.

И я отправилась в путь.

3.

Двери открыл мужчина лет тридцати пяти – сорока.

-Я пришла по объявлению. Вы сдаёте квартиру?

-Не квартиру, а комнату.

-Она свободна?

-Да. Проходите.

Он провёл меня в коридор, потом налево – в небольшую комнату. Кружевные тени от занавесок лежали на светлых обоях, в левом углу стояла цветная тумбочка, в правом – диван. Больше ничего не было. Просторно и светло, не смотря на скромные размеры комнаты. Жилище мне понравилось сразу. Хозяин – тоже, чем-то неуловимым в выражении лица он напоминал служителя церкви. С первого взгляда было понятно, что главная его черта – смирение. Или неумение лгать.

-Как ваше имя? – спросила я и с удивлением услышала:

-Иешуа.

-Как? – переспросила я.

-Иешуа, - спокойно повторил он. – Не удивляйтесь. Так назвала меня мать – она утверждала, что я – Сын Божий.

Заплатив за комнату за три месяца вперёд, я отправилась забрать вещи из гостиницы. Через два часа мой дорожный чемодан уже стоял рядом с сиреновой тумбочкой в новой комнате. Так я поселилась в доме Иешуа.

Он, действительно, был похож на Иисуса. Не смотря на выбритое лицо, внешнее сходство поражало. Но и тональность его речей тоже совпадала с образом Сына Божьего.

-Неужели это всего лишь внешняя похожесть? Кажется, нет. Нужно будет поговорить с ним. Интересно, что думает этот человек о людях, - размышляла я, устраниваясь в новом жилище.

Долгие скитания и здесь сыграли со мной ту же шутку – мне снова казалось, что я уже дома. Спокойно спалось мне в эту ночь на маленьком диване в маленькой комнате. За стеной – в другой комнате спал Иешуа. От этого чужого человека, которого сегодня я увидела в первый раз в жизни, исходило физически ощущаемое излучение добра. Казалось, что неожиданно, вдруг, пришла помощь и защита.

Начальное впечатление редко подводило меня. Обычно обманывалась я тогда, когда начинала логически анализировать того или иного человека. При этом первый образ его как бы стирался. Но проходило время, и я вспоминала тот миг, потому что логические убеждения рассыпались в прах. И становилось ясно, что первое впечатление, именно оно, и было верным.

Три месяца прожила я в доме Иешуа. О многом удалось поговорить мне с этим человеком. Порой казалось, что его мать права – и он, действительно, Сын Божий. Может быть, так и оно и было. Очень близок к Иисусу был Иешуа.

Глава 2. Кто светел, тот и свят.

1.

Иешуа, как и многие в те смутные времена, давно потерял работу. Его единственным доходом были деньги, которые он получал за аренду комнаты. Но и эти копейки ему приходилось отдавать – их еле хватало на коммунальные выплаты. Питался же он в буквальном смысле на подаяние.

Нет, он не стоял на улице с протянутой рукой. Продукты приносили подростки, с которыми он вёл долгие беседы. Им

было интересно с Иешуа. Эти дети не находили внимания дома. Родители, занятые поиском работы, замотанные нуждой, не верящие ни во что, просто не замечали своих чад. Некоторые не понимали даже того, что их ребёнок давно уже не ребёнок. Не замечали и того, что нельзя было не заметить – например, запаха спиртного. Кто-то из родителей и сам занимался тем же – топил свои печали в вине.

Город привык к беспризорным детям. Никого не удивляли толпы подростков в грязных подъездах, разбитые бутылки и шприцы, разбросанные на лестницах.

Удивительным было другое. Эти порочные дети порочного города, не верящие ни во что, как и их родители, живущие в домах, заваленных мусором; дети, бросившие школу и не помышлявшие о завтрашнем дне, ибо думать об этом бесполезно – *они слушали проповеди Иешуа.*

Каким-то глубинным чутьём, ещё не убитым равнодушием жизни, они понимали, что это – *другой человек.* Они видели, что он несёт Свет. И уважали его за это. Ни один из них никогда не смеялся над тем, что говорил Иешуа. Дети чувствовали, что он не лжёт.

Я давно разучилась плакать, но с удивлением обнаружила, что сквозь эту броню житейского скепсиса пробиваются слёзы, когда я слышу, как молчат подростки во время проповеди Иешуа. А потом ...задают ему вопросы.

2.

Я хорошо запомнила тот день, когда впервые зазвучал мягкий и негромкий голос Иешуа:

-Сегодня я буду говорить словами Отца, ибо Отец и Сын – это одно. Истинно говорю вам, что Мои Дети в этот последний день к деньгам не прикасаются, куплей или продажей не занимаются и отходят от тех, кто этим занимается. Мои дети не переедают, а едят досыта. Ведь животным дана пища-трава и другое не мерю, но они не переедают, хотя и низшие разумом. Человек же имеет разум, но если много вкусной пищи, то обжирается и меры не знает, умеет подсчитывать и писать, а жадность сильнее его, ибо грех, т.е. дьявол на его голове. Глупый и жадный, наглый и злой обречены, такие будут взяты адом и смертью! Во Имя правды и Сына и Отца! Никто не сможет спастись из людей, которые не исполняют Воли Моей в этот последний день, о котором говорил Мой сын Иисус две

тысячи лет назад. Отец Истинный и Верный, Свидетельствую!

Правду говорю, что для детей моих никакие драгоценности не могут быть дороже камня строительного, глины, песка, цемента. Ведь всё золото так и осталось на земле, никуда не делось, а люди, которые гнались за золотом, были взяты адом и смертью, как и те, кто хотел стать богатым и править миром земли Моей! Неужели непонятно, что Мои Дети медленны, медлительны и очень аккуратны, точны, но не по человеческим порядкам и законам, придуманным математиками, ибо математика не имеет значения в жизни вечной и с помощью математики ничего не растёт и не живёт. Математика – это жало дьявола, поэтому человек умирает в мёртвом мире чисел и сходят многие с ума, как вы и говорите! Никто не может жить вечно, если в нём математика, ибо этот человек и его тело запрограммировано, как робот, машина или станок. Также и обязанности слуги, солдата, начальника и т.д.- есть программа, которая ничего не даёт, а убивает людей! Поэтому отойдите от таких, Дети мои, они все будут умирать на ваших глазах и спасти их вы не сможете, ибо в них ученье дьявола, от тех, кто придумывал им эти человеческие обязанности вот уже две тысячи лет, искажая Евангелие своими сердцами и своими умами.

Истинно говорю вам, что все они умирали за свою ложь, которая рождалась в их сердцах, поражая разум, и они лгали, возвышаясь над братьями и сёстрами, соблазняя в свою власть лжецов и лицемеров, назывались царями, вождами, отцами, а сами убивали людей и никого не щадили. Никому не несли Евангелие, а дрессировали и учили по-своему, да ещё и придумывали свою ложную фантазию.

Во Имя Правды и Сына и Отца! И только Моим Евангелием человек отделяет своё тело от внутреннего состояния животного, поэтому меч пронзает и сердце и душу Словом Моим, что в сыне Моём Иисусе Христе!

Отец Истинный и Верный, Свидетельствую! Сейте, Дети Мои!

Тишина висела в воздухе, словно живое существо. Молчали мальчишки и девчонки. Те самые, которых все считали «трудными». Наконец, один из них, самый ершистый, спросил:

-Скажи, Иешуа, почему ты говоришь «меч»? Что это за меч?

-Отвечу словами Отца: «Десять Заповедей, которые я написал на каменных плитах от начала создания мира – это спасение для тех, кто их соблюдает. Тот, кто отвергает Учение Сына Иисуса Христа, тот хулит слово моё, поэтому умирает за нарушение Заповедей Моих. Заповеди – это спасение для праведных. Заповеди Мои - это меч, карающий грешников».

-А что такое «последний день»? – спросил всё тот же мальчишка.

-Последний день – это время Суда Божьего. И снова скажу вам словами Отца: «Я пришёл на землю русскую, Мной избранную, поэтому говорю вам Правду, последние, что крови Сына Моего на вас нет, но дух дьявола на головах ваших, ибо учите детей ложью, не знанием Законов Моих и Правил, Уставов и Заповедей. В этот последний день, о котором предупредил Мой Сын, любовь к Учениям в сердцах охладела, хотя все лукавые знают Имя Сына Моего, но хотят жить богато во тьме, жадности и лени, похоти и соблазнах, и чтобы другие их слушались.

Мой Мир - не ваш мир цивилизаций, пожирающих землю Мою, опустошающих землю, сжигающих вес земли, главное, уголь и нефть, поэтому земля наша стала лёгкой и приближается к солнцу по орбите своей. Из-за чего возгораются леса и поля, и горит человечество от неразумной жизни на земле. Разве не прав Я в Исайте, когда предупредил о конце земли, что земля опустошена грешниками и разорена в конец! И Мой Меч низошёл на Суд!»

-Значит, мы погибнем, ведь мы – грешники? – вразной заговорили все.

- Каждый, кто отвергает Сына и не слышит то, чему учит Сын, будет взят адом и смертью у всех на глазах и все увидят его тайную лживую жизнь, поступки, деяния, ибо за нарушения Моих Заповедей, Правил, Уставов и Законов, возмездие - смерть! Но все, вместившие в сердце Евангелие, будут спасены! Думайте о том, что я сказал.

Дети прощались с Иешуа и уходили. На сегодня они получили пищу – получили то, чего не могли дать им родители,

не мог дать мир, занятый собой. Мир, не желающий видеть их, пока ещё живых и не потерявших интереса к жизни.

Глава 3. Благовестую – значит существую.

1.

Когда дверь закрылась за детьми, я вошла в комнату Иешуа.

-Извини, - сказала я, - но в моей комнате была открыта дверь, и я слышала твою проповедь. Давно ты этим занимаешься?

-Если хочешь, смейся, - сказал, улыбаясь, Иешуа, - но я отвечу и тебе словами Отца: «Я пришёл на землю мою в 1995 году человеческих летоисчислений ночью с 24 на 25 августа, ибо зло в народе русском умножилось, и народ не знает, где правда и где ложь. Дети уходят от родителей во власть тьмы лжеучителей и родители ничего не могут сделать, ибо отвернулись от Учений Сына Иисуса Христа! Тот, кто не смотрит за своими детьми, тот обречён на страдания, ибо лжеучителя дьявола - сорняки, дети дьявола учат этих детей малых, как умереть и убить других людей, поэтому слуг дьявола за две тысячи лет размножилось в большом количестве на земле Моей, которая принесла всё человечество к воротам вечного ада. Никто и ничего спасти не сможет, если не вместит всех оснований Сына!» Но то, что я говорю детям, скорее, не проповедь, а благовествование. В Последний День я могу лишь благовествовать. А поступки должен совершать каждый самостоятельно. Выбор, совершённый человеком в Последний День, это его согласие – либо на жизнь, если он выбрал Слово Божье; либо – на смерть, если он остался в уставах Дьявола.

- А кто он такой, этот Дьявол? Как ты понимаешь это?

-Скажу словами Отца: «Дьявол-дух лицемера и подражателя, насмешника и лжеца. Истинно говорю вам, Дети Мои, что пустота и дьявол - это одно, поэтому тот, кто придумывает свой мир пустоты, тот служит дьяволу и умирает в своём придуманном мире тьмы - фантастики, смеха, блуда, страданий, похотей, возделенных мыслей, обид, выгоды, злости, гордыни, стыда и мучениях совести, своих глубоких преступлений. Грешник не может справиться с тьмой дьявола и его ангелов, которые внутри его тела

рождаются в сердце и поражают разум, путая мысли, и отбирают память о Евангелии Моём, что дал Мой Сын Иисус Христос! И не все грехи есть преступления, но хула на дух Мой святой, что в сердце, убивает сердце человека, как и помыслившего, что меня нет».

-Иешуа, почему ты говоришь таким несовременным языком?

-Это язык библии. Он прост, даже упрощён. Но он понятен всем.

-А смог бы ты ответить на мои вопросы, но языком современным? Смог бы применить его для толкования библии?

-Если тебе так проще понять Писание, то, конечно. А что тебя интересует?

- Прежде всего – Откровение Иоанна Богослова. Для меня – это загадка.

- Мы поговорим об этом, когда у тебя будет время, - пообещал Иешуа.

Глава 4. Семь Печатей и семь Всадников Иоанна Богослова

И вот выдалось у меня это самое свободное время. Это был солнечный день в начале апреля. Когда я вошла в комнату Иешуа, там находились семеро подростков. Они только что пили чай. Один из них налил чашку и мне. Я присела на свободный стул, щурясь от солнца, заглядывавшего в окно сквозь тюлевые занавески.

-Ну, что ж, спрашивай – что ты хотела узнать? – обратился ко мне Иешуа.

- Объясни мне на языке науки, что имел в виду Иоанн Богослов, говоря о семи печатях и семи всадниках?

-Хорошо. Это будет язык науки, на котором теперь говорят все. Но это будет понятно и вам, - обратился он к детям. – Слушайте. Я начну, может быть, издалека.

Течение Гольфстрим, покоящее так долго в своей тёплой ладони всю Европу, постепенно замирало, как пульс тяжело больного. Это стало заметно после того, как в северном небе несколько месяцев висело хвостатое создание – комета Хейла – Боппа. Эта летучая гостья - космическая Птица - Вестница Беды – прочертила в небесах границу, отделив прежнюю грешную жизнь планеты Земля от Неведомой Грядущей Жизни.

Люди не поняли её Вести. Они просто глазели на внезапно возникшее явление и легко забыли о нём, когда всё кончилось.

А между тем на Землю пришла Новая Эра. Наступило Время, именуемое в Истории Цивилизаций Временем Божьего Суда.

Люди, вожделеющие материальных благ во что бы то ни стало, умножающие греховное техническое знание, сделали всё, чтобы приблизить это Время. Разум Потребителя всегда жжёт сам себе, как бы забывая, что любая планета - это замкнутая система с ограниченными ресурсами.

Если нещадно эксплуатировать Планету, потребляя в сотни раз больше Необходимого и размножаясь вследствие этого ускоренными темпами, всё – источники энергии, вода, атмосфера, растительность - всё будет исчезать, станет не возобновляемым. Но ещё задолго до появления кометы мощная промышленность съела защитную озоновую оболочку Земли – тем самым был открыт путь жёсткой солнечной радиации. Это излучение, погибельное для людей, стало родной стихией новых и новых видов вирусов и бактерий.

Так была снята Первая Печать с Книги, написанной внутри и отвне. И явлен миру Первый Вестник (пока ещё только Вестник) - Всадник на Белом Коне, предвещающий неведомые болезни. Потребители всегда относились к Библии, словно к сказке. Они и до сих пор считают, что раз не увидели глазами ни Всадника, ни Белого Коня, значит, ничего подобного не существует. Но Вестник - это Знак Опасности, отмеченный Сознанием. Все, кто способен мыслить, осознали эту первую Опасность.

Плотные потоки солнечной радиации, поглощаемые планетой и живой биомассой, искали выхода и находили его в движении. Росла агрессивность живых организмов - источник войн. Так была снята Вторая Печать с Книги Жизни, и явлен миру Второй Вестник - Всадник на Рыжем Коне, предвещающий грядущие бойни.

Ничем не задерживаемые потоки солнечной энергии поглощала и земная кора, и воды океанов, и атмосфера планеты. И здесь лишняя энергия находила выход в движении - наступило время глобальных геологических катастроф. Так была снята Третья Печать с Книги Жизни, и явлен миру Третий Вестник – Всадник на Чёрном Коне,

имеющий меру в руке своей. И поняли все, кто мог мыслить, что Время, отмеренное Пятой Цивилизации, истекло.

С истончением и исчезновением защитной озоновой оболочки менялся и климат Земли – нарастала его контрастность. Выглянуло солнце - зной выжигает травы и деревья, спряталось солнце - холодно даже летом. В умеренном поясе температура зимой опускалась словно в Заполярье. Летом же появились длительные периоды дождей и засухи. Земледелие перестало кормить людей - почти все посадки погибали. Надвигались времена голода и мора. Так была снята Четвёртая Печать с Книги Жизни, и явлен миру Четвёртый Вестник - Всадник на Бледном Конне, предвещающий голод, мор, смерть и Ад, следующий за ним.

И только тогда стали понимать люди, бездумно потреблявшие Планету, что пришли они в Тупик Смерти, погубив свои грешные и чужие праведные Души, распорядившись Жизнью и за себя, и за других, и за грядущие поколения. Так была снята Пятая Печать с Книги Жизни, и Души Праведников воззвали к отмщению за кровь их. Мы все, живущие на рубеже 20 и 21 веков стали свидетелями предсказанного Откровением Иоанна. Но если говорить точно, то Иоанн Богослов не предсказал нам будущее, а лишь рассказал о том, что уже было на Земле во времена предыдущей цивилизации. Но мы не извлекли урока из того, что было. Мы просто не поверили Иоанну Богослову, поэтому в точности и повторили путь предшественников, зайдя всё тот же тупик.

А дальше - пробудился Гнев Божий : количество солнечной энергии достигло критического рубежа. Вся Планета пришла в возмущение. И всякая гора и остров сдвинулись с мест своих. Миллионы тонн вулканического пепла были выброшены в атмосферу, словно прорвался гигантский Нарыв Греха. Так была снята Шестая Печать с Книги Жизни. Солнце сделалось мрачно, как власяница, и Луна сделалась как кровь. И небо скрылось, свернувшись, словно свиток. И люди, считавшие себя хозяевами и царями Планеты, спрятались в пещерах, поняв, что наступил великий День Гнева. Это была Последняя Весть, которая застала человечество ещё почти в полном составе.

За Последней Вестью наступило Время пожинать плоды Технической Цивилизации. Количество солнечной энергии перешло критический рубеж. Так была снята Седьмая Печать с Книги Жизни. Все погибельные Силы Природы (Гнев Божий) обрушились на Планету. И поняли люди Слова Библии. И поняли теперь, *что такое Семь Печатей – это Запреты, поставленные Природой (Богом).* Но Потребители самовольно сняли их, чтобы БРАТЬ, сколько вздумается. И ужаснулись, увидев, что Библия - не сказка.

Иешуа замолчал, склонив голову. Стало слышно, как поют синицы на дереве под окном. Стряхнув с себя гипноз пророческой речи, я, наконец, спросила:

- Как, по-твоему, сколько Печатей вскрыты сейчас, если исходить из Иоанна Богослова?

- Пока только пять.

- Могут ли люди остановить этот процесс?

- Время, которое было дано для этого, упущено. Сейчас можно успеть только вместить в себя Евангелие, тем самым, выбрав жизнь. Думайте над тем, что было сказано сегодня.

Глава 5. Семь Ангелов Иоанна Богослова

Через неделю мы снова собрались в комнате Иешуа. После чаепития я задала ему свой следующий вопрос:

- Мог бы ты рассказать нам о семи Ангелах Иоанна Богослова? Кто они – фантастические существа или что-то другое?

- Я начну с того места, на котором остановился в прошлый раз, - сказал Иешуа своим мягким голосом. - Люди ужаснулись, увидев, что Библия - не сказка, но семь Ангелов (семь программ самосохранения Природы) уже приготвили рубить, как и предсказано в Откровении Иоанна.

Деревья, травы и другая зелень исправно кормили Пятую и Четыре предыдущих Цивилизации. Это - та самая манна небесная, данная всем жителям Земли бесплатно. Она - благо, если ты не собрал лишнего. Лишнее, взятое от земли, превращается в гниющий прах. Не бери лишнего – и не испортится манна небесная. Данное тебе бесплатно не может служить источником наживы.

Как только пища, данная человеку бесплатно, превращается в товар, несущий прибыль, и земля неизбежно

становится товаром. С этого времени человек начинает брать от земли больше, чем необходимо для выживания.

Всё, что он может ДАТЬ земле, не восполняет того, что взято. Так истощается Планета. Для того, чтобы можно было БОЛЬШЕ ВЗЯТЬ, человек строит заводы, делает машины, производит химикаты и увеличивает потребление, не зная меры. Почву же, источник питания растений, при этом человек превращает в отхожее место, загрязняя её химикатами и нечистотами.

Терпение Планеты восходит на всё более высокий уровень, и наконец, трубит Первый Ангел- Хранитель лесов и трав. Его труба поёт о том, что человек не оценил Дар Божий - манну небесную, решил, что это его собственность.

Темнеет небосвод – всё чернее и ниже тучи. Бесконечные молнии рвут их на куски, не замолкает гром. Потоки ливня обрушиваются на Планету. Град выбивает травы. Загораются деревья, пылают леса. И град и огонь небесный несут кровь и смерть. Когда уходят тучи, безжалостное Солнце сушит зелень. Листья на деревьях желтеют в середине лета и падают на выжженные травы. И третья часть Планеты становится пустыней. Змеи и скорпионы теперь её жители. Людям здесь нет места.

Вострубил Второй Ангел - Хранитель морей и океанов. И моря и океаны были даны человеку также бесплатно как источник жизни и пищи. Но превратил человек их, как и землю, в товар. И брал из морей больше, чем необходимо для выживания.

Но мало ему было и этого. Превратил он моря в отхожие места, выбрасывая в них нечистоты своих заводов и фабрик. Не остановился и на этом. Сделал человек моря и океаны полем брани и вёл войны в морской стихии. И окрасилась треть морей кровью.

Пришло время вострубить Второму Ангелу. Его труба поёт о том, что не оценил человек Дара Божьего, решил, что бескрайни моря и бесконечны их богатства. Но солнце жжёт теперь незащищённую Землю, закручивая в узлы атмосферу Планеты, возмущая моря, взламывая земную кору. Гибнут обитатели морей, тонут суда. И умерла третья часть всех живущих в морях, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил - Хранитель рек и пресных вод. Настало время отлучить человека от источников воды,

ибо и реки , и озёра загублены им, как и моря. Ядовиты и радиоактивны реки, загрязнены озёра, кишат в них бактерии. Товар, деньги, прибыль, потребление без меры - и вот горьки воды рек , словно полынь. Третья часть вод стала полынью, третья часть людей умерла от вод. Ибо воды , данные бесплатно, нельзя продавать и нельзя покупать - это всё равно, что торговать Жизнью.

И вот Жизнь продана! Четвёртый Ангел вострубил - Хранитель Воздуха. Его Труба поёт о том, что съеден озоновый слой. Загрязнена химикатами атмосфера. Горят леса и торфяники, извергаются вулканы - всё больше дыма и пепла. Затмилась часть дня и не светла , как и ночи, словно поражена третья часть солнца, и третья часть луны и звёзд. Страх и уныние воцарились среди людей, ибо пришло Время Великой Скорби, о которой говорится в Библии. И куплено это Время на деньги, любимые людьми и данные им Дьяволом для ускорения товарооборота. Чем быстрее товарообмен, тем ближе Время Скорби. Но это люди стали понимать только сейчас, когда поёт Труба Четвёртого Ангела. И нет даже минуты, чтобы полюбить Жизнь так, как требуют Заповеди Сына Божия.

Полюбив деньги, люди возлюбили Смерть, и она пришла к ним, ибо Пятый Ангел вострубил – Хранитель самой Жизни. Его Труба поёт о том, что люди нарушили все Заповеди - то есть Закон Жизни. Заповеди Сына - это и Ключ к Жизни и Меч Карающий. Нарушившие Заповеди кладут себя под Меч. И упал Меч с небес на Землю и открыл Кладезь Бездны. И вышли из Бездны полчища саранчи - вирусы, имеющие власть скорпионов (разновидности ВИЧ). И не могли они вредить траве и никакой зелени, и никакому дереву, а только людям, не имеющим Печати Божией на челе своём. Но не могли они сразу уничтожить людей, а только мучить. И мучение от них подобно тому, когда ужалит скорпион. Вид их по микроскопом таков, как описано в Откровении Иоанна.

Мучимые этими вирусами пожелают Смерти, но она будет убегать от них пять месяцев Божьих (пять лет человеческих). Шестой Ангел вострубил - Хранитель Золотого Жертвенника, стоящего перед Богом. Его Труба поёт о том, что Жизнь **теперь** можно сохранить, только принеся в жертву всех нарушивших Заповеди и не раскаявшихся, то есть НЕПРИГОДНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ. Эта

жертва позволит основать Новую Цивилизацию тем, кто соблюдал Закон Жизни и не нарушал Заповедей. Они смогут жить на Планете, не разрушая её.

Сигнал Трубы Шестого Ангела высвободил четырёх Ангелов, призванных совершить это жертвоприношение именно в этот час и день, и месяц и год. Ими было выпущено войско - тьмы новых вирусов. И люди погибали от язв, словно произведённых огнём, дымом и серой. Но эти мучения и смерти не заставили раскаяться оставшихся в живых. Никогда не помнящие о Законе, не вспомнили о Заповедях и теперь - не раскались они ни в убийствах своих (войнах), ни в чародействах своих, ни в блудодеянии, ни в воровстве - так глубоко пали люди, поклонявшиеся золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам - деньгам и богатству.

Седьмой Ангел вострубил - Создатель Программы Жизни для Новой Цивилизации (Царства Божия)

Об этом подробно рассказано Иоанном в Откровении. Но этот рассказ мы оставим до следующей встречи.

-Значит Царство Божие – не выдумка? – спросил один из подростков.

- Это реальность, которая существует не на небе, а здесь – на Земле. Более того, Царство Божие внутри вас есть. Но рассказ об этом ещё далеко впереди. Всему своё время. Будем следовать за Иоанном Богословом.

Дети ушли, а я долго ещё сидела в своей маленькой комнате под впечатлением рассказанного.

Иешуа чудесным образом расставлял всё по своим местам, и загадка Иоанна Богослова становилась историей человеческих блужданий по кругу, начертанному Техническим Прогрессом.

Глава 6. Седьмой Ангел Иоанна Богослова

Прошли, промчались три дня. Я по-прежнему бродила по городу, не находя жилья для покупки. Уже апрель гудел тёплыми ветрами в проводах, шли дожди, юная трава зеленела на газонах и обочинах дорог. И мне оставалось только надеяться на удачу.

Каждый день я встречала словами:

-Сударыня, сегодня - именно сегодня, вам повезёт!

Вперёд – к светлому настоящему!

Вечером, когда за окном шуршал апрельский дождь, наша компания снова собралась за чаепитием.

-Иешуа, расскажи нам о Седьмом Ангеле и как он создаёт программу новой жизни? – напомнила я.

-Хорошо, слушайте. Седьмой Ангел вострубил - Создатель Программы Жизни для Новой Цивилизации (Царства Божия)

И как сказано Иоанном в Откровении, на Земле открыт кладезь Бездны (Бездна – это разрушительная Программа, запущенная Потребителями) и Князь её наблюдает плоды своих трудов - то есть гибель людей, поклонявшихся деньгам и служивших Князю Бездны. А на небесах (в поле Земли) идёт рождение Новой Программы Жизни. Жена, облечённая в Солнце (то есть Божья Сила), рождает Младенца (Программу Новой Жизни), которому надлежит пасти все народы.

Но Дьявол, погубивший Пятую Цивилизацию, соблазнивший людей деньгами и потреблением, конечно же хочет сохранить себя и своё влияние на Землю. Явившись в Полевой Оболочке Земли (на небе) в образе красного Дракона с семью головами и десятью рогами, Он пытается завладеть Программой Новой Жизни, чтобы погубить и Шестую Цивилизацию. То есть Программа Зла, Искажения Божьего Предначертания пытается внедриться в Программу Жизни. Это извечная работа Дьявола.

Но Божья Сила, рождающая и охраняющая Новую Жизнь, ускользает от Дьявола, ибо ей необходимо тысячу двести шестьдесят дней (три с половиной года), чтобы выстроить Программу Жизни Шестой Цивилизации. Силы Небесные (носители положительной информации в полях Космоса) преграждают путь Разрушителю и сметают его с Поля Земли вниз.

Дьявол в ярости снова обращает свой взор на Землю, где продолжают поедать Планету грешники. Он принимает свои земные образы. В Страхе и унынии, в отчаянии от бесчисленных бедствий, люди видят, как выходит Зверь из воды с семью головами и десятью рогами. И в очередной раз гибнущие грешники бросаются к нему за помощью и поклоняются Дьяволу, принимая его хулу на Бога, то есть,

продолжая грешить - уничтожать Природу, пытаясь ТАК выжить. Помогает в этом Зверь, вышедший из земли, с двумя рогами (Чёрт). И все поклоняющиеся Зверю, вместе с хулой на Бога принимают начертание на правую руку (торгующие, ворующие, убивающие) или на чело их (злобные завистники и ненавистники). И три с половиной года (сорок два месяца), пока готовится Программа Новой Жизни, Дьявол бесчинствует на Земле, с помощью грешников уничтожая последние источники их жизни.

Так были помечены все, поклонившиеся Зверю, и предназначенные для Ада и Смерти. Они созрели для этого, как гроздь винограда. И были пожаты острым серпом Смерти и брошены в давящую. И потекла из неё кровь даже до узд конских. Но не было радости у тех, кто избежал этой жатвы. Ибо переполнилась Чаша Терпения Бога - экологическая ёмкость Планеты была исчерпана.

Иешуа, ходивший взад и вперёд перед слушателями, остановился. Казалось, огромная тяжесть навалилась на его плечи. Может быть, так и было – и он в этот момент держал в своём сердце переполненную Чашу Терпения, боясь расплескать её.

Тихий дождь, прикасаясь к стёклам, шептал что-то тайное. Порой большая капля срывалась откуда-то сверху и падала на металлический наличник окна. Звук, похожий на приглушённый голос колокола, отсчитывал вёрсты времени. Кто-то могущественный шагал там, снаружи, но вслед за ним, словно его неотлучная тень, следовали и мы.

-Скажи, Иешуа, когда это будет? – спросила я.

-Никто не ответит на твой вопрос. Никто не скажет, что будет через неделю или через год. Одно можно утверждать – что время это близко. И страшен Гнев Божий. Но с Именем Отца и Сына в сердце - бояться нечего!

Глава 7. Семь чаш Иоанна Богослова

-Скажи, Иешуа, Гнев Божий, о котором ты упомянул в прошлый раз, это – метафора? Или что-то реальное? – спросила я, когда мы снова собрались за «самоваром».

-Это, конечно, метафора, но, в то же время, и правда жизни. Судите сами. Гнев Бога из переполненной Чаши Терпения излился через край в Семь золотых Чаш, подставленных Семи Ангелами. И были то Чаши, плодящие бациллы Смерти.

Первый Ангел вылил свою Чашу на землю, и все, кто имел начертание Зверя, покрылись жестокими отвратительными гнойными ранами. Крики и проклятия Богу неслись со всех сторон – грешники не могли остановиться в богохульстве даже пред лицом погибели.

Второй Ангел вылил свою Чашу в море. И вода в нём сделалась как кровь мертвеца - всё одушевлённое умерло. Нет больше морей для грешников, съевших Планету - свой дом.

Третий Ангел вылил свою Чашу в реки. Все источники вод наполнились кровью. Нет больше рек для грешников, хотя велика жажда их.

Четвёртый Ангел вылил свою Чашу на солнце. Исчезли последние граммы озона, словно кожу содрали с Планеты. И солнце стало выжигать остатки грешников огнём своей радиации. Но, сгорая от зноя и язв, они продолжали хулить Бога (стараясь выжить за счёт гибели ближнего), и никто из них не вразумился, чтобы воздать Славу Создателю, ибо справедлив Меч Его!

Пятый Ангел вылил свою Чашу на престол Зверя. И потеряли грешники надежду на силу Зверя - помрачнело царство его.

К тому времени высохли все реки Земли. Вода оставалась только в великой реке Ефрат. К ней и собрались все оставшиеся в живых цари земные, то есть грешники. Все слуги Зверя кусали языки от страданий, но продолжали хулить Бога. Никто из них даже и не вспомнил о раскаянии.

Шестой Ангел вылил свою чашу в великую реку Ефрат и высохла в ней вода. Так было подготовлено место Последней Битвы Нечистых Духов во главе со Зверем против Сил Света. Нечистые Духи для этой Битвы и

собрали всех оставшихся в живых царей земных в одно место – Армагеддон.

Седьмой Ангел вылил свою чашу на воздух - и совершилось последнее действие - пошло полное уничтожение Программы Разрушения и её носителей. Мощное землетрясение, какого не бывало на Земле, расколело земную кору.

К этому времени в Поле Земли завершилось создание Программы Новой Жизни и она была запущена на Землю - и вот явился с отверстого неба Конь Белый, и Сидящий на нём называется Верный и Истинный. Имя Ему Слово Божье (Программа Новой Жизни).

Старая Программа Разрушения, созданная Потребителями, должна быть полностью стёрта - и вот пошла Последняя Битва. Всё воинство Зверя, собранное в одно место, уничтожается Ангелом, стоящим на солнце. Все – и малые, и великие, и тысяченачальники, и кони их, полегли на этом Поле Брани. Слетаются птицы, чтобы пожрать трупы.

Зверь схвачен и с ним Лжепророк, творивший чудеса, которыми он обольстил принявших начертание Зверя и поклонявшихся ему. Оба земных воплощения Дьявола брошены в озеро огненное - то есть в ядро Земли (в Инферно). Но сам Дьявол (Зло) был скован Ангелом, имеющим Ключ от Бездны, на тысячу лет, то есть потерял возможность действовать. Но оставлен был на земле, чтобы через тысячу лет можно было выявить всех, кто ещё уцелел и размножился от прежнего поколения грешников, принявших начертание Зверя.

Как всегда неожиданно замолчал Иешуа. Молчали и мы – его слушатели. А перед глазами так и стояла эта картина: глубоко-глубоко, на дне ужасной Бездны, мечется в оковах дикий Зверь с человеческим лицом.

Глава 8. Шестая раса Иоанна Богослова

В следующий раз мы собрались только через две недели - в мае, когда зацвела черёмуха и запел соловей. Его вечерняя песня и заглядывающие в окна белые гроздья цветов казались окладом живой иконы, центром которой был Иешуа.

-Ты сказал в прошлый раз, что Дьявол был скован и брошен в Бездну на тысячу лет. А что случилось потом? – спросил мальчишка, сидящий справа. Он по привычке провёл рукой по упрямо торчащему ершику причёски.

-Да, мы говорили тогда об этом. По окончании тысячи лет Дьявол будет освобождён и снова пойдёт он, неутомимый, обольщать народы, и поклонятся ему все потомки грешников и проявят себя, вступив в войско Сатаны. И снова соберёт он их вместе, чтобы окружить Град Божий и сразиться с Силами Света.

Но Огонь Божий падёт с неба и пожрёт всё войско Сатаны. Так будут уничтожены последние потомки грешников. А сам Дьявол будет ввергнут в озеро огненное - вовеки веков метаться ему в Огне Инферно, не находя выхода в Мир Божий.

Так на Пятой Попытке закончится процесс селекции, в результате которого на Планете Земля будет выведена Шестая Раса людей - Праведников, служивших Богу. Число их невелико - всего сто сорок четыре тысячи. Но каждый из них стоит миллиона грешников.

Все они перед Временем Божьего Суда были взяты на небо - то есть отделены энергетической Защитой от разрушительных процессов, находились вне их и сохранены для Будущей жизни Шестой Цивилизации. Они стали её основоположниками, руководителями, её строителями.

Вместе с ними и под их руководством раскаявшиеся грешники, обратившиеся к Богу ещё до Времени Божьего Суда, то есть вернувшиеся к соблюдению Заповедей, будут строить Жизнь Шестой Цивилизации. Эти люди во всё Время Божьего Суда оставались на Земле, пережили все катаклизмы, видели гибель миллионов грешников, испытали на себе Великие Бедствия и Великую Скорбь, и Смерть, но остались верны избранному Пути - то есть не возроптали на Бога. И Души их получили новое воплощение (были воскрешены) и вознаграждены. И награда эта - Жизнь без Смерти в Божьем Граде Праведном, который будет выстроен и продолжит строиться на очищенной от греха Земле.

Град Божий, который увидел Иоанн Богослов, это тот самый Эдемский Сад, с которого всё началось на Планете Земля. Но теперь это место обитания Нового Человека – Праведника, и оно имеет уже много больше степеней Защиты. Дьяволу – Соблазнителю, Лжецу и Лицемеру нет доступа в Райский Город и Сад.

Иешуа задумался, стоя перед нами и опустив голову. В такие минуты он особенно был похож на Иисуса. О чём он думал – о той ли Великой Скорби, которая придёт? Или о том, кто из его слушателей увидит Град Божий? Наверное, он знал всё и заранее скорбел о тех, кому будет не дано побывать в Граде Праведном.

Глава 9. Что есть Добро и что есть Зло?

- Из твоего прошлого рассказа, Иешуа, мне показалось, что Путь, проделанный человеком от Адама и Евы до Праведника, не имеет смысла. Адам и Ева, первые люди, жили в Раю. Праведники - люди Последней Цивилизации, оставшиеся для Жизни, опять вернулись в Рай. Зачем же был нужен этот гигантский Путь? Зачем нужны были страдания, болезни, смерть? – спросила я, когда мы вновь уселись за столом, чтобы выпить чашку чая и поговорить.

- Я отвечу, - согласно кивнул Иешуа.- Правда в том, что Энергия, Информация (Мысль), Поле, Вещество - это формы существования Материи. Они вечны, неуничтожимы, могут переходить друг в друга.

Все они участвуют в непрерывном кругообороте Энергии. Как это происходит?

Солнце и Энергия Космоса (физики называют её энергией вакуума) - это источники световой, лучевой, тепловой, электромагнитной энергии и энергии других полей, в том числе Информационных Полей – природных Программ Жизни. Это и есть Свет и Энергия Бога.

Эта Энергия поглощается всеми частями Планеты - почвой и горными породами, водой, атмосферой, всеми живыми организмами. Растения легко и быстро поглощают, накапливают и преобразовывают Энергию Солнца и Полей. Они преобразовывают её в вещественную форму (ткани

растений), которая долгое время сохраняет в себе эту энергетику.

Животные, поедая растения, питают себя Энергией Солнца и Полей и преобразуют её в ткани тела. И человек - тоже. Поэтому Причастие в буквальном смысле даёт в пищу человеку Тело и Кровь Бога.

Человек создан и питается Энергией Бога.

Зачем же Богу нужны люди? Разве не мог он обойтись без них? Ведь люди требуют постоянной энергетической подпитки - ежедневной заботы.

Дело в том, что Человек создан так, что он не только потребитель, накопитель и хранитель Энергии. Человек, как и животные, преобразовывает полученную энергию в различные ткани тела, в том числе и мозг.

А мозг - это потребитель и источник Психической Энергии. Психическая Энергия - это Мысль, которая является сгустком Поля - единицей Информации.

Мозг животных тоже источник Психической Энергии, с одним отличием от человека - Мысль о Боге принадлежит только человеку.

Думая о Боге, познавая Его, находя Путь к Богу, человек производит Психическую Энергию, которая питает Природные Полевые Программы Жизни, а они являются составляющими Бога. Бог есть совокупность Программ Созидания Жизни. То есть человек, питающийся одними видами Энергии, данными ему Природой (Богом), производит другие виды Энергии, которыми питается Бог. Таким образом совершается кругооборот Энергии, необходимый для Жизни. Он начинается с Бога и заканчивается на нём: «Я есмь Альфа и Омега, Начало и Конец. Жаждущему дам даром от Источника Воды Живой»

Кто же такой Дьявол? Дьявол - это совокупность Программ Разрушения Жизни. Эта Полевая Структура также имеет свой кругооборот энергии, в который включён человек. Думая о Дьяволе, служа ему (нарушая Заповеди Бога), человек производит Психическую Энергию, подпитывающую Программы Разрушения Жизни, то есть самого Дьявола. Такой человек выпадает из Божьего кругооборота Энергии, становится грешником.

Что движет человеком - Мысль о Боге или Мысль о Дьяволе - выбирает он сам.

Таким образом, в процессе рождения и развития Цивилизации возникают два вида людей - Праведники и грешники. Большая часть людей выбирает путь служения Дьяволу, так как этот путь кажется им приятнее и легче. Дьявол делает всё для того, чтобы люди поверили ему, отвергнув тем самым Бога. *Получается, что Добро и Зло – это реальные Силы Природы. А равновесие между ними должен поддерживать человек.*

Но число грешников в каждой цивилизации выросло до таких размеров, что каждый раз включалась Программа Охраны Жизни - Программа Божьего Суда, которая очищала Планету от грешников, оставляя для Жизни лишь Праведников. Так шла селекция человечества, венцом которой должен стать Град Божий - место обитания Праведников. Эти люди легко распознают Дьявола и не соблазняются его лживыми лицемерными благами.

В этом отличие Праведников от первых людей Адама и Евы, которые легко поддались Лжи.

Я слушала Иешуа и удивлялась – где он находит слова? Откуда у него эти знания? И в который раз соглашалась с его матерью, которая считала этого мудреца Сыном Божьим.

Глава 10. Есть Город Золотой...

Мои поиски жилья подошли к концу. После долгих скитаний нашлась небольшая квартира в старом деревянном доме, которая мне понравилась. Денег на эту покупку как раз хватало, даже оставался небольшой запас.

Моя последняя беседа с Иешуа странным образом совпала со временем этого события. Сын Божий ответил на мой последний вопрос:

- Как ты думаешь, Иешуа, Град Божий – это выдумка, а, может быть – это наше реальное будущее?

-Град Божий – это наше Прошлое и наше Будущее, - ответил Мудрец. - Многие люди видели и описывали Град Божий. Иоанн Богослов рассказал о нём, подробно нарисовав детали. Иоанн Богослов называет его, по сути - Новый Иерусалим. Каково же настоящее Имя Города, об этом узнают лишь Основатели Шестой Цивилизации, которые

уже не будут иметь нужды в Промышленных Монстрах Пятой Цивилизации.

« И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет», - свидетельствует Иоанн Богослов.

Иные источники для жизни будут иметь жители Золотого Города. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному, и Город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего. Сам Бог - Свет для Золотого Города. Ворота его не запираются ни днём, ни ночью. И не может войти в этот Город ничто нечистое, а только те, кто записан в Книге Жизни (Праведники).

Улицы Города из чистого золота. И течёт в нём река Воды Жизни, светлая как кристалл, дающая жизнь всем обитателям Города. И по ту, и по другую сторону реки растёт Древо Жизни, двенадцать раз в год приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой, и листья для исцеления народов.

Жизнь Золотого Города поддерживается совершенно иными источниками освещения, питания, лечения, не требующими Производства и Промышленности. Сам Бог и Сын Его будут вместе с жителями Золотого города и увидят они Их Лица. « И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло», – сообщает нам Иоанн Богослов.

Разве не впечатляет эта грандиозная картина создания нужных для Жизни существ - Праведников. Разве не впечатляет эта Целенаправленность и Целесообразность происходящего?

Но не меньше впечатляет и наша слепота - Слепота Грешников.

Ведь люди не поняли Вести. Комета Хейла – Боппа, эта летучая гостя - Вестница Беды – прочитала в небесах границу, отделив прежнюю грешную жизнь планеты Земля от Неведомой Грядущей Жизни.

А между тем на Землю пришла Новая Эра, оставив нам маленькое зерно Жизни. Оно может прорасти в каждом, кто вместил в сердце Евангелие.

-Скажи, Иешуа, как тебе удалось сделать это? Ведь ты вместил Евангелие в своё сердце? – спросила я.

-Всё очень просто. Я вставал утром, держа в руках эту книгу, и засыпал ночью, не отрывая от неё глаз.

ЭПИЛОГ

По логике жизни рядом с Сыном Божьим должен был объявиться Иуда. Проповеди Мудреца, казалось, вели его по краю Жизни и Смерти. Так мне виделось, так я чувствовала, покидая светлый дом Иешуа. И не ошиблась.

Спустя год я узнала, что Иешуа судили по доносу одного из родителей и дали ему восемь лет за «организацию притона» для несовершеннолетних. Это за тех детей, которые приходили к нему домой, слушали его проповеди и которых Он отлучил от наркотиков. Их не посчитали свидетелями. Суд принял во внимание только то, что дети-наркоманы приходили в этот дом, что они собирались там вместе. Суд принял во внимание только то, что доносчик-родитель считал Иешуа виновным в беде своего ребёнка. Разве может грешник обвинить себя. Этот родитель как раз был тем самым властью имущим (имеющим деньги), о которых Иешуа писал: «Купи себе белые одежды, чтобы я мог прийти и очистить тебя изнутри!»

ДОМ

Дом детства

Закрой глаза в солнечный день, когда небо ослепительно сине, а ветер свободен и весел, как Птица Феникс. Перед тобой откроется светлый экран. И ты увидишь бело-розовое сияние. Это цветут яблони и черёмуха. Их аромат густ, свеж и осязаем. Это аромат Жизни.

Травы ярко зелены, но в их сочных недрах нет-нет да мелькнёт жёлтая звёздочка – не то кандык, не то мать-и-мачеха. Там, за густым сиянием яблонь увидишь ты Дом – большой, такой знакомый и красивый. Прислонись к его боку, разогретому солнцем. Помнишь этот запах леса? Лиственница – это она, тёплая и уютная. Волшебное дерево, неподвластное времени. Замри, прижавшись к солнечной стене, и вечная сила дерева войдёт в тебя, напитает каждую клетку. Веселее забьётся сердце, легче станет дышать. Лиственница - врач. Это знают те, кто пожил в доме, сложенном из живого дерева.

Пройдёт много лет, пройдет целый век, а лиственница всё будет плакать смолой, всё будет пахнуть и лечить всех, кто живёт в доме. Скрипят ступени, и просторная веранда охватывает тебя прохладой, смешанной с волнами яблоневого, черёмухового, смолистого лиственничного тепла.

Так бы сесть в плетёное кресло и сидеть, глядя в сад, думая светлую думу о счастливой и долгой жизни. С веранды почему-то становятся слышнее голоса птиц: звонко-звонко - это синица, удивлённо и вопросительно – это иволга, издалека - дробь дятла, словно горох рассыпали.

Но Дом всем своим живым существом, ждёт тебя. Скрипнут половицы в сенях, звякнет ведро на лавочке - и вот ты в прихожей. Одна стенка в прихожей - это большой и тёплый бок русской печки, выбеленный голубой известью. Войдёшь, и сразу попадаешь под защиту древнего очага. Русская печка, как и лиственный дом - живое создание. Её Дух всегда в Доме. Слышите, как пахнет пирогами

Через проём двери, из прихожей видна кухня – на столе стоят противни состряпнёй. Суетится мать, пьёт чай отец. Вот и бабушка идёт к столу. Они с твоей матерью, как

близнецы – так велико родовое сходство. Со смехом из зала выбегают твои братья и тоже садятся за стол.

Самовар поёт свою песню, вкусно пахнет чаем, солнце играет в каждой чашке, по потолку скачут "зайчики". Позже всех садится за стол дед. Обеденная трапеза в разгаре, а в раскрытые окна всё рвётся и рвётся черёмухово-яблоневый дух и июньская песня птиц.

Обед закончился, все разошлись по своим делам, а ты тихонько проходишь в зал. Налево – комната деда и бабушки. Направо - комната родителей. Прямо – две комнаты. Одна - братьев, другая – твоя. Зал, такой огромный, всегда кажется таинственным и удивительным. Много солнца на стенах, на полу. Половицы от солнца становятся янтарными, в солнечных квадратах под ногами как бы течёт невидимая река – движутся причудливые тени, оживает рисунок стекла.

Зал – это место, где живут все предки – вот фотографии моих тётушек, сестёр матери – все удивительно похожи друг на друга, портреты прабабушки и прадедушки по линии матери, фотографии деда и бабушки по линии отца, его братья, сёстры, племянницы. Их так много и все они обитают в этом большом солнечном зале. И ты явственно ощущаешь их присутствие.

Родной Дом - это хранитель целого рода. Таким он и должен быть. В комнате деда и бабушки всегда почему-то тихо, и кажется, что время остановило свой бег. В их комнате всегда хочется спать, и как-то сразу понимаешь, что каждый человек имеет свои координаты, и время для каждого течёт по-своему.

В комнате родителей наоборот – торопливо тикают ходики, словно подгоняя куда-то, напоминая о заботах дня. Братья, как всегда, живым вихрем перемешали всё в своей комнате и исчезли в недрах солнечного дня. Их голоса доносятся в открытые окна – братья уже на реке, то ли купаются, то ли неводят рыбу.

Каждого помнит большой живой Дом, каждому есть в нём своё место – обжитое собственное пространство.

Там, где кончается сад, с другой стороны дома, растут берёзы – их висячие тонкие ветви заглядывают прямо в окна, словно лаская и обнимая Дом. Прислушайся - много услышишь ты в шелесте новеньких листьев - в тихом говоре берёз.

Они рассказывают, как течёт весенний сок под корой, как хочется жить, цвести и расти. Они расскажут, как в летнюю лунную ночь поёт соловей, словно рассыпая хрусталь Луны и вновь собирая его в причудливые орнаменты. Как пахнет дикими пионами ветер, прилетающий с гор на рассвете, как шумит большая июньская вода взбунтовавшейся реки.

Мне кажется, в таком Доме будешь жить вечно и никогда не умрёшь.

Это Дом Моего Детства.

Дом мечты

Есть на Алтае знаменитый город-курорт Белокуриха. В аккуратной ладони уютной предгорной впадины живёт своим порядком этот игрушечный городок - всего несколько десятков многоэтажек да несколько сотен поселковых домов с огородами. На заднем плане, на взлёте горных склонов, паря над городом, сияют купола церкви.

Вечнозелёные сосны бродят по улицам городка, даря свой целебный дух каждому, кто гостем или хозяином попадает в их владения.

В восточном и южном направлении город, как живое существо, срастается с крутыми хвойными склонами гор в одно целое, в северном и западном направлении город выбегает в бескрайнюю предгорную степь и теряется в ней.

Когда подъезжаешь к городу, ещё издалека – с крутого увала видишь фантастическую картину – ожившее полотно Рериха. Острове́рхие, увенчанные камнями – изваяниями, синие вершины, набегая друг на друга, громоздясь живыми замками, уходят в бескрайнюю Страну Беловодья.

В ослепительных лучах солнца мерещатся или на самом деле сияют жемчужные белки молодого Алтая. Летучие облака сидят, как овцы, на вершинах.

С западной стороны, там, где город, поднимаясь на крутой увал, выбегает в степь, там, где ещё стоят одиночные сосны, я построю свой Дом, в котором буду жить долго и счастливо, каждый день на рассвете приветствуя горы, степь и городок, раскинувшийся внизу, и видимый мне до последнего домика, до самого малого ручья.

Мой Дом - это трёхэтажное небольшое строение из белого кирпича. На первом этаже – зал для гостей, сауна, кухня и гараж.

Второй этаж – это библиотека, рабочий кабинет и место моего постоянного обитания – большая солнечная комната с окнами по всему периметру. Компьютер, книги, рукописи и мои фантазии постоянно живут в этой комнате, словно живые существа.

Это место, откуда для меня начинается и творится, каждый день заново, невероятный мир планеты Земля. В дождливые дни и зимой здесь всегда пляшет в камине настоящий огонь. Его горячее дыхание - это Дух моего Дома. Ткань огня притягивает из пространства планеты и космоса излучения, так необходимые человеку.

Большие окна по всему периметру – это окна в живой мир. Благодаря им я могу жить в центре снегопада, когда огромные снежины медленно падают, кружась и целуя горячие стёкла, обжигаясь и тая. Я буду в центре вьюги, которая так любит петь, стучась в жилища, убаюкивая и что-то обещая.

Весной и летом настезь открытые окна впустят в Дом вольный ветер гор, мшистый аромат ущелий, сосновый дух склонов, дикий ни с чем не сравнимый запах папоротника, весёлый гомон птиц и быстрый говор горной речки Белокурихи. Её быстрые радоновые струи скачут с камня на камень и выговаривают что-то. Надо только знать, на каком языке.

Но ничто не сравнится со сказкой Осени в Алтайских горах. Красными, оранжевыми, золотыми, густо-жёлтыми, малиновыми, бордовыми мазками на хвойно-зелёном фоне полыхают горы в сентябре. В каждом окне, куда ни глянь, повсюду яростное великолепие и буйство красок. Небо ярко-синее и глубокое без единого облачка. Густо,пряно и горько дышит полынью осенняя степь. Её тёплое дыхание смешивается с невесомым духом гор.

В воздухе летают паутинки, сверкая мгновенно и весело, обещая долгое тепло, сушь, шорох листопада, и словно приносят на себе высокий звон журавлей.

И в с ё э т о входит в мой Дом, окружает меня со всех сторон - это и есть живая жизнь на живой планете.

Такого Дома нет, но он всё же есть, и я живу там прекрасной жизнью, совсем не похожей на ту, которую все считают реальностью.

Воспоминания о будущем Доме

В своей следующей жизни я буду рождена в Индии. Ну, если не в Индии, то точно - на берегу океана. На высоком утёсе я вижу мой Дом, вернее, Дом моих родителей - огромный замок из белого камня.

Восемь полированных узорчатых колонн, словно живые стражи, охраняют вход. Над колоннами, на фронтоне здания - скульптура Летящей женщины. Кто она - богиня, святая или земное и грешное создание? Я не раздумываю об этом, просто знаю, что люблю эти мерцающие колонны, эту белоснежную Фею, всегда Летящую в синеве.

Прищурив глаза, я долго смотрю на её лёгкий силуэт, и быстрые облака создают полную иллюзию полёта - моя Фея летит, касаясь жемчужных летучих облаков. И я лечу вместе с ней. Рядом внимательно смотрит на меня лохматое чудо - мой хранитель, "кавказец" Джульбарс.

Ступени, напитанные солнцем, сами несут меня внутрь замка. Я очень люблю мой Дом, но он так огромен, что я в свои семь лет так и не знаю его до конца. В его бесчисленных залах и комнатах, уходящих то прямо вдаль, то вправо, то влево, я ориентируюсь как в лесу, по какому-то внутреннему чувству - я всегда знаю, с какой стороны находится океан.

На первом этаже много интересного - там кухня, склады, гаражи, оранжерея. Там всегда кипит бурная жизнь. Особенно я люблю бродить в оранжерее. Там цветут северные розы, которых нет здесь, на юге. Там в прохладном месте на каменной почве растёт кедр, извилистая карельская берёза - странное создание севера. Когда я глажу руками шершавый ствол кедра, утопаю в его смолистой ауре, мне кажется - я давно знаю это дерево, может быть, сто лет. Но сегодня у меня другая цель.

Из огромного зала для гостей мы с Джульбарсом на лифте поднимаемся на второй этаж и через коридор попадаем в голубой зал. Рельефный цветочный орнамент стен, резная мебель, каменный ажурный стол в центре - всё голубое. Свет, падающий сверху каким-то хитрым способом,

окрашивает голубизной даже воздух. Направо – незаметная дверь. Это кабинет отца. Рядом – двери в библиотеку и спальню. Мой отец – учёный. Он потомок древнего рода. Наш дом - это его наследство. Отец постоянно занят, ему не до меня. Я люблю отца, но он всегда так серьёзен, что я побаиваюсь его внимательного взгляда.

И бегом, бегом, по лабиринту коридоров я перемещаюсь в зелёный зал. Здесь обиталище солнца - через огромные резные окна его лучи высвечивают каждый уголок зелёного царства. Здесь всё зелёное - и стены, и колонны, и мебель, а самое главное – это "сады Семирамиды" - висячие причудливые растения обвивают колонны, узорят стены, вьются вокруг ножек яшмового стола. Налево в стене витражная и тоже зелёная дверь. За ней - мамина светлица и спальня. Я так люблю сидеть и смотреть, как она рисует свои картины. На них - море, лёгкие корабли плывут из дальних стран, полные загадок и тайн. Я часами могу наблюдать, как под маминой рукой оживают волны, паруса, солёные брызги на камнях, чайки и морской ветер.

Но сегодня я бегу дальше через картинную галерею. Здесь можно бродить и неделю, и месяц, рассматривая и пытаюсь разгадать её живые полотна. Одни смотрят на меня из глубоких рам глазами моих предков. В других - открываются морские дали, горные невиданные страны, малиновые восходы, тихие закаты, когда солнце разливается по горизонту, охватив полнеба багряным сиянием.

Помахав им всем рукой, я вместе с Джульбарсом спешу в боковой лабиринт, где снова в хитроумном лифте мы едем как в метро, а потом долго поднимаемся на верхний этаж. Лифт открывается и мы по витой лесенке поднимаемся в солярий. Это моё любимое место. Здесь небо совсем рядом - кажется - можно потрогать рукой облака. Там, вдали на фронте, я снова вижу мою Летящую Фею, улыбаюсь и машу ей рукой. Джульбарс весело носится по тёплым плитам, скачет вокруг меня. Сейчас я сяду в моё цветное кресло, и мы с Джульбарсом будем слушать океан.

Его голос - это вечная песня необъятного Пространства и бесконечного Времени. Мой Дом откликается на зов океана, вбирает в себя его песню, сливаясь в единое целое с миром Земли и всего Космоса. Я становлюсь маленькой частицей Вселенной и одновременно неотличимым от неё всемогущим существом.

Я знаю, что это будет, и мой друг Джульбарс уже ждёт меня там, в огромном белом замке, над которым мчится в облаках Летящая Фея.

В ПОИСКАХ ШЕСТОЙ РАСЫ

1.

В густой благословенной темноте, там, в майском сиреневом омуте ночи, металось эхо. Борьба за жизнь не затухала ни в жестокое время метелей и морозов, ни в пору цветения черёмухи и сирени.

Этот любимый многими процесс вместе с "перестройкой" скатился с вершин науки и техники, и кипел теперь на самом древнем физическом плане.

- Помогите, раздевают! – отражённый от десятков зданий, в каком-то гулком голографическом исполнении, крик приобретал вселенское значение.

Слушая привычные звуки вездесущей жизни, вглядываясь в полуночное мерцающее небо, неопределённая фигура, стоящая на балконе второго этажа, вздохнула. Если бы ночь была лунной, то свидетель этой сцены мог бы увидеть на балконе панельной "хрущовки" мучимого бессонницей мужчину средних лет.

Вдыхая живой аромат сирени, гуляющий по всему кварталу, он вслушивался в звуки Земли и Космоса. В звуках Земли кроме человеческой суеты можно было уловить и симфонию любви - снизу с поймы весенней реки, с её заливных лугов доносились тысячи голосов влюблённых лягушек.

Из Космоса человека на балконе атаковали неслышимые ультразвуковые и магнитные волны – космические бури и штормы. Шестым или седьмым, одним из своих многомерных чувств, он ощущал эти объёмные волны, несущие Образы Космоса.

Мужчина имел обыкновенную, если не сказать затрапезную внешность – залысины на висках, ни худые ни полные щёки, почти бесцветные брови, голубые, можно сказать, серые глаза. Выражение лица самое незаметное - смиренное и задумчивое, типичное лицо русского человека.

Профессия нашего героя по нынешним меркам относилась к самым бесполезным, так как на балконе среди весеннего ночного великолепия стоял научный сотрудник вымирающего учреждения. Ещё десять лет назад это был

крупный НИИ. Теперь же - полукоммерческая, полукустарная организация.

Имя полуночника говорило о многом – Николай-Чудотворец – так звали его в шутку сослуживцы. Шутка шуткой, но причиной для такого звания была его природная талантливость. Знал он несколько языков. Химия, физика, математика – давно стали стихией для его изобретательства. За свою не очень длинную жизнь написал он две диссертации, много статей и даже книгу стихов, интересовался философией, религией и парапсихологией.

Руки у Николая были, что называется, золотые. Всё он делал своими руками, не полагаясь ни на какую обслугу. Вот теперь перед вами портрет нашего героя в основных чертах.

Итак, Николай-Чудотворец, стоя в полночь на балконе своей двухкомнатной "хрущовки", слушал Землю и Космос. Слушал настойчиво, ибо в последнее время стал замечать, что происходят с ним стремительные перемены.

С удивлением обнаружил он, что стоило ему закрыть глаза и расслабиться – не важно днём или ночью - как перед его мысленным взором открывался светлый экран. На экране начинал работать сканер пространства. После этого часть его организма – некое живое поле, его Двойник, начинал движение в пространстве с огромной скоростью. Он летел со скоростью света, выдавая на экран Образы Космоса.

Николай точно знал, что это никакая не мистика. Просто Информация так же вечна, как материя и энергия. Поэтому Космос состоит из природных структур - полевых компьютеров, хранилищ Информации. Природа просто обязана была создать эти материальные носители. А человеческий мозг способен стать приёмником Информации.

На сиреневых волнах майской ночи развернулся на экране из точки многократно видимый им Образ. Не знал Николай значения его, не мог понять, что видит. Одно было ему ясно - пока не расшифрует картину – дальше не продвинется. Летучий двойник Николая снова и снова попадал в Белый Город или Город Солнца и Любви. На экране возникала голубая точка, она стремительно увеличивалась в размерах, наплывали крупные планы планеты - видимые сверху ярко-голубые водоёмы, ослепительно зелёные леса и, наконец, причудливые сахарно-

белые высотные здания, похожие на живые деревья, хрустально-синее и одновременно золотое небо.

Николай видел матово-светящиеся движущиеся тротуары, удивительно легко перемещающиеся белые вагончики, сцепленные друг с другом наподобие сарделек, людей с лучезарными лицами, сияющими глазами. Люди общались без слов, моментально читая мысли друг друга.

Николай видел здания, где хранилась информация – библиотеки. Но эти библиотеки были устроены как и природные компьютеры – выдавали информацию телепатически – по мысленному запросу человека.

Но главным было другое. Так легко, спокойно становилось Николаю в Белом Городе, такая волна Единства со всеми и Любви ко всем заполняла его, что каждый раз он на мгновение терял сознание. Но и без сознания он знал, что всё в этом Городе есть только Облики Любви – камни, животные, растения, люди, воздух вода, небо и та Дневная Звезда, которая освещала всё золотым всеобъемлющим светом.

И Двойник Николая, купаясь и растворяясь в живых волнах Любви, в одно мгновение сливался со всем, что его окружало, и становился сам Источником Любви. Он не смог бы словами выразить то, что с ним происходило, потому что земные слова не годились для этого.

Он становился сразу всем, что видел, понимал каждую мельчайшую частицу окружающего, слышал каждое неуловимое движение, вернее чувствовал его. Покой, Гармония, Любовь – вот что заполняло Белый город.

Первое, что он увидел в Городе Солнца, была Душа Камня – его Облик Любви. Николай понял, что это живое существо, но время, в котором оно живёт, иное. Минута для Камня равна примерно одному человеческому столетию, поэтому Камни не воспринимают быстротекущие события. Общаться с человеком они могут только на языке Любви. Импульс Любви, её излучение рождает такой же ответ.

Николай погладил Камень, как котёнка, послал ему импульс Любви и в ответ увидел его Облик – огромные страдающие глаза, сознание, скованное немотой, но живое. Дух, запечатанный в оболочку Камня – Страдающий дух. Возможно, что это испытание за какие-то тяжёлые грехи. Так идёт обучение Любви.

В другой раз увидел он Душу Орла, сидящего на Камне. Импульс любви высветил Гордый Свободный и Светлый дух. И рванулась душа Николая вместе с ним в полёт, и понял он, что Орёл – Небесный Брат его. Настанет когда-то время, и они встретятся в Саду Города Любви и не расстанутся больше.

И открылся Николаю в Белом Городе Дух Синеокого Вола. И узнал он в нём Брата своего. И понял, что смиренный Дух Синеокого Вола есть и в нём, поэтому так понятен, близок и любим.

Огнегривый Лев открылся Николаю в своём Облике любви и оказался ещё одним Братом его, Небесным Братом, ожидающим встречи. Смелый и Суровый Дух невиданной красоты как равный с равным говорил с Николаем. И понял тот, что Город Солнца – Колыбель Жизни. Океан Любви и есть то, что рождает Вселенную.

Николай поднялся высоко над сияющими зданиями, скользил на восходящих потоках воздуха, наблюдал закат. Золотое светило разлилось по горизонту, окрашивая фантастически малиновым цветом всё небо, и тянуло Николая туда, за горизонт. Но как только он пытался вырваться за пределы Белого Города, какая-то сила возвращала его на Землю. Снова и снова вопрошал он себя, где находится Город Солнца? Зачем ему показывают это? Что должен он понять, чтобы картина Белого Города перестала быть просто абстракцией?

Вернувшись из своего космического полёта на Землю – на невзрачный пяточок балкона, Николай вздохнул. Снова услышал он любовные песни лягушек, ночные звуки жилых домов, вдохнул сиреневый аромат и отправился спать. Утром ему идти на работу – в суету и кипение бытовых страстей.

2.

Яркая женщина с раскосыми татарскими глазами поворачивалась плавно и странно, глядя то одним, то другим оком. Её причудливая причёска напоминала то розу, то гроздь винограда. Тонкие пальцы с длинными сиреневыми ногтями как бы жили отдельно, о чём-то рассказывая Посвящённым. Запредельная шаманская ритмическая музыка, не то танцующая, не то колдующая восточная женщина – так

началось рабочее утро Николая. Вставая в шесть часов каждое утро, он включал телевизор, немного разминаясь и пил кофе.

Вкус горячего кофе как бы сливался со странной завораживающей музыкой, экранными образами существ, похожих на инопланетян. Болтливых на западный манер ведущих, которые говорили по-русски с английскими интонациями, их шаблонные речевые блоки, бесконечные пустые игры, Николай воспринимал как конвейерный поток жвачек или семечек. Из этого серого потока его сознание вычленило только то, что имело индивидуальность, как эта восточная демоническая женщина.

Но вот уже и сам Николай спешит на работу в потоке людей, движущихся как единый организм, как гигантский червяк. Хвост этого монстра старается догнать голову, которая уже проникла за проходную, преодолела щёлкающие автоматы, выплёвывающие пропуска, и многолапо растеклась по разным зданиям бывшего НИИ.

Здесь живой червяк приобретал другую форму. Он заполнял клеточки – рабочие комнаты, цеха, где начинал кипеть как бульон на горячей плите. Каждая такая кипящая клеточка выдавала свою продукцию – кто чиновничьи и научные бумаги, кто какие-то изделия.

Николай теперь работал один в лаборатории – здесь в стеклянном оборудовании изобретал он новую технологию – хотел создать красивое производство витамина "С", не хуже швейцарской фирмы "Гоффманн". Он уже собрал установку с платиновым катализатором, подогнал все узлы и сегодня должен был провести первый опыт - получить промежуточный продукт.

Работал он сосредоточенно, ничего не слыша кроме звуков действующей установки, следя за движением кислорода по прозрачной трубке, за вращением стеклянных лопастей мешалки. Постепенно бесцветный раствор окрашивался сначала в жёлтый, потом в коричневый цвет и приобретал запах патоки или карамели. Процесс шёл медленно. Николай не заметил, что солнце уже нырнуло за крышу соседнего корпуса – значит, время скатилось к вечеру. Николай остановил поток кислорода, выключил нагрев и мешалку...

Прислушался к внешним звукам – по коридору гулко раздавались шаги, последние "из могикан" торопились домой.

Николай сел за стол и подробно описал свой эксперимент – это одно из железных правил научной работы. Отложив тетрадь, он снова прислушался. Теперь по коридору гуляли только звуки тишины – какие-то странные вздохи, шорохи, из открытого окна слышались голоса синиц.

Когда уходят люди по домам,
молчат навывлет модули строений –
по ним гуляет Дух Изобретений,
как изгнанный и проклятый имам.

Эти строки сами сложились из тишины и выткалились в сознании Николая как бы золотом по серебру. Николаю было жаль НИИ, где он проработал уже пятнадцать лет – почти всю сознательную жизнь. Западная волна варварского рынка ударила по этому научному учреждению, как и по всему живому в России, окатила его мутной грязью мелочной коммерции, источила, изъела его внутренности, как это делают паразиты, питающиеся чужими соками. Деньги, унесённые этой зловонной волной в лапы хищников, перестали быть эквивалентом труда. Неработающие деньги превратили в живой труп всю промышленность и науку.

Поэтому НИИ, где работал Николай, имел теперь жалкий вид - стал похож на нищего, собирающего подаяние. Опытные цеха, где раньше создавали уникальные технологии, были заброшены за ненадобностью и постепенно разрушились от холода, жары, дождей и ветров. Хозяйственные сотрудники унесли с развалин всё, что могло пригодиться в работе или на продажу.

Ухоженные когда-то тропинки в лесу, где стояли цеха, заросли дикой зеленью. Повсюду на территории топорщились свалки ржавеющего оборудования, торчали бочки, цистерны с неизвестным содержимым. Запустение и разруха смотрели отовсюду большими провалами в стенах зданий.

Николай не мог равнодушно смотреть на эту картину распада. Ему было больно, словно это он сам неизлечимо заболел.

Многие, лишившись работы, ушли искать счастья в другие места, кого-то сократили, кто-то отправился в мир иной – так уменьшался коллектив НИИ. Новых сотрудников

не принимали. Старели здания, старели люди – всё шло на убыль.

С прежней неистовой силой цвели только сирень и яблоня под окном научного корпуса. Сейчас, к вечеру, аромат их сгустился, и Николай чувствовал этот настырный запах жизни даже на втором этаже.

3.

Светящееся изнутри розовое яблоневое облако привело Николая почти в невесомое состояние, словно он получил мощный сигнал из Белого Города. И тотчас его Двойник, пронизывая пространство, полетел как световая стрела туда, где волны Любви качали в колыбели Город с золотистым небом.

Вот она - голубая точка неведомой Планеты. Вот её синие океаны, ослепительно-зелёные леса, очертания океанов и материков напоминали земные, но не повторяли их. Эта планета, так похожая на Землю, посылала Николаю свой живой Зов, принимала его и хотела, чтобы он понял что-то очень важное. Поэтому всякий раз, когда он вольно или невольно приходил в состояние Духовного полёта, Планета звала и притягивала его.

Вот приближаются они – эти высотные белоснежные строения, и Николай снова в Городе Любви. Спустившись на переливающийся матовой радугой бегущий тротуар, Николай заскользил по улицам, радуясь лёгкости движения. На очередном повороте, слегка покачнувшись, задел он рукой плывущую ему навстречу девушку.

- Извините, - сказал он, как обычно делал это на Земле.

- Как тебя зовут? – услышал он в ответ. Голос звучал телепатически – то есть прямо в сознании Николая. Это так удивило его, что он замешкался с ответом, не зная, как сообщить своё имя – сказать вслух или произнести мысленно. Он даже не успел подумать о том, что это его первый контакт с человеком в Белом Городе.

- Меня зовут Маша, - пришло сообщение от девушки. Николай поразился этому земному русскому имени.

- Где я? Что это за Планета? - спросил он.

- Это Земля, - сообщила Маша.

- Не может быть! – воскликнул Николай. – Я только что прилетел оттуда.

- Можешь не сомневаться, - принял он сообщение от Маши. – Мы на Земле.

- Там нет таких красок, таких материков, океанов и городов. Земля - планета волчьих законов. Там живёт только любовь земная, когда человек любит только себя и своих детей, может быть. Здесь – всё иное!

- Ты рассказываешь о Земле, какой она была в прошлом веке. С тех пор планета сильно изменилась. Пятая раса погибла - вымерла от потери иммунитета. Выжили только люди шестой расы – сумевшие перейти в " состояние Бога". Они появились уже в конце второго тысячелетия. Это были дети, которые рождались с готовыми знаниями. Их сознание имело доступ к природным хранилищам информации. Учиться им было нужно только применению знаний. По меркам пятой расы это были гении. Для людей шестой расы такие способности – обычное явление. Но главное – это их Духовное поле. В нём не было места злобе, агрессии, зависти. Только Вселенская Любовь.

- Но почему материки, океаны, вся природа – иные? – спросил Николай.

- В это же время, когда рождалась шестая раса, на Земле наступил период катастроф – землетрясения, потепление климата. Лицо Земли менялось также стремительно, как и человек. Почти все грязные территории (имеется в виду Духовное Поле) ушли вглубь Земли или под воду – это центральная Европа, Северная Америка, Ближний Восток.

- А краски? Почему такие яркие зелень, вода, небо?

- Люди шестой расы имеют мощную энергетику. Они могут, собравшись вместе и объединив энергетические поля, чистить воздух, почву, воду. Так постепенно была очищена вся планета. Чистая атмосфера – чистые краски.

- Значит я лечу сюда, только опережая время? А мне казалось, что я мчусь через пространство - пронизываю Космос.

- И то, и другое. Ведь Земля за целый век проходит огромное расстояние. Ты делаешь то же, но с другой скоростью. Твой полевой Двойник летит со скоростью света.

На своём экране Николай увидел розовое светящееся облако - яблоня под окном. Тут же услышал он гулкую тишину пустого здания и понял, что он снова в лаборатории.

Все давно ушли по домам. Скоро сумерки разлягутся повсюду как живой туман. занавесят окна.

Николай закрыл дверь лаборатории и отправился домой. Мысли всё время возвращались к тому, что он узнал от Маши. Николай не сомневался, что всё это правда, но какой-то странный фон сопровождал его мысли – что-то колючее, болезненное не давало покоя. Наконец, он понял – пятая раса. Все те люди, что живут сейчас, кипят, работают, борются друг с другом. Они борются за выживание, надеются на будущее, но их Дух, загрязнённый жадностью, желанием иметь как можно больше для тела, изъеденный завистью и агрессией, этот Чёрный Дух обречён. Природа восстала против. Вода, воздух, растения, безжалостно отравленные людьми, стали для них медленными ядами. Съеденный цивилизацией озон превратил Солнце в дьявольский радиоактивный глаз. Его дети – раковые клетки, вирусы и бактерии-мутанты заживо поедают плоть.

У Николая сжалось сердце. Ему, маленькой частице огромного организма по имени Россия, страстно хотелось сохранить для будущего весь организм. Он, конечно, понимал, что Чёрные Духом не будут сохранены природой. Они, агрессивные и жадные, не ведающие меры своей жадности – главные загрязнители и уничтожители жизни.

Но таких Чёрных – примерно один из десяти. Неужели погибнут все – и Чёрные, и просто несовершенные, но имеющие шанс преобразиться? Что сделать, чтобы этот шанс не был потерян?

4.

Ужинал Николай, когда звёзды подмигивали ему, заглядывая в открытую балконную дверь сквозь сумеречный свет ночника. Любил он вечером сидеть при ночнике или в темноте, любил видеть омут пространства за окном.

Вылез из вентиляционного лючка в полу мышонок – инвалид – старый знакомый Николая. У мышонка одна передняя лапка сломана, а одной задней нет совсем – побывал он, скорее всего, в зубах у кошки. Передвигался мышонок, перекатываясь с боку на бок, двумя оставшимися лапками цепляясь за деревянный пол. Когда Николай в первый раз увидел его, долго не мог понять, кто это. Мышонок при любом шорохе быстро кувыркался и

пропадал в лючке. Тогда Николай решил не двигаться. Через некоторое время зверёк снова вылез и закувыркался к столу – там, на полу валялось несколько хлебных крошек. Добравшись до них, он принялся за трапезу. Тут-то и рассмотрел Николай своего ночного гостя.

Теперь они знакомы уже давно. Мышонок не убегает, когда Николай заговаривает с ним, внимательно слушает, сверкая глазками.

- Ну, здравствуй, брат! – встретил старого знакомого Николай. Он подлил в блюдце молока, положил кусочек сыра. Мышонок притих, поедая лакомство.

- Выживаешь, брат! Трудно тебе. Наверное, труднее, чем мне. Я вон какой большой, хотя и глупый.

Николай не сомневался, что мышонок всё понимает, и мечтал наладить с ним телепатическую беседу, но пока это не получалось. Мышонок поел, попил и усердно чистил мордочку своей передней лапкой. Слушая Николая, внимательно наблюдал за ним.

- Когда же я дождусь от тебя ответа? – спросил Николай. Ночной гость поблагодарил хозяина и отправился в свой лючок.

И тут Николай сообразил, что слышал ответ. Голоса не было, но ответ был.

- А ведь мы с ним давно так разговариваем, как же я раньше не понял, – подумал Николай. Улыбнувшись своему новому состоянию – словно только что побывал в Городе Солнца, он отправился спать. Уснул с той же мыслью – что он должен сделать для помощи людям, чтобы из Человека Разумного родился Человек Духовный.

5.

И увидел Николай в чёрной глубине яркий, такой яркий Свет, что страшно было смотреть. Содрогнулась Душа его, съёжилась, мечтая спрятаться от этого безжалостного Света, который добирался до самого Сокровенного, высвечивая в Душе всё до Дна.

В глубине этого Разумного Света раздавались громы и видны были вспышки ещё более яркие, чем сам Сверкающий Свет.

Великий Ужас объял Николая. "Что это?" - спросил он себя. И мгновенно пришёл ответ: "Это твой Духовный

Свет. Это ты сам. Узнаёшь ли ты себя, своё Божественное Начало?"

Николай подумал, что кто-то шутит над ним, и тут же Свет потускнел, разлился вокруг. Из его недр постепенно соткалось вихревое ядро. Оно вращалось и светилось, вспыхивая и переливаясь всеми цветами радуги, медленно приближаясь к Николаю. Вихревые потоки состояли из какой-то текущей мыслящей материи.

Николаю снова стало страшно, ибо что-то неведомое шло к нему. Не ощущал он враждебности от этого существа, но страх усиливался. И захотелось ему бежать неведомо куда, но замер он на месте как прикованный и закрыл глаза. Но и через закрытые веки видел он Мыслящий Вихрь так же хорошо, как и раньше.

И вдруг, когда движущийся вместе с Вихрем воздух, только воздух, коснулся его лица, облако Любви и Покоя накрыло Николая.

- Ты ли это, Господи? – спросил он.

- Я в тебе, - последовал ответ. Облако Любви слилось с Душой Николая, и он понял, что узнал Бога в самом себе.

- Вот что нужно сделать людям Пятой Расы. Каждый из них должен увидеть Бога в себе и понять, что только для этого и создан человек. Прийти к Богу в самом себе – вот Путь в Будущее, - так думал Николай во сне или наяву, ибо сон и явь совместились.

Пребывая в этом озарении, он очнулся от сна и понял, что Город Солнца и Любви - это Колыбель Бога внутри каждого существа. Значит, Шестая Раса находится внутри человека и он сам выбирает, родиться ему для Будущего или умереть. Ещё понял он, что загрязнённая агрессией Душа никогда не сможет узнать себя (Бога в себе) ни в Сверкающем Свете, ни в Мыслящем Вихре, ни в каком-то другом Образе. Грязь агрессии, жадности убьёт Света Безжалостного и единственным её желанием будет скрыться от Него.

И ужаснулся Николай – а что произошло, если бы он не спросил: "Ты ли это, Господи?"

ЛЕТЯЩАЯ В СНЕГОПАДЕ

(каприччио для скрипки с оркестром)

1.

Женский силуэт в невесомых серебряных одеждах проявился на текучем фоне снегопада. Словно древняя фреска в Соборе. Женщина стояла на краю огромного увала, похожего на спину спящего белого медведя. Устремлённая вперёд, как стрела в невидимом луке, она почти летела сквозь кружево мохнатых хлопьев. Внизу новогодними огнями блестел в снежной мгле город. Маленький, узкий, вытянувшийся вдоль реки. Он напоминал лежащую в снегах, украшенную живыми блёстками, ёлку. Вот-вот поднимет её невидимая рука – и огни вознесутся в небо. Сверкающие снежинки и огни города сольются в едином порыве ветра. Трудно не полететь в этом вихре. И Женщина полетела.

Драгоценной самоцветной кометой неслась она вдоль улицы, освещённой фонарями и огнями новогодних гирлянд. Слева ей был виден серебряно-голубой, парящий над землёй силуэт Успенской церкви. В призрачном свете ночного города сверкали золотом кресты над его куполами. Справа, уходя вдаль, изгибаясь вдоль берега реки, гудел ночной город. Вдали угадывались сквозь мглу кварталы Зелёного клина, похожие на светящиеся вафли остовы девятиэтажных домов.

Она хотела вспомнить сквозь поток снежного времени то, что уже знала об этом городе. Когда-то, в другой жизни, она жила здесь. Да, это было! Как и когда покинула эту землю, она не ведала. Но маленький городок, эти улицы, реку, спящую подо льдом, светящийся собор – всё это ей приходилось уже видеть. Она знала, что здесь заканчивается одна из тупиковых ветвей необъятного железнодорожного пути.

О чём думала Женщина, летящая в снегопаде? Наверное, мысли её были просты и печальны. Она могла говорить, например, такие слова:

Я пришла на эту Землю. Я вернулась. Здравствуй, столица Тьмутараканских Царств, город – пустырь, город – тупик! Спят твои, когда-то важные, секретные заводы. Промышленная окраина похожа на состарившуюся кошку. Она выброшена за ненадобностью хозяином. Ей остаётся только спать, свернувшись клубком. ТЭЦ всё ещё пытит. Но это всего лишь механическая машина, пожирающая каменный

уголь. Всё это перестало быть сердцем города. Да и где оно теперь, бывшее сердце?

Этот пламенный мотор исчез. Он стучал день и ночь. Война против капитала, защита Родины - рабоче-крестьянской, народной, своей... Тук-тук, тук-тук, так-так... Эта война закончилась. Капитал уже здесь. А сердце переместилось в желудок. Город производит пищу и лекарства от этой пищи. Все идеи, кроме одной – умерли. Но эта идея бессмертна – деньги! Всё брошено на службу великой иллюзии: деньги – богатство – счастье.

Всё продаётся – человек, ребёнок, его ткани, его органы. Мораль рынка... А мысли и таланты человека, который продан, не стоят ни копейки. Всё это – сущий хлам. Кроме идей, приносящих деньги.

Здравствуй, Приют Престольный – я вернулась из дальних странствий. Хорошо бы ещё понять – куда я вернулась? Нужна ли я здесь? Что может женщина в этом механическом мире? Созданная быть женщиной, здесь она – просто игрушка секса. Созданная быть матерью, она - лишь роженица живых существ.

Я вернулась. Я здесь, в этом городе. Значит, выбора уже нет. Значит, надо жить!

Так можно было бы представить себе появление в этом мире нового человека где-нибудь в конце восьмидесятых. Прошлого века. Так теперь это звучит. Нового человека по имени Женщина. Она родилась 31 декабря 1988 года. Была новогодняя ночь, шёл снег. Где-то, на ледяных горках визжали дети и взрослые. То здесь, то там громыхали китайские фейерверки, похожие на зимние зарницы. Их причудливые самоцветы резко взлетали над землёй, жили в небе несколько секунд и бесследно растворялись во тьме. На их месте ниоткуда расцветали новые эфемерные цветы, струились водопады, падали алмазные дожди. Корона, которой мир одарил новорождённую, была похожа на них. Видимая только Богу и Пресвятой Богородице, она сияла лучистым солнцем над головой - драгоценная корона Женщины.

Люди никогда не задумывались над тем, *кто* приходит в мир, когда рождается ребёнок. Они видели, что появился человек. И всё. Им было этого достаточно. А дети долгое время умеют говорить только глазами. Но глаза их настолько чисты, что мир не понимает их языка. Потом они долго учатся говорить

словами и не могут всего рассказать взрослым. Взрослые же, не понимая детей, хотят изменить их так, чтобы они стали понятны и просты. Приспособить к общению с собой. Делается это так методично и настойчиво, что почти всегда удаётся довести дело до конца. Дети становятся копией своих родителей. Или копией соседа. Друга. Может быть, недруга.

Если бы всё было наоборот, и взрослые сами приспособились бы к языку детей, они бы очень удивились.

Они бы поняли, что Бог приходит в мир в облике ребёнка. Каждый раз. В каждом ребёнке. Он надеется, что люди когда-то поймут это. Тогда они перестанут изгонять Его с Земли, перестанут превращать детей в себе подобных. Они увидят Бога в маленьком существе и оставят Его в миру. Они дадут Ему жить таким, каким он родился – доверчивым, светлым и счастливым. Постепенно мир заполнится божьими созданиями. Исчезнет ложь, предательство, убийство. Исчезнут все грехи. Земля превратится в Рай.

За время существования человека на Земле Бог пробовал сделать это сотни миллиардов раз. Но каждый раз всё заканчивалось одинаково.

31 декабря 1988 года Бог сделал семисотмиллиардную попытку – он пришёл в мир в теле маленькой девочки. Драгоценная корона Женщины сияла над её головой. Родилась Его новая надежда - девочка, которую назвали Марина. Может быть, на этот раз что-то сдвинется в пространстве, времени, в сознании людей, и произойдёт чудо!

Ведь это могло случиться каждый раз, когда на свет являлся ребёнок. Могло случиться уже много раз. Когда же люди поймут это? Кто-то скажет: «Бог может всё. Почему же он ждёт чуда от людей – слабых, маленьких, грешных?».

Всё дело *в свободе выбора*. Свобода выбора – это дар Бога человеку. Не может же он забрать назад свой подарок.

2.

Девочка родилась в богатой семье. По меркам России... Её отец два года назад закончил стройку – большой кирпичный дом с башнями на берегу реки. Эскиз этого замка он нарисовал сам. Это было не трудно – мечта детства всегда жила в нём. Детство же осталось далеко позади – где-то в маленькой деревенской избушке. Там по-прежнему, в бездне прошлого времени, жила большая семья – мать, отец, три брата и две

сестры. Ему, самому младшему, всегда хотелось построить большой дом. Чтобы всем в нём хватало места. Чтобы у каждого была своя комната. А сестёр он хотел поселить в светлицах. О них он знал из сказок.

Его мечта родилась в избушке на курьих ножках. Замок в три этажа с большими резными окнами, с дубовыми дверцами, жёлтым паркетом. Витые лестницы должны быть украшены кружевным литьём. Цветные стёкла сделают комнаты многоцветной сказкой. Ступени мраморной лестницы будут спускаться прямо к реке. Здесь можно сидеть долгими летними вечерами и наблюдать, как медленно остывает рубиновый закат. Слушать вечернюю песню соловья. Над рекой звуки слышны особенно хорошо.

Отцу девочки было всего двадцать девять лет, но он уже успел стать директором комбината. Этот маленький заводик на пяти автоматических линиях производил столько продуктов, что ими кормился огромный край и его соседи – близлежащие города. День и ночь гудели аппараты с мешалками. Конвейеры подавали в упаковочные автоматы бесконечные сорта майонеза, шоколадного масла, маргарина. Всё расходилось прямо с колёс. Комбинат выдавал дешёвую продукцию – « для народа».

Отцу девочки приходилось много работать. Особенно после того, как он стал одним из владельцев комбината. Новые хозяева решили переоборудовать завод. Те линии, что сейчас, надрываясь, из последних сил выдавали нужные тонны, отслужили свой век. Это было трофейное пищевое оборудование довоенных фирм «Робертс» и «Альфа-Лаваль». Новые автоматические линии договорились закупить в Германии. Отец Марины утонул в документации, летал в командировки, пропал за границей.

В своём замке с башнями появлялся редко. Обычно это было так. Раздавался телефонный звонок – секретарь отца сообщала, что он собирается прибыть домой. В назначенный час серебристый «Мерседес» бесшумно подкатывал к высокому кирпичному забору. «Китайская стена» - так называл хозяин это сооружение по периметру усадьбы. Охранник открывал ворота, и машина подъезжала к высокому крыльцу. Он любил эти минуты, когда можно было потрогать сказку рукой, войти в неё и на какое-то время стать добрым королём.

Мать девочки не была его женой. То есть была, но она просто жила рядом. Однажды танцевала с ним на Демидовском балу. Попала туда как лучшая выпускница-детдомовка. Её

премировали за успехи в учёбе. А премией оказался пригласительный билет на бал. Этот маленький цветной кусочек глянцевого картона заменил ей хрустальную туфельку. Именно он привёл Золушку к принцу - в замок с башнями.

Золушка стояла у стены возле узорчатого бронзового столика. Белое кружевное платье, невиданное и первое в её детдомовской жизни, казалось, поднимало её над землёй. Она и в самом деле не чувствовала ног, словно парила в воздухе и готова была полететь при первом же движении. Поэтому она незаметно держалась рукой за выпуклый мраморный изразец на стене. Слегка кружилась голова. Музыка она слышала так, как будто оркестр играл где-то внутри – в самом сердце. От этого оно стремилось вырваться наружу. Приходилось делать усилие над собой, чтобы окружающие ничего не заметили. Пары в бальных одеждах одна за другой вступали в танец. Вихрь музыки увлекал их, и вскоре зал превратился в радужный фейерверк. Золушка старалась улыбаться, держаться прямо и независимо, отчего была похожа на стойкую белую астру на цветной клумбе.

Он увидел этот ослепительный цветок издали и сразу направился к ней. Молча подал руку, и они медленно поплыли по залу, отражаясь в зеркалах. Золотые нити солнца опутали их, соединив в одно целое. Он вёл её в танце сильной рукой. Она же старалась быть лёгкой, чтобы не разрушить эти тонкие золотые нити, соединившие их. Ни о чём не думала она, летая по огромному залу в волнах вальса. Ей просто было хорошо. Так, как никогда ещё не случалось в её короткой жизни.

А после бала он увёз её к себе домой. Золушка не удивилась, когда увидела замок. Она считала, что ей снится сон. Прекрасный, волшебный. Не хочется просыпаться, но утром всё встанет на свои места. Ведь принц, усадил её в золотое кресло, поклонился и уехал. Рано утром в городе у него должны были состояться деловые встречи.

Два года в замке с башнями – сказка, в которую Золушка попала случайно. Так Она ощущала свою новую жизнь. Она считала, что ей очень повезло. Её подружки из детдома жили совсем другой жизнью. Всё в этом огромном доме дышало сказкой. Двери с узорами из литья, витые лестницы, каждая ступенька которых была произведением искусства. Картины из яшмы, мрамора, змеевика и халцедона. Узорчатые окна, двустворчатые дубовые двери. Мебель из красного дерева.

Особенно она любила то самое золотое кресло, куда усадил её принц поздним вечером – после бала. Золушка забиралась в него, словно в мягкую ладонь. Прикрыв глаза, грезила наяву. С закрытыми глазами казалось, что она по-прежнему живёт в детдоме. Почему тишина? Ну, да. Очень тихо. Так это может означать, что начался тихий час. Посидев так минут пять, Золушка уже боялась открыть глаза. Каждый раз казалось, что замок исчезнет. Но замок оставался на месте. И ей даже понравилась эта игра. Ведь в ней волшебной была реальность, а не мечта.

Даже солнце, проникавшее в окна, было здесь другим – казалось, золото льётся сквозь кружево филигранных рам и рассеивается, проходя через золотые шторы. На янтарный паркет ложится тончайший золотой рисунок – вечно текущий и колышущийся, как вода.

Золушка постоянно бродила по замку, наблюдая, как меняется освещение комнат в течение дня. Она и представить себе не могла, что простой солнечный свет может стать живым художником – так мастерски был построен этот дом. Он был предназначен для счастливой жизни.

Каждая безделушка радовала Золушку – ведь в детдоме у неё никогда не было ничего лишнего. Она перемеряла все платья из огромного гардероба, который разом привезли из какого-то немецкого магазина. Примерила все бусы, броши, браслеты, кольца. Все эти вещи казались ей живыми, почти волшебными.

Золушка разыгрывала длинные спектакли. Все роли приходилось исполнять ей самой. Вчера она была английской королевой. Ходила по лестницам, как королева. Обедала по-королевски.

Сегодня ей пришлось стать маленькой разбойницей. Она облачилась в восточный костюм с широким узорчатым поясом. За пояс воткнула «булатный» кинжал в серебряных ножнах. На чалме горела звезда из самоцветов. Весь день она каталась по отполированным перилам лестниц, пряталась в засадах. Все эти королевы, разбойницы, принцессы и великие актрисы словно рождались сами собой. Словно всегда жили здесь.

Странно, но только она сама была чужой в замке. Сознание постоянно выталкивало её из этого дома, как бы не понимая, что она уже здесь.

Ещё бы – восемнадцать лет в детдоме, который жил в её сознании как что-то, единственно возможное.

-Ничего, - говорила Золушка, спускаясь по лестнице в столовую, - я привыкну. И ты привыкнешь ко мне, мой дом!

Она не знала, что когда это произойдёт, ей придётся понять: дом – это место, где тебя ждут. Не картины, не лестницы, не золотые шторы и дорогая мебель. Дом – это люди, которые в нём живут. Пока Золушка этого не понимала. Она играла роль принцессы. Роль была красивой, почти настоящей. И Золушка верила в её силу. Ей казалось, что в замке не может жить несчастье. Только радость. Только свет. Только живое будущее. Все желания здесь должны быть исполнены. Все мечты превратятся в явь.

Но однажды она заметила, что день убыл. Солнце не поднималось уже так высоко, как летом. Его лучи пробивались теперь сквозь строй сосен. Краски в доме как-то померкли. Словно тень вошла внутрь и разлеглась большой серой кошкой. И этой кошке нельзя было сказать «Брысь!» И тогда Золушка испугалась.

3.

Постепенно сказка гасла, словно догорающая свеча. Серый мрак выступил из всех углов. Что-то нарушилось в замке. Что-то нарушилось в Золушке. Словно она стояла на ярко освещённой площади, зажмурив глаза. Солнце пробивалось сквозь сомкнутые ресницы. Где-то далеко – на горизонте светлого пространства сияли радуги. Кто-то светлый приближался к ней. Вот-вот должен был дотронуться тёплой ладонью. И вдруг она очнулась. А перед нею – в миллиметре от лица – пронёсся бешеный автомобиль. И от страха сразу померкло солнце.

Не радовали и не удивляли узорчатые горницы. Молча поглядывали на мир каменные картины и равнодушные зеркала. Не восхищало даже то, что было загадкой – в каждом зеркале Золушка выглядела по-разному. С каждым отражением здоровалась, называя по имени: «Здравствуйте, сударыня! Как поживаете, мадам? Как настроение у моей императрицы? А ты что здесь делаешь, девчонка?». Она привыкла и к этим странным обликам, каждый из которых принадлежал лишь одному - своему зеркалу. Надоели украшения и платья. Ненужно высокими казались лестницы. Странно тяжёлой и вязкой была стылая тишина.

Муж ни в чём не ограничивал Золушку, но жил отдельной, своей жизнью. Только время от времени появлялся в замке, словно по обязанности посещал сиротское заведение. Та солнечная нить, которая соединила их на балу, распуталась, истончилась. Казалось, сердце Золушки повисло на этой тонкой дрожащей ниточке и готово вот-вот оборваться.

Она чувствовала опасность всей кожей – словно, действительно, висела над пропастью. Велика эта пропасть, нет у неё дна. И Золушка знала, что *там* – в этом бездонном чреве. Мир по имени Зверь. Он ненасытен. Он всегда готов принять пищу. Пока он спит, тяжело ворочаясь. Но если ниточка оборвётся...

Теперь Золушка бродила по дому так осторожно, словно и вправду боялась упасть. Всё, что раньше восхищало, теперь говорило о временности и непрочности мира.

Вот она отразилась в глубинах зеркала – Золушка в платье императрицы. Живая, настоящая. Кто скажет, что это иллюзия? Но стоит лишь отступить на два шага, и отражения уже нет. Будто и не было никогда. Лишь витая лестница всё так же видна в зеркале, всё так же уходит вверх, туда, где на втором этаже раньше сиял солнечный рай. А теперь там темно и пусто. Как и в её сердце.

Вот солнце упало на дубовый паркет, потекло живой тёплой рекой. А через какое-то время солнце заглядывает уже в другое окно и оставляет на полу малиновый тревожный след. Но вот и этот след гаснет, и не остаётся ничего. Только ночь впереди. Холодные звёзды, высокая хрустальная луна. Бездна пустого времени. Времени тьмы.

Сегодня Золушка одна провела длинный день в этом замке, где можно встретить только своё отражение в зеркалах да молчаливую прислугу. Муж не появился сегодня. Не появится и завтра.

Каждое утро Золушка спрашивала себя: «Правильно ли ты сделала, когда приехала в замок? Для тебя ли он был построен? Где твоё место? Кто ты сама? Принцесса или Золушка?»

4.

Ночами, когда замок рождал какие-то странные звуки – не то скрипел паркет под чьими-то ногами, не то шелестели шелка пышных штор – ей становилось страшно. Особенно

мрачными были дождливые ночи, когда ветер выл в трубах каминов, стучал в окна, словно странник. Потоки дождя сползали по стёклам, застилая внешний мир. Неуют и холод стояли на пороге большого дома. Стоило только открыть двери, и дом сразу превратился бы в сарай.

Золушка видела почти наяву, как дверь открывается. За порогом – дышит бездна. Замок, наполненный светом и теплом – это что-то временное, призрачное. Бездна – вечна. Именно она вытягивает всё живое из человека. Для неё, Золушки, роль принцессы – просто роль. Текст скоро закончится. Дверь откроется и нужно будет уйти. Туда – в холод и мрак. Когда она жила в детдоме, она не думала об этом. Мир-зверь был единственным вариантом. Он должен был встретить её на пороге – на выходе из детдома. Она не боялась, ведь терять было нечего.

Теперь же... Что теперь?

Золушка понимала, что долго так продолжаться не может. Нужно что-то менять. Возможно, она ошиблась в своём первом шаге на этой земле. У неё нет родных. Подсказать некому. Решать ей самой. Действовать в одиночку.

Никто не гонит её. Но никто и не ждёт в этом доме. Порой казалось, что уйди она однажды, даже прислуга не заметит её отсутствия. А муж ничуть не удивится, не найдя в доме своей Золушки. Ну, была и исчезла. Только и дела. На то она и Золушка.

Карета превратилась в тыкву, возница – в крысу. Кружевное платье – в лохмотья. Ночные призраки сказки вспомнит только она сама. А принц не узнает свою Золушку. Вернее, просто не увидит. Он ослепнет. Уже ослеп.

Она знала, что на первом этаже в маленькой комнате спит прислуга, немолодая женщина. Золушка много раз пыталась разговаривать с ней. С этой женщиной по имени Маша. Но как только произносились первые слова, Маша принималась чистить кастрюли, сковородки. Беседа тонула в скрежете наждачной бумаги, в металлическом грохоте посуды о раковину. Золушка замолкала. Некоторое время наблюдала, как Маша остервенело драит дно очередной кастрюли. Грохот не останавливался, пока Золушка не уходила прочь. Почему Маша вела себя так? Может быть, в договоре о найме было записано условие – не разговаривать на посторонние темы? Может быть. Может быть, она просто была стервой. А возможно, несчастным человеком, который боялся потерять то, что есть.

Чувство страха не проходило. Это одиночество шло по пятам хищной кошкой. Когда-нибудь оно должно было вытолкнуть Золушку в мир, что рычал за окнами. Она знала – мир-зверь ждёт её. Ибо она шагнула в сказку, покинув его. Но он никуда не исчез. Он всегда там – на пороге волшебного замка.

Золушка хорошо знала крепость когтей, блеск его голодных глаз. А зависть, подлость и ложь? Это его любимые детёныши. Стоит только открыть дверь... Она мечтала прожить всю жизнь в волшебном замке, и мечта не хотела умирать. Неужели ей суждено упасть и быть растерзанной зверем по имени «Жизнь».

Куски разорванного тела растворятся в земле, а всё, что было Золушкой, улетит прозрачным облачком в небо. Вон там, высоко-высоко, далеко-далеко – это её любовь и мечты о счастье. Мысленно она протягивала руку и старалась удержать облачко. Это было так трудно, что каждый раз у неё темнело в глазах.

-Нет, - говорила она себе в такие минуты, - я должна выжить. Пусть зверь пока остаётся за дверью. Он всегда успеет добыть себе пищу.

5.

Она решила родить мужу сына. Ей казалось, что после этого всё изменится. Должно измениться.

Когда она поняла, что всё получилось... принцесса снова ожила. У крыльца стояла золочёная карета. Кучер ожидал её приказаний. На крыльце сверкала хрустальная туфелька. А Золушка в платье цвета сиреневой зари босиком танцевала в большом зале. Замок сиял вечерними огнями. Скоро должны были прибыть именитые гости. И не важно, что о празднике знала только Золушка. Вернее, принцесса. Настоящее не увидишь глазами.

Надежда на счастье снова поселилась внутри неё. В буквальном смысле. Ребёнок, сын – вот её счастье. Он всё поставит на место. Он спасёт её любовь.

Муж, узнав, что Золушка ждёт ребёнка, поцеловал её и сказал:

-Тебе решать.

Она обрадовалась. Она надеялась, что сын, наследник – это то самое, святое, что нужно каждому мужчине.

-Теперь всё переменится, - говорила Золушка своему отражению в зеркале, - у нас будет семья.

Она снова тихо бродила по лестницам замка, нося в себе тёплое счастье. Снова солнце вело её от одного окна к другому, защищая от зверя, зализывающего раны за дверью. Муж возил её к доктору, покупал фрукты. В сущности, он был неплохим человеком. Он лишь не чувствовал, что у него есть семья. Ему всегда было некогда. Золушка и его жизнь почти не соприкасались. Существовали в разных плоскостях, в параллельных пространствах.

В деловом мире, густо насыщенном осмысленной суетой, и женщины не должны были выходить за его границы. Всё, что выпадало из этого потока, жило отдельно, каким бы красивым и умным оно ни было. Время от времени он вспоминал про Золушку, приезжал в замок – посмотреть, жива ли она. Этого ему было достаточно. Сам он обитал в большой восьмикомнатной квартире в деловом центре города. Всё в этом жилище было приспособлено для работы. Большой кабинет, где он проводил почти всё время. Библиотека, спортивный зал, бассейн. Архив завода он перевёз сюда же. Комната – склад для образцов продукции. И даже спальня была оборудована видеопультотом – в любое время он мог увидеть, что происходит на заводе.

Замок был чем-то вроде мечты. Без неё – нельзя. Она всегда должна быть где-то. Но жить в её сказочном пространстве и заниматься делом – вещи несовместные.

Золушку он привёз в замок тоже как часть мечты. Как букет цветов. Ему нравилось, что она бродит по комнатам, словно луч солнца. Замок не мог быть пустым и холодным. Там должна была жить Золушка. И она появилась. Если честно, он даже не удивился этому. Словно так и было задумано.

Целых три месяца Золушка думала о сыне. Она уже придумала ему имя – Марик. «Марк» звучит плохо. Зато «Марик» - похоже на имя цветка.

-Мой цветочек! – обращалась Золушка к ребёнку. – Расти. Я жду тебя.

6.

В один из летних дней муж повёз её к врачу.

Золушка встала рано, надела яркий сарафан. Выпила кофе и бродила по комнатам, ожидая машину. Муж сказал, что

приедет к десяти часам. Он никогда не опаздывал. Ровно в десять она открыла дверцу машины и села рядом с ним.

-Сегодня мы сможем узнать, кто у нас родится – сын или дочь, - сказал он.

-Я знаю – родится сын, - откликнулась Золушка. – Его зовут Марик.

Она улыбалась всю дорогу до поликлиники. Мелькали сосны, ели, берёзки. На земле царил славный месяц июль – верхушка лета. В окна ломился воздух, несущий запахи цветущих трав. Летали цветные бабочки. Уносились в неведомые страны по синему небу весёлые облака. Под колёса машины, словно падала разогретая зноем лента асфальта. Дорожные знаки, едва появившись, пропадали где-то позади, растворяясь в мареве текучего воздуха. А между деревьев вслед за машиной летело солнце – надежда на другую жизнь.

Но солнце померкло, когда Она узнала, что родится девочка. Казалось бы – какая разница – сын или дочь. Но Золушка чувствовала, что нужен был сын. Дочь – это другое. Другая жизнь. Другая судьба.

Золушка молча выслушала врача. Равнодушно пропустила мимо ушей его предписания о прогулках и хорошем настроении. Она чувствовала внутри какой-то необъятный вакуум. Он уже начал свою разрушительную работу. Бездна высасывала силы, всё больше истончая нить, на которой висело бедное сердце Золушки.

Муж несколько не расстроился, узнав о девочке. Наоборот. Из поликлиники заехали на рынок. Собрал с прилавков гору фруктов, он отвёз жену в замок и сказал на прощанье:

- Ты хотела Марика, значит, девочку назовём Мариной.

Потом уехал на свою работу, оставив на круглом столе ворох красных яблок, сизого винограда, ананасов и груш.

Золушка плакала, сидя у стола, не в силах остановить слёз. Она знала, что всё рухнуло. Почему? Объяснить не могла даже себе. Но знала это точно. Дикий зверь, лежащий на пороге, лениво потянулся, чуя добычу. Он, как всегда, терпеливо ждал.

Золушка ела чёрные виноградины пополам со слезами, роняла ягоды на пол. Они катились от стола, похожие на маленьких мышек. Котёнок, которого она принесла в дом неделю назад, гонялся за «мышками» и хватал их лапами и зубами.

Золушка смеялась и плакала. И отчаянно ела виноград, словно стараясь заесть горечь будущего – тот самый страх жизни, который след в след шёл за ней. Изю дня в день.

-Зачем, зачем я поехала к врачу! Если бы я и дальше думала, что у меня родится сын...он бы и родился! - плакала Золушка.

Она была уверена в этом. Муж полюбил бы мальчика. Потому что сын стал бы его копией. А девочка... Станным далёким чувством Золушка знала: девочка - это её повторение. И её судьба не вписывается в жизнь мужа.

Иногда, просыпаясь утрами, она пыталась убедить себя, что эти мысли – просто наваждение. Что всё будет хорошо.

7.

И вот она родилась – девочка Марина. 31 декабря 1988 года. Драгоценная корона Женщины сияла над её головой. Навстречу ей летел год, последний в череде восьмидесятых. Её мать, Золушка-принцесса, с тоской смотрела в метельное окно. За морозным стеклом ей, как всегда, подмигивал мир-зверь. «Давай-давай, - говорил он, - я жду тебя. Теперь уже недолго!»

В роддоме Золушка была ещё спокойна. Это казённое учреждение своими стерильными законами защищало её. Она чувствовала это физически. Размеренный распорядок дня, белые халаты, завтрак, обед и ужин, обход врачей, процедуры – все эти ритуалы выстраивались в какую-то защитную стену. Золушка обрадовалась, когда врач сказала, что им нужно остаться здесь ещё на неделю. У ребёнка на щеке появилось пятнышко. Скорее всего, это было маленькое пищевое расстройство. Но таков порядок. Домой ребёнка увозят только тогда, когда нет никаких отклонений.

Ещё неделю жили мама с дочкой в этом стерильном доме, где было много людей, кричали новорождённые, стонали роженицы. Но Золушка чувствовала себя здесь, как дома. Наверное, потому, что это заведение так было похоже на её родной детдом. Даже отдельная палата со всеми удобствами не меняла ощущения - роддом казался большой семьёй.

Но день выписки всё-таки наступил. Это был понедельник. Отец приехал за своей дочкой в десять утра. Большие букеты красных роз подарил врачу, медсестре и жене. Усадил её с ребёнком в машину. Золушка оглянулась, посмотрела на крыльцо. Там всё ещё стояли врач и медсестра.

Медсестра махала рукой. Но какая-то тёмная сила уводила Золушку и её дочку от этого дома. Ей было хорошо здесь. А вот, что будет в замке? Если бы можно было остаться в роддоме, Золушка бы осталась.

Отец был рад рождению Марины, но почти сразу же забыл о её существовании. Правда, в большом зале замка всё было готово к приезду хозяйки. Много цветов, подарков, игрушек. Фрукты, деликатесы. Но Золушка с дочкой, как всегда, остались одни. Отец сразу же уехал на очередную деловую встречу.

Он пропадал на работе и где-то – в другой, ведомой только ему, жизни. Появление дочери ничего не изменило – работы не стало меньше. Времени не стало больше. Замок по-прежнему неделями ожидал своего хозяина. Плач маленькой Марины тревожил только её мать.

Мать Марины осталась один на один с маленьким существом. Стало ещё тяжелее, чем раньше. Дремлющая бездна под ногами наполнилась теперь страхом за жизнь ребёнка. Природа устроила так, что младенцу нужна защита. Ему нужна двойная защита. Защита с гарантией. Поэтому двое взрослых всегда должны быть рядом. Если что-то случится с одним, на смену придёт другой. Но матери, защищающей жизнь своего дитя, ей самой нужна защита. Такая же, как и ребёнку. Если этого нет, наступает срыв. Невроз – так это называют врачи.

Когда дочь болела, страх наваливался с новой силой. Даже если это была обычная простуда. Дыхательные пути у детей очень слабые. Если слизь на минуту перекроет бронхи... Что будет тогда? Золушке всё время казалось, что болезнь в любую минуту может лишить её ребёнка. Она знала, что не сможет пережить этого. Остаться совсем одной, без дочки, было невыносимо.

Когда Марина кашляла, у матери кололо в груди. Ей было трудно дышать. Она болела вместе с дочерью. Она болела «за неё», принимая болезнь на себя. Ей казалось, что это помогает, облегчает муки ребёнку. Но болезни приходили одна за другой. Одна тяжелее другой. Врачи постоянно теперь дежурили в доме. Золушка знала, что Марина болеет именно потому, что нет той защиты, которая должна быть. Два взрослых человека – мать и отец – должны согревать ребёнка теплом своих мыслей, своих излучений любви. Но этого нет. И ребёнок болеет.

Золушка, отчаявшись, решила мысленно отделить себя от мужа, чтобы стать сильнее. Чтобы успокоиться. Чтобы Марина почувствовала её спокойствие. Никто не учил Золушку психологическим упражнениям. Она изобрела их сама. И делала эту мысленную «гимнастику» каждый день. И чудо произошло. Марина постепенно перестала болеть. Сама же, Золушка, чувствовала, что страх, глубинный страх – первородное чувство опасности... это осталось. Словно заноза где-то глубоко в сознании.

Вырвать эту занозу не получалось. Не помогали и упражнения, которые Золушка придумывала для этого. Она представляла себе ярко и живо эту мерзкую занозу. Вот она – такая колючая, жёсткая. Сидит там, в глубине сознания. Золушка шла туда, в эту далёкую глубину. Пыталась вырвать занозу и выбросить её во внешний мир. Но стоило только отвлечься на секунду, и заноза оказывалась опять на том же месте. Чего-то не хватало в этой придуманной на ходу методике. Но чего? Золушка не знала. Пойти к врачу ей даже и в голову не приходило. Хороший психотерапевт, наверное, смог бы избавить её от прилипчивой беды. Но в детдоме никто не объяснял, кто такой психотерапевт. И зачем он существует.

Сама. Одна. Везде одна. Боролась она с собой, зная, что помочь некому. Зная, что для её дочки очень важно настроение матери. Девочка должна быть здоровой, должна быть счастливой.

8.

Усмирить дикого зверя по имени Страх, мать Марины однажды попробовала с помощью рюмки виноградного вина. И, удивительно, но это помогло. Три часа она летала по замку, словно неведомая птица из страны счастья. Напевала какие-то легкомысленные песенки. Разговаривала с дочкой. Потом они долго играли вместе. Марина прятала игрушку – любимого полосатого котика. Мать искала его. Когда находила, они смеялись, обнимались, целовались. Потом настроение снова упало. Марина отправилась спать. Золушка сидела около кровати, пока дочь не заснула. Потом вышла в коридор и остановилась у лестницы.

В странном заторможенном состоянии, словно стоя в тесном тупике, наблюдала она за игрой теней на ступенях. Просто стояла. Просто смотрела, не в силах сдвинуться с места.

Она снова ощущала неведомую силу, которая желала... пока только желала, вытолкнуть её из пустынного замка.

-Нет, - произнесла Золушка, - нет! Я справлюсь.

Она быстро спустилась по лестнице, подошла к стене, нажала кнопку бара. Выпила рюмку того же красного вина. Через минуту стало легче.

Дни шли за днями. Золушка научилась бороться со своими страхами. Вино... оно стало лекарством от боли – оно преображало мир. Оно согревало, освещало замок ореолом лёгкости и меняло волшебным образом настроение.

Так изо дня в день Она боролась с диким зверем, терзавшим её изнутри. Постепенно вино стало её пищей. Потом в ход пошли напитки покрепче.

9.

Отец Марины сначала ничего не замечал. Когда он звонил и сообщал, что придет, жена приводила себя в порядок. Те роли, которые она играла сама себе, теперьгодились. Теперь она играла их для мужа. Ей удавалось выглядеть красивой и безмятежной. Тем более, что муж почти всё время проводил с дочкой. Он хотел, чтобы редкие его посещения не оттолкнули ребёнка. Чтобы девочка помнила отца. Знала, что он есть. Что много работает, чтобы ей жилось хорошо. Коробками привозил игрушки.

Но время бежало неумолимо. Постепенно он начал понимать, что что-то происходит. С удивлением наблюдал за Золушкой. Он видел, что она изменилась. Не мог понять, зачем разыгрываются театральные сцены. Его стали раздражать все эти пышные наряды, шляпки, веера и вуали с цветами.

Шила в мешке не утаишь. Он понял всё. С этого момента жизнь в замке изменилась. Он совсем перестал приезжать сюда. Марине тогда исполнилось три года. Её мать поняла, что больше не увидит мужа. По инерции ещё год она жила в замке. Спивалась всё больше. Уже не пряталась от прислуги. Не пряталась от дочери. Марина не осознавала всего, ей было только три года. Но понимала, что надвигается что-то страшное. Она часто просила жалобным срывающимся голоском: «Мамочка! Не пей больше! Мамочка, не падай!»

Но падение уже совершилось. Дверь замка была открыта. Мир-зверь давно уже вошёл внутрь и ходил по пятам за Золушкой. Он ждал удобного момента, чтобы прыгнуть ей на

грудь и вонзить клыки в горло. Золушке никогда не стать принцессой. Она всего лишь – детдомовская девчонка по недоразумению ставшая матерью.

Когда отец не появился дома в день рождения Марины, мать собрала вещи, одела дочку, и они пошли прочь. Сказка, в которую Золушка, попала случайно, закончилась. А Марина не успела понять – что такое сказка. Из этой страны она унесла только свою любимую игрушку – полосатого заводного котёнка. Очень похожего на того, живого, что когда-то поселился в замке. Но живой котёнок вырос, давно уже был царапучим котом. А этот «полосатик» так и остался любимым другом и братом. Марина несла его, прижав к животу. Они вместе покидали замок. Что ждало их впереди, Марина, конечно, не знала. А её матери было уже всё равно.

10.

Поселились они в общежитии, в комнате подружки по детдому. Комната, размером с большой шифоньер, еле-еле вмещала раскладушку, на которой Золушка спала вместе с дочкой. Подружка матери, Лерка, работала дворником. Комната досталась ей как раз по этой причине – дворнику полагалось жильё. Этот шедевр строительного искусства, эту комнату площадью двенадцать с половиной квадратных метров, размером 2,5 x 5 метров, стоит описать отдельно.

Комната производила впечатление школьного пенала. Находилась она на первом этаже разваливающегося кирпичного общежития. Солнце не проникало сюда никогда. Зато зловонные пары из подвала постоянно норовили залезть в форточку и щели в рамах. В десяти метрах под окном раскинулась обширная свалка. Там стояли мусорные контейнеры. Но они всегда были переполнены. Мусор валили сначала рядом, потом – куда придётся.

Если бы не высокие потолки, в этой комнате оставалось бы только повеситься. У единственного окна, зажатого стенами, стояла тумбочка с телевизором. К правой стене прилип плоский шкаф, видимо служивший когда-то встроенной мебелью. Его поперечный размер, не более полуметра, как нельзя кстати подходил для комнаты. Ведь её ширина не намного превосходила этот шкаф. Рядом с ним, почти у двери, располагался кухонный столик. На этом столике кое-как размещались плитка и чайник. В углу стоял минихолодильник.

Больше места не было ни для чего. У левой стены притулился сложенный диван. Оставалось ещё место для раскладушки. Там она и раскладывалась по ночам. Днём на её месте появлялись стулья. Сидя на них по очереди, обитательницы комнаты трапезничали.

В первый же вечер Золушка и Лерка отметили новоселье. На одном из стульев разложили закуску, поставили два стакана и бутылку самогона. Марина в это время, сидя на диване, смотрела телевизор. Женщины выпили. Потом ещё. После чего Лерка сказала:

-Ну, ты и дура! Дворянское поместье променяла на сортир.

-А мне здесь лучше! – заявила Золушка. – Здесь я чувствую себя живым человеком. А там – была пустым местом. Даже мебель просвечивала сквозь меня. Даже прислуга меня перестала замечать. Здесь я живу. А там – я умерла. Выпьем за мои похороны!

-Дура! – повторила Лерка. – Я бы ни за что не ушла. Плевать – пускай пустое место. Зато где – в дворянском замке! Комнат – без счета. Прислуга! Одежда классная. Жратва любая.

-Лучше я буду голодать, - крикнула Золушка. Она уже была пьяна.

-Что ты из себя представляешь? Вот твой муж...

- Он мне не муж. И не отец для Маринки. Это сволочь! – плакала Золушка. – Он даже не заметит, что нас там больше нет.

-Ладно. Чёрт с ним! Давай ещё выпьем, - успокаивала её Лерка. – И всё-таки ты дура! Скажи?

В трёх соседних комнатах секции жили многочисленные Дёмины. В одной комнате – мамаша, глава семейства. В другой – её старший сын с семьёй. В третьей – младший Дёмин, который недавно вернулся с зоны. Все они пили горькую, порой обмирая до бесчувствия. Особенно безобразно напивалась мамаша Дёмина. Когда-то она работала на химкомбинате. Мамаша любила вспоминать свою ответственную работу. Она была аппаратчиком на одном из процессов. И сейчас помнила этот процесс, цитируя наизусть инструкции. Это было одной из стадий её опьянения. Стадия наступала после третьего стакана.

- Зака-чи-ваем в ап-па-а-рат номер один три-ста литров то-лу-о-ла, - выкрикивала мамаша, сидя за колченогим столом.

Этот стол служил единственным оборудованием общей кухни. Кроме висящих лоскутьями обоев там больше ничего не было.

-В аппа-ра-т номер три ва-ку-ум-на-со-сом за-качи-ва-ем нитро-смесь, вклю-ча-ем нагрев, - выбрасывая руку вперёд, грозилась кому-то старушка.

-Закусывай, закусывай после третьего, - советовал ей старший, а то опять буяннить начнёшь.

Мамаша закусывала. Но расстройство настроения всё равно наступало - на следующей стадии пиршества. Она долго пыталась буяннить, бить посуду, ломать стулья. Тогда сыновья закрывали её в комнате на ключ. Она некоторое время скулила там, как собака. Потом от нечего делать засыпала.

Младший Дёмин часто накушивался где-то на стороне – кажется, у любимой женщины. Домой возвращался на автопилоте. Но стоило открыть входную дверь, как он тут же падал в нутро коридора. Каждый раз ударялся головой об пол. Но это никак не сказывалось на его умственных способностях. Хуже они просто не могли уже стать. Он так и спал на голом полу, не замерзая и не простужаясь.

Золушка даже подружилась с Дёминами. Младшему приносила подушку, подсовывала ему под голову. Каждый раз удивлялась, как не расколется его череп при отвесном падении на пол.

Разговаривала с мамашей Дёминой через дверь, когда её запирали сыновья. Уговаривала её лечь спать и не расстраиваться. Мамаша плакала пьяными слезами, всегда выговаривая одну и ту же фразу: «И-эх! Детки. Неблагодарные!». А к старшему Дёмину Золушка испытывала даже уважение. Он занимался починкой телевизоров. У него были свои клиенты. Правда, все они жили тут же, в общаге. И денег у них, как правило, не было. Зато всегда находилась бутылка-другая самогона.

Марина же принимала всё как данность. Ведь пьяную маму она видела почти с первых дней своей жизни. И пьяные Дёмины ничуть не удивляли девочку. Они мало отличались от её мамы. Девочка часами смотрела телевизор, не обращая внимания на пьяные разговоры и даже драки. Драки каждый раз затевала Лерка. Потому что соседи не могли спокойно пройти мимо чужих вещей.

Соседи воровали у Лерки всё, что попадалось под руку во время их застолий. Кастрюльку, ведро, вилки, ложки, косметику... Всё. Даже книги. Хотя книги труднее всего было обменять на самогон. Их никто из самогонщиков не брал. Но младший Демин тащил и книги и умудрялся сбыть бесполезный товар.

Лерка каждый раз, обнаружив пропажу, скандалила. Пыталась отобрать у них то, что ещё не пропито. Или забирала взамен что-то из скудного скарба Дёминых. Но содом продолжался. Однажды пропала даже палка колбасы из маленького холодильника Лерки, хотя комната в это время была на замке. Младший Дёмин забрался внутрь через окно. Хотя оно тоже было закрыто на шпингалеты. Другой жизни Дёмины не знали.

Марина в окно наблюдала постоянно одну и ту же картину. Сначала из общаги выбегал младший Дёмин. Правда, «выбегал» - это слишком сильно сказано. Его качало так основательно, что траектория движения напоминала восьмёрку. Следом за ним бежала пьяная Лерка. Её неумолимо тянуло вперёд. Она падала. Кое-как поднималась. Пыталась догнать вора. Снова падала.

Мужики, сидящие на пеньке под деревьями, кричали: «Лерка, давай! Держи вора!». И ржали, как лошади, когда Лерка падала в очередной раз.

Эти тараканьи бега были любимым развлечением всей общаги. Мать Марины не участвовала в драках. Здесь, она уже никогда не бывала трезвой. И ей всё было безразлично. Только Марина ещё оставалась её любимой дочкой. За неё болела душа бывшей принцессы. Но сама она не чувствовала себя даже и Золушкой. Ведь у Золушки было будущее. А у неё – ни настоящего, ни будущего. Только прошлое. Да и оно уже стиралось из памяти, словно и не было ничего. Ни замка, ни принца, ни мечты о счастье.

Иногда Марина спрашивала у матери:

- Мама, а где папа? Он живёт в том большом доме? Помнишь – мы с тобой тоже жили там?

-Деточка, - отвечала пьяная бывшая Золушка, - мы там не жили. Мы просто были в гостях. А теперь вернулись домой. А папа твой – сволочь. Мы ему не нужны. Забудь его.

-Нет, - упорствовала Марина, - я не хочу забывать. Папа хороший.

-Запомни, детка – он сволочь. Уж ты поверь мне – я это знаю.

-А я не верю, - плакала Марина.

Она всё-таки помнила замок и своего отца, хотя и была совсем маленькой, когда мать увезла её в общагу. Но время делает своё дело. Марина всё реже вспоминала про жизнь в замке. И постепенно перестала спрашивать у матери про отца.

12.

Младший Дёмин отбывал свой долгий срок за кражу овец. Он угнал и продал тридцать баранов, когда работал в колхозе «Путь к коммунизму» в Сыр-Дарьинском районе. Сторожил на пастбище огромное стадо – голов пятьсот. И думал, что никто не заметит этих тридцати баранов. Проговорился покупатель. И Демин пошёл под суд. Там, в этом Сыр-Дарьинском районе, жила его жена Зульфия. Тогда Советский Союз ещё не распался. Младший Дёмин с ностальгией вспоминал жаркий климат, пески, дикие абрикосы, которые везде росли вдоль дорог.

-Представляете – абрикосы. Везде. И никто их не собирает. У каждого собственный сад. А там – виноград, алыча, яблоки, черешня. Что хочешь. Всегда тепло. Зря я не вернулся к жене. Не пустили за границу, твари! Зульфия, красавица моя! Помню твоё повидло из абрикосов и лепёшки. Такого хлеба здесь не сыщешь.

-Ладно тебе, - говорила Лерка, - вспомнил! Зульфия... А я чем хуже?

-Зульфия всегда молчала. А ты... Ты за какую-то паршивую книгу убить готова.

-А ты у себя книги пропивай, а мои не трогай. Я их читаю.

-Ну, и что ты там вычитала?

-Моё дело.

-И всё-таки?

-Знаешь, что такое геосинклиналь? – гордо спрашивала Лерка.

-Гео...Что?

-Геосинклиналь.

-Ну, это, наверное, что-то у женщин...

-Ха-ха. А вот и нет, - сменялась Лерка.

-И что же это?

-Вот читать будешь, и узнаешь. А что такое ангиография?

-Да ладно! Гонишь. И слова такого нет!

-А вот и есть. А что такое амфибрахий?

-Подумаешь, академик по имени Лерка! Зато я знаю, что такое тандыр.

И младший Дёмин снова «гнал» воспоминания – многосерийный рассказ о счастье. О вечно тёплой и солнечной стране – среднеазиатском рае. Там идут тёплые дожди, растут фрукты. Цветут тюльпаны. Там много солнца и нет зимы. Там осталась его молодость и всё, всё, всё... Там осталась смиренная красавица Зульфия.

Мать Марины слушала его рассказы, плакала пьяными слезами и мечтала уехать в Ташкент.

13.

Марине тем временем исполнилось семь лет. Однажды их дом посетила молодая учительница. Она записала Марину в какую-то бумагу. Сказала, что первого сентября надо прийти в школу. К школе приготовить учебники, тетради, карандаши. Фломастеры. «Хорошо бы купить форму девочке», - сказала она. И ушла. Учительница очень понравилась Марине – её улыбка, длинное светлое платье, высокие каблуки – всё это было из какого-то другого мира. Мира сказки.

-Мама, ты купишь мне портфель? Я хочу в школу, - сказала девочка.

-Куплю, доченька. Учиться надо... Я училась. Была отличницей. У меня в аттестате одни пятёрки. Сейчас я тебе покажу, - полезла в шкаф мать.

Она долго копалась на полках. Документа не нашла. Может быть, он остался в замке вместе с мечтой о счастье. Здесь, в грязной общаге, аттестат был бы просто ненужной бумажкой – просто куском картона с буквами и печатью.

-Ладно, потом найду. Ты тоже будешь отличницей. Ты же умница!

Марина целый месяц мысленно готовилась пойти в школу. Даже представляла, как она сидит за партой, открывает альбом и рисует весну. Тюльпаны. Цветущий урюк. Солнце. Дождь. Радугу. Несколько раз Марина бегала смотреть школу, где ей придётся учиться. Заходила в пустынный коридор, заглядывала в классы. В школе пахло краской. В окна било

яркое августовское солнце. Парты сияли. Марина гладила рукой белые крышки.

-Хорошо, что я пойду учиться, - радовалась она.

Но мама не отдала Марину в школу по причине беспробудного пьянства. У девочки не было ни школьной формы, ни портфеля, ни учебников. Она не могла ходить на уроки. Мать обещала учительнице, что на будущий год приготовит дочь к школе. Оправдывалась тем, что пока нет работы. Но работа вот-вот уже будет. На следующий учебный год Марина обязательно пойдёт учиться. Но и на будущий год этого не произошло.

Марина по-прежнему бегала по двору, играла в прятки с теми, кто тоже не ходил в школу. Таких было много. Для них сентябрь был не школьным, а садовым. Осень – время хорошей кормёжки в чужих садах. Яблоки, лук, картошку, огурцы и помидоры – всё это дети таскали из садов мешками. Сторож не справлялся с охраной большого садового хозяйства. Марина не ругала дочь за украденный из чужих огородов урожай.

-Мам, я принесла огурцы и помидоры. Давай закрутим их в банки на зиму, - предлагала Марина. – Чеснок, укроп тоже есть.

-Хорошо, доченька, - отвечала, как всегда пьяная, мать.- Кормилица ты моя!

И они успевали за сезон «накрутить» немало банок. Некоторые потом удавалось съесть Марине. Многие из них шли на пропой маме и Лерке. Сколько-то растаскивали Дёмины.

Август и сентябрь были счастливым временем для общаги. В это время дети не голодали. Чужой урожай помогал им выжить, запастись витаминами. Ведь впереди их ожидала долгая зима. Безденежье. Самогонные посиделки родителей, где закуской почти всегда служили чёрный хлеб да соль.

Когда учительница сообщила, что Марину отберут и отдадут в детдом, мать стала прятать её от посетителей в комнате мамы Дёминой. Как только раздавался стук в дверь в коридоре, мать хватала Марину за руку и тащила в комнату старушки. Марина сидела там тихо, как мышка. Пока мать не открывала дверь и не убеждалась, что опасности нет. Она даже пить стала меньше – боялась потерять своё единственное сокровище. Свою Марину. Мать стала сама учить дочку читать и писать. Марина очень быстро освоила эту науку. Сама читала

сказки, которые ещё сохранились на книжной полке у Лерки. Но постепенно от напряжения устали они обе. И мать Марины сорвалась в безобразный и долгий запой.

Она чуть не умерла – у неё даже была остановка дыхания. Мамаша Дёмина вызвала «Скорую». Странно, но машина приехала, и довольно быстро. Врач что-то долго делал с бесчувственной женщиной. Марина никак не могла увидеть – *что*. Её мать лежала на кровати в комнате мамаша Дёминой. Дверь прикрыли, и Марина могла лишь заглядывать в щель. Наконец, врач и медсестра вышли в коридор.

-Есть кто-нибудь из родственников? – спросил врач.

-Я, - ответила Марина. – Это моя мама.

-Больше никого?

-Никого.

-Тогда слушай ты. Твоей маме больше нельзя пить. Она может умереть. У неё плохое сердце. Она могла умереть уже сегодня. Ей просто повезло, что мы быстро приехали. Если бы прибыли десятью минутами позже, спасти твою маму было бы уже нельзя. Понимаешь?

-Понимаю.

-Слушай дальше. Пусть твоя мама, когда ей станет лучше, пойдёт к наркологу. Вот адрес. Но сначала пусть она отлежится – недели три. Забрать с собой я её не могу – она слишком пьяна.

Врач протянул Марине визитку – там была написана фамилия, адрес, телефон.

-Я поговорю с наркологом. Твою маму пролечат бесплатно. Не должны же умирать такие молодые мамы, правда?

-Да, - неуверенно сказала Марина.

-Ну, вот и хорошо. Мама твоя пока спит, не буди её. Не потеряй визитку. Я пошёл.

Врач пожал руку Марине, как взрослой, и отправился к машине.

Марина спрятала визитку в кармашек брюк. Этот кусочек картона был для неё волшебным билетом, который должен спасти маму. Марина представила себе, что будет, если мама умрёт. Жизнь без неё нарисовалась мохнатым чёрным существом - огромным, страшным, хищным. Оно будет охотиться за Мариной и от него нельзя будет спрятаться.

Она вздрогнула, стряхнув с себя его тяжёлую лапу, и вошла в комнату. Там на сером матрасе лежала её мама. Она

дышала, но глаза были закрыты. Марина вспомнила, что сказал врач.

- Спи, мамочка, - сказала она и закрыла мать старым байковым одеялом. – Ты вылечишься. А я пойду работать дворником. Нам дадут комнату. И мы будем жить долго и счастливо.

Последнюю фразу Марина добавила потому, что так заканчивалась её любимая сказка «Аленький цветочек». Там Марьюшка полюбила чудище заморское, а чудище превратилось в принца. И они потом жили долго и счастливо.

Марина переписала эту сказку на свой лад. Ей даже не хватило целой тетрадки в клеточку. Правда, в тетрадке часть листков была вырвана кем-то. Наверное, Лерка писала письмо. Она время от времени посылала запросы то в один город, то в другой – всё хотела найти родителей. В этой тощей тетрадке крупными красивыми буквами Марина и записала свою сказку:

СКАЗКА ПРО АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Жили-были в большом-большом замке мама с дочкой. Жили они хорошо. Много у них было и золота, и самоцветов. Много зеркал в красивых рамах. Мама с дочкой всегда отражались в зеркалах и были очень красивыми. Они любили друг друга. И всегда вместе ходили по высоким лестницам. Чтобы не упасть. А пол в замке был солнечным. И он скрипел, когда они танцевали.

В больших вазах с землёй там росли цветы. Волшебные. Потому что никогда не переставали цвести. И однажды мама увидела во дворе Аленький Цветочек. Он был маленький, но очень красивый. Мама сорвала его, чтобы поселить в дом. В вазу с землёй. Чтобы он не замёрз зимой.

И вдруг замок зашатался. Открылись ворота, и появилось Чудище заморское.

- Зачем ты сорвала мой Цветочек Аленький? – заревело Чудище. – Теперь смерть моя пришла.

- Не плачь, Чудище заморское, - сказала мама. – Я тебе помогу.

Она подошла к нему, погладила мохнатую голову. И поцеловала его.

И случилось Чудо!

Чудище безобразное превратилось вдруг в прекрасного Принца.

Принц улыбнулся и сказал девочке:

-Ты знаешь, а я – твой папа!

-Я всегда знала, что ты придёшь! – крикнула девочка.

И они стали жить в замке втроем. И жили долго и счастливо.

Мать Марины отлежалась, как и велел врач. Но только несколько дней. Марина каждый день читала ей свою сказку. Мама, слушая хрупкий голосок, потихоньку шмыгала носом, чтобы дочка не заметила слёз. Когда чтение заканчивалось, Марина спрашивала:

-Правда, хорошая сказка? Правда? Я сама написала.

-Очень хорошая. Ты, когда вырастешь, будешь писательницей. Напишешь много сказок. Умница моя!

Через неделю мама встала и пошла добывать самогона. Визитку она вернула дочке:

-Сохрани, детка, этот адрес. Может быть, я и надумаю туда пойти. Если найду денег. Бесплатно никто никого не лечит.

К вечеру она напилась и долго кричала, сидя в кухне:

-Сволочь! Сволочь наш папочка! Бедная моя девочка!

Лерка уговаривала её:

-Да плюнь ты! Не вспоминай! Пусть он подавится своим замком!

Так прошёл ещё год. Однажды мать Марины, протрезвев, вдруг сказала, что уезжает в Ташкент. Она просила дочку подождать. Обещала забрать её в тёплые края, где цветёт урюк вдоль дороги. Рано утром мать взяла пакет с единственным ещё хорошим платьем и ушла на остановку трамвая. Путь её лежал на вокзал. А оттуда – на товарняке – в Среднюю Азию.

Марина осталась вдвоём с Леркой.

Лерка после отъезда подруги затосковала.

-Это всё ты! – кричала она младшему Дёмину. – Урюк, черешни... тандыр. Из-за твоего тандыра девчонка мать потеряла. Где она теперь? То ли жива, то ли нет. Скитается где-нибудь, милостыню собирает.

Лерка хлестала водку и плакала. Ей было жаль подругу, жаль Марину. Девчонка теперь сирота.

«Сирота» - это свистящее и рычащее слово не нравилось Марине. Оно было похоже на дыру в подвале, откуда всегда валил вонючий пар. Лерка объяснила, что сирота – это ребёнок, у которого нет родителей.

-У меня есть, есть, есть! – кричала Марина. – Мама в Ташкенте. А папа в замке.

Летним днём в августе, когда созрели яблоки в садах, Марина решила найти отца. Она взяла с собой пакет с украденными из садов яблоками, вошла в автобус и уселась на сидение возле кабины водителя. Автобус увёз её за реку в район больничного комплекса. Марина не нашла замка своего отца. Она обошла все окрестности. Добралась и до коттеджей в районе льнокомбината. Но ничего похожего на тот замок, в котором они жили с матерью, не было. А однажды Марина подумала о том, что, наверное, этот замок ей приснился.

15

Некоторое время Марина жила в теплотрассе на территории больничного комплекса, прячась, как зверёк, в своей норе от любопытных. Ранней осенью в лесу было хорошо, пахло хвоей. Берёзки тихо роняли жёлтые листья. Марина собирала их и приносила в нору. Там было уже много листвы. Настоящая постель из листьев.

Потом пошёл снег. Стало холодно. Но когда по трубам пустили тепло, нора отогрелась. Кормилась Марина с кухни инфекционного отделения. Сердобольная старушка, посудомойка, давала ей суп и хлеб. Она же подарила девочке иконку «Нерукотворный Спас». Марина часто разговаривала с Иисусом. Но морозы крепчали. Девочка поняла, что в норе больше не прожить. Вернуться к Лерке она не смогла – не помнила адреса. Искала много раз наугад, садясь во все автобусы. Но ни разу не попала туда, где стояло старое разваливающееся здание знакомой общаги. Пыталась спросить у людей:

-Скажите, на каком автобусе можно доехать до общаги?

-До какой общаги, девочка? Их в городе много.

- Ну, кирпичный дом такой... Там Лерка живёт.

- Без адреса тебе не найти. Иди в милицию. Они помогут.

Но в милицию Марина не пошла. Помнила, что Дёмины ненавидели ментов. Считала, что в милиции её просто арестуют. Она пыталась поселиться на лестнице одного из больничных корпусов – на верхнем этаже. Там было тепло. Ей даже удалось переночевать несколько раз на деревянной лавочке, которая была прибита к стене. Под лавочкой жила серая кошка. Марина подружилась с ней. Ночью они грели друг друга. Марина устраивалась на лавочке. Кошка ложилась сверху. Долго мурлыкала, а Марина засыпала под её песенку. Здесь, в тепле, ей снились красивые сны. Утром она их забывала, но один, такой яркий и настоящий, запомнила.

Марина видела себя в невесомых серебряных одеждах на текучем фоне снегопада. Она стояла на краю огромного увала, похожего на спину спящего белого медведя. Устремлённая вперёд, как стрела в невидимом луке, она почти летела сквозь кружево мохнатых хлопьев. Внизу новогодними огнями блестел в снежной мгле город. Маленький, узкий, вытянувшийся вдоль реки. Он напоминал лежащую в снегах, украшенную живыми блёстками, ёлку. Вот-вот поднимет её невидимая рука – и огни вознесутся в небо. Сверкающие снежинки и огни города сольются в едином порыве ветра. Трудно не полететь в этом вихре. И она полетела.

Драгоценной самоцветной кометой неслась вдоль улицы, освещённой фонарями и огнями новогодних гирлянд. Слева ей был виден серебряно-голубой, парящий над землёй силуэт Успенской церкви. В призрачном свете ночного города сверкали золотом кресты над его куполами. Справа, уходя вдаль, изгибаясь вдоль берега реки, гудел ночной город. Вдали угадывались сквозь мглу похожие на светящиеся вафли остовы девятиэтажных домов.

Она хотела вспомнить сквозь поток снежного времени то, что уже знала об этом городе. Когда-то, в другой жизни, она жила здесь. Да, это было! Как и когда покинула эту землю, она не ведала. Но маленький городок, эти улицы, реку, спящую подо льдом, светящийся собор – всё это ей приходилось уже видеть. Она знала, что здесь заканчивается одна из тупиковых ветвей необъятного железнодорожного пути.

О чём думала она, Летящая в Снегопаде? Мысли её были просты и печальны.

- Я пришла на эту Землю. Я вернулась...

Драгоценная корона сияла над её головой. И вдруг погасла.

Марина проснулась. Ей было так жаль этой короны! Казалось, что она и в самом деле потеряла что-то важное. Что-то такое, что могло изменить всю жизнь.

В этот день одна из нянечек заметила девочку и сказала:
-Детка, уходи отсюда. Узнают, что ты здесь ночуешь, сдадут в детдом.

В детдом Марина не хотела. Слышала много плохого от матери – что бьют слабых, не любят новеньких... Ей казалось, что в детдоме ещё хуже, чем на улице. Она снова отправилась жить в теплотрассу.

Однажды морозным утром она ушла из своей норы в мир людей - воровать, добывать хлеб, как получится, и *жить до тех пор, пока удастся остаться живой.*

ЭПИЛОГ

Случилось это в начале февраля в последний год, порядковый номер которого начинался словом «одна тысяча ...». Было как-то странно, что такой замечательный год ничем не отличается от прежних. Только ощущение какого-то рубежа, который нужно преодолеть, всё же не отступало, словно изнутри звало тебя что-то далёкое и непонятное – не то незнакомый голос, не то тихая музыка.

С утра пошёл снег – сначала неохотно, медленно. Каждая снежинка лениво плавала в морозном воздухе, как в плотной прозрачной воде, качалась туда-сюда и никак не хотела приближаться к земле. Казалось - это летают живые создания, которые боятся упасть, понимая, что подняться уже никогда не удастся.

Я брела в этом медленном, постепенно сгущающемся снегопаде по тропинке между сосен. Мне надо было найти корпус инфекционного отделения. Он затерялся где-то в гуще деревьев, в толпе серых зданий - среди других больничных корпусов. Там лежал с внезапно обнаружившимся гепатитом мой сослуживец - сосед по рабочему кабинету. У него не было родственников в городе, и никто не навещал его в больнице. А

лежал он там уже две недели. Я решила отнести ему апельсины, хотя и не знала, можно ли при таком диагнозе их употребить.

Встречные прохожие указывали то на одно здание, то на другое. Но ни одно из них не было инфекционным отделением. Увидев вдалеке четырёхэтажное сооружение, я свернула в его сторону. Но, добравшись до этого мрачного корпуса, я решила, что это психодиспансер – толстые решётки на всех окнах с первого до четвёртого этажа, плотно закрытые железные двери с маленькими окошечками, задраенными решётками и заслонками Вывеска над одной из них подтвердила мою догадку.

-Где же эта «инфекция»? – ворчала я, стоя перед серо-зелёной вывеской. – Куда теперь идти? Придётся ждать ещё кого-нибудь – может, наконец, подскажут.

От нечего делать я подошла к серой стене – там красным карандашом крупными буквами было что-то написано. Кто-то коряво, но настойчиво нацарапал довольно большой текст. Буквы сползали вниз, словно соскальзывая с вертикальной поверхности и норовя упасть. Выделялась начальная фраза с толстым восклицательным знаком в конце – он был похож на морковку, только без ботвы. Я с удивлением прочитала:

Дорогой Иисус! Ты ведь знаешь мои беды. Я живу в теплотрассе уже давно, мне тяжело. Помоги мне! Не дай умереть, потому что я кашляю. Мне нечего есть. Я не мылась уже три месяца – с сентября. Тогда ещё вода в реке была не очень холодная, и я помылась. Курточка моя зацепилась за железяку и порвалась, когда я утром вылезала в город.

Кроме Тебя, Господи, помочь некому – мама уехала в Ташкент. Там тепло. Там яблоки и урюк растут вдоль дороги. Мама обещала вернуться, но её нет. Помоги мне в Твоё Рождество! Без Тебя я погибну.

Марина, 10 лет.
6 января 1999 г

В груди защемило. Какая-то колючая тяжесть придавила к земле. Я оглянулась, ища глазами ту самую теплотрассу. Действительно, метрах в пятидесяти темнел в снегу какой-то провал – оттуда курился слабый пар. Я инстинктивно двинулась туда. Провал оказался чем-то вроде норы, которая уходила вглубь – под трубы с растрёпанной теплоизоляцией.

Я заглянула туда и крикнула: «Марина! Отзовись!»

В ответ – ни звука, ни шевеления. Позвала ещё несколько раз, но по нетронутому вокруг лаза снегу было видно, что здесь уже никто не обитает.

Вернувшись на тропинку к корпусу, я растерянно стояла, держа авоську с апельсинами. Взгляд невольно возвращался к сползающему по стене тексту: «Дорогой Иисус! ... Без Тебя я погибну».

Постучала в задраенную дверь. Через некоторое время в ней открылось квадратное окошечко. Оттуда смотрела на меня обыкновенная женщина в синем халате и в таком же платочке.

-Извините, - сказала я, - но там, на стене, написано письмо от девочки Марины десяти лет. Правда, письму уже больше месяца. Вы ничего не знаете про эту девочку?

- Была какая-то девочка – бомж. Сирота, наверное. Потом исчезла. Я дежурю – сутки через двое. Поэтому ничего определённого сказать не могу.

-Но, может быть, кто-нибудь другой из ваших знает?

-Честно говоря, нам не до этого. Своего хватает – психи эти, сумасшедшие... зарплату не платят. Дома тоже – забот полон рот. Вряд ли вы узнаете ещё что-то.

-Подскажите тогда, где инфекционное отделение?

-А вон там – за деревянным забором. Но вас туда не пустят. Передачу возьмут, а вас не пустят.

-Спасибо и на этом, - сказала я и отправилась в сторону забора. Обернулась, посмотрела ещё раз на письмо девочки Марины.

Издали оно казалось бледно-розовым крылом невиданной птицы, которое падало и никак не могло упасть на грязный затоптанный снег.

Так совершилось ещё одно изгнание Бога с грешной Земли. Другие дети, может быть, счастливее Марины. Но рано или поздно *изгнание* всё равно происходит. До тех пор, пока Богу нет места на Земле, каждый ребёнок, вырастая, будет становиться *смертным земным человеком*.

Козлова Людмила Максимовна

ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ

Повести

Редактор и рецензент Николаев Н.М.

ISBN 5-87643-116-8

Издательство «Кедр»

г. Бийск, ул. Мерлина, 52

Лицензия ИД №00124

от 03.09.1999 г

Сдано в набор 20.03. 2006.

Подписано в печать 25.03..2006.

Формат 60x84 1/32. Усл.печ.л. 17,1. Заказ 04/06

Тираж: заказ 500 экз.